

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

161

**ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

161

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

СТАТЬИ

Л. И. ХЛОПИНА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛА ПОГРЕБЕННЫХ
В МОГИЛЬНИКЕ
ЭПОХИ БРОНЗЫ ДАШЛЫ 3

Некоторые могильники Средней Азии эпохи бронзы характеризуются четким положением погребенного в могиле на правый или левый бок в зависимости от его пола. В могильниках Ранний Тулхарский, Тигровая Балка, Кокча 3, на Сапалли-тепе мужчин укладывали на правый бок, а женщин — на левый. В Сумбарских могильниках наоборот: мужчин — на левый, а женщин — на правый бок¹. Безусловно, в каждом могильнике есть некоторое число отклонений от правила. Но как быть с могильником, в котором пол погребенного не был определен антропологом? Можно ли по положению костяка в могиле и по погребальному инвентарю, состоящему в основном из керамики, определить пол погребенного?

Решить это можно двумя методами, и наиболее простой заключается в сравнении исследуемого комплекса с аналогичными, уже известными памятниками. Но аналогий может и не быть. Поэтому надо применять сперва другой, более сложный метод — найти такие внутренние взаимосвязи признаков погребений, которые помогут в установлении пола погребенного. А затем, если существуют аналогичные памятники, с их помощью проверить правильность сделанных выводов.

В настоящее время в южной земледельческой зоне Средней Азии имеется единственный могильник на Дашлы 3 с достаточным археологическим материалом, в котором пол погребенных не был определен антропологом. Поэтому данная работа и посвящена анализу погребений Дашлы 3. Однако автору раскопок «думается, что положение на левом или правом боку не имело существенного значения, что наглядно видно на примере парного захоронения 54, демонстрирующего оба вида труположения»².

На памятнике Дашлы 3 (Северный Афганистан) раскопано 92 могилы³. К сожалению, опубликовано только 54 погребальных комплекса⁴. Некоторые из могил потревожены, и определить, на каком боку лежал скелет, не представляется возможным. Для выяснения различий в погребальных комплексах с костяками на правом или левом боку составлена корреляционная таблица, в которой учтены все нужные признаки погребений. Прежде чем перейти к анализу таблицы, необходимо оговорить, что общепринятой классификации керамики южных областей Средней Азии эпохи бронзы не существует. Каждый автор называет сосуд или по своему усмотрению или в силу традиции. Чтобы избежать разногласий, приводится таблица форм посуды, встреченных в погребениях Дашлы 3 (рис. 1)⁵.

Форма сосуда		Сарциани- ди	Хлопина	Форма сосуда		Сарциани- ди	Хлопина
1		Чаша сферическая		8		Банка	Кубок
		Ваза	Чаша коническая			Кубок на ножке	
2		Ваза на полной ножке		9		Кубок	Бокал
		Ваза на манюлит- ной ножке					
3		Хумча		10		Горшок	
		Чайник с труб- чатым носиком		11		Горшочек	
4		Чайник со смя- тым носиком		12		Графин	
5		Кринка					
6		Флакон косметический		13		Редкие формы	
7							

Рис. 1. Классификация керамики могильника Дашлы 3

В корреляционной таблице учтены 34 могилы, которые содержали достаточный информативный материал, и 169 сосудов (рис. 2). По горизонтальной оси отложены признаки погребений, а по вертикальной — погребения, разделенные на две группы по положению костяка в могиле.

В I группу вошло девять погребений на левом боку и кенотаф (могила 35). Кроме того, сюда условно помещено погребение 27, в котором верхняя часть скелета лежала в положении «на спине», а кости ног — в положении «на левом боку». Необходимо помнить, что если это действительно было погребение на спине с подогнутыми ногами, то при разложении мягких тканей кости ног могли упасть в любую сторону. Итак, в I группе насчитывается 11 могил и 49 сосудов. Все погребенные ориентированы головой на север.

Во II группу вошло 14 погребений на правом боку, в том числе погребение 44, в котором скелет, как считает автор раскопок, лежал на животе (ничком). Однако положение черепа (на правом виске) и ног («на правом боку») позволяет отнести могилу 44 к погребенным на правом боку. В эту же группу входят два захоронения на левом боку (могилы 14 и 33); могила 14 потревожена, однако в области грудной клетки были найдены кости младенца. Затем сюда входят три погребения на животе (ничком) (могилы 6, 23, 41); в могилах 6 и 41 костяки лежали затылком и позвоночником вверх, а кости ног в положении «на правом боку». Погребение 23 потревожено, черепа там нет, а кости ног лежали в положении «на правом боку», что позволило автору раскопок определить его положение на правом боку. Однако ребра расходились в обе стороны от плохо сохранившегося позвоночника так, как при положении «ничком». И, наконец, в эту же группу входят пока условно четыре мо-

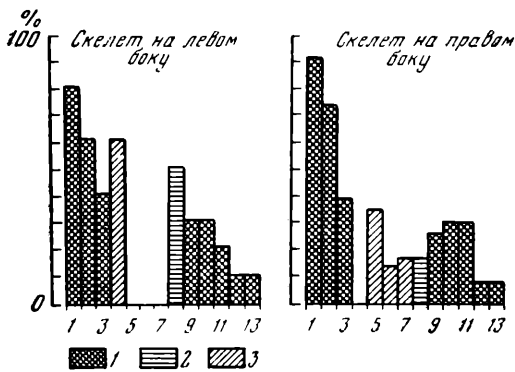

Рис. 3. Керамика в погребениях на левом и правом боку

1 — совпадение;
2 — 75% несовпадения;
3 — 100% несовпадения

с младенцем) содержало кринку и каменный косметический флакон, а также бронзовый витой стержень; все это позволило отнести могилу 14 ко II группе. Полностью нарушенные могилы 20 и 21 и могила 33 (кость на левом боку) имели в погребальном инвентаре чайники со смятым носиком. Нарушено и погребение 11, но в нем была ваза с мясной пищей, что, как видно из таблицы, характерно только для II группы. Несколько отличаются могилы, в которых погребенные лежали ничком. Они тоже содержали мясную пищу, но не в вазе, как обычно, а в чаше или без нее (в ногах или перед лицом). В могиле 6 была кринка — один из отличительных признаков II группы.

Таким образом, таблица позволяет сделать вывод о том, что погребальная керамика Дашлы 3 связана с положением скелета в могиле и делится на две группы. Для погребений на левом боку характерен чайник с трубчатым носиком, на правом — чайник со смятым носиком, кринка, косметический флакон.

Для того чтобы проверить правильность этих наблюдений, необходимо сравнить керамику обеих групп в процентном отношении. Для этого могилы каждой группы, независимо от их количества, приняты за 100% и отложены по вертикальной оси. По горизонтальной оси отложены выделенные типы керамики в строго одинаковой последовательности (рис. 3). Процентное соотношение керамики каждого типа при сравнении групп (связанных с определенным положением скелетов) между собой полностью подтверждает вывод, сделанный на основе корреляционной таблицы.

Выше отмечалось, что общими для обеих групп являются первые три типа посуды: коническая чаша, ваза и хумча. По аналогии с материалами погребений Сапалли-тепе, где в конические чаши обычно клали густую пищу — кашу⁶, можно предположить с достаточным основанием, что сосуды этого типа на Дашлы 3 также употреблялись для каши. Вазы на могилах Дашлы 3 (как видно на рис. 2) употреблялись для мясной пищи; ее остатки в вазах были найдены только в могилах II группы. В погребениях на левом боку мясная пища встретилась один раз (могила 27) и лежала перед лицом. Интересно отметить, что мясо в могилы без посуды положили в трех случаях: I группа — погребение на спине (могила 27), II группа — два погребения ничком (могилы 23, 41). Можно предположить, что помещение в могилу мяса без посуды связано с особым положением погребенного. Не исключено, что в вазы, найденные в могилах I группы, клали мясную пищу без костей. Хумча предназначалась для воды и иногда заменялась графинами, которые были найдены всего в трех погребениях (могилы 12, 14, 38), и именно в этих могилах не оказалось хумчей.

Отличительными признаками I группы можно назвать чайники с трубчатым носиком. Это позволило могилу 35 (кено-таф) отнести к погребенным на левом боку.

Отличительными признаками II группы являются чайники со смятым носиком, кринки, косметические флаконы, иногда с длинным бронзовым стержнем внутри (могила 12), иногда с миниатюрной бронзовой лопаточкой (могила 26). Именно наличие косметического флакона позволило нарушенную могилу 12 отнести к группе погребений на правом боку. Захоронение 14 (на левом боку

Таким образом, необходимый минимум посуды, которую ставили в могилы как мужчин, так и женщин, составляли емкости для продуктов земледелия, скотоводства и воды.

Чайник с трубчатым носиком встречен только в погребениях на левом боку. В Сумбарских могильниках имеется много разнообразных чайников с трубчатым носиком и все они найдены в мужских погребениях на левом боку. По аналогии с Сумбарскими могильниками можно считать, что в I группе могил Дашлы 3 (скелет лежал на левом боку) были погребены мужчины.

Характерным признаком могил II группы на Дашлы 3 (скелет на правом боку) являются чайники со смятым носиком, кринки, косметические флаконы. Чайники со смятым носиком известны в четырех погребениях Джаркутана (Южный Узбекистан): могилы 7а, 45 и 115 (ранний этап) принадлежали женщинам; в могиле 122 (поздний этап) пол погребенного установить не удалось. Бронзовые косметические флаконы есть в погребениях Сапалли-тепе (12 могил), которые все без исключения принадлежали женщинам. Бронзовые и керамические косметические флаконы, иногда с бронзовым стержнем внутри, есть в Сумбарских могильниках, и они найдены только в женских погребениях. Это позволяет II группу могил Дашлы 3 (скелет на правом боку) считать женскими захоронениями.

Чайники с трубчатым носиком были сосудами индивидуального пользования (их высота, кроме одного, не превышает 15 см) и могли предназначаться для холодного напитка. Чайник со смятым носиком тоже невелик по объему, но устройство носика не позволяет из него пить. Эти чайники вместе с кринками относились, вероятно, к хозяйственной посуде. Остальные типы керамики, как отмечалось выше, встречаются в небольшом количестве в обеих группах погребений.

Итак, на основании анализа керамических комплексов и по аналогии с материалами других могильников земледельческой зоны юга Средней Азии можно прийти к выводу, что погребенные в могильнике Дашлы 3 на левом боку были мужчинами, а на правом — женщинами.

Помимо керамики, других вещей с нужной для данного случая информативностью в могилах Дашлы 3 крайне мало. В могиле 30 (I группа, мужчины) найден кремневый наконечник стрелы.

Во II группе могил (женщины) имеется одно пряслице (могила 26). Как в Сумбарских могильниках, так и на Сапалли-тепе⁷ пряслица встречаются только в женских могилах. Кроме пряслица, в могиле 26 на Дашлы 3 был косметический флакон с бронзовой лопаточкой. Сочетание пряслица и флакона в женском погребении известно на Сапалли-тепе (могила 66)⁸. Косметическая лопаточка найдена в погребении 6 на Дашлы 3. В Раннем Тулхарском могильнике подобная лопаточка обнаружена в женском погребении 29⁹. Погребения 12 и 21 на Дашлы 3 имели бронзовые зеркала. В Раннем Тулхарском могильнике и на Сапалли-тепе все зеркала были найдены в женских могилах. На Сапалли-тепе 11 могил имели зеркала и 12 могил — косметические флаконы, в семи погребениях имелось и то и другое. На Дашлы 3 могила 12 тоже содержала и зеркало, и флакон.

Несмотря на малочисленность вещевого материала в могилах Дашлы 3, он полностью подтверждает вывод, сделанный на основании анализа керамического комплекса: на левом боку хоронили мужчин, на правом — женщин.

В группе женских погребений на Дашлы 3 есть два захоронения на левом боку. В Сумбарских могильниках известна группа женщин, которых похоронили по мужскому обряду — на левом боку. В могильнике Тигровая Балка вскрыто 27 женских погребений, в них 18 скелетов лежало на левом боку, а девять — на правом, по мужскому обряду¹⁰. Объяснение этого явления не входит в рамки данной работы. Два погребения женщин на левом боку в могильнике Дашлы 3 не противоречат нашему выводу. То же самое можно сказать и о женщинах, похороненных ничком.

Таким образом, пол погребенного без антропологического определения можно установить археологическими методами, если комплекс погребального инвентаря обладает достаточной информативностью.

- ¹ Хлопин И. Н. Из работ на Сумбарском могильнике. — В кн.: Успехи Среднеазиатской археологии. Л., 1975, вып. 4.
- ² Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 51.
- ³ Там же; пять погребений происходят из грунтового могильника на окраине поселения, а 87 вскрыто при раскопках круглого здания на Дашлы 3.
- ⁴ Сарияниди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса. — В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 51—71.
- ⁵ Названия таких типов керамики, как чаша коническая, кубок, бокал, вошли в археологическую литературу раньше публикаций раскопок в Северном Афганистане.
- ⁶ Аскарлов А. А. Сапалли-тепе. Ташкент, 1973, с. 46—47.
- ⁷ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 198.
- ⁸ Там же, с. 190.
- ⁹ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145, с. 25.
- ¹⁰ Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. — СА, 1974, № 3, с. 174.

Е. Е. КУЗЬМИНА

ЕЩЕ РАЗ О ДИСКОВИДНЫХ ПСАЛИЯХ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ¹

Проблемы хронологии, культурной принадлежности и происхождения дисковидных псалиев были подняты в 1964 г. А. М. Лесковым, показавшим сходство евразийских псалиев с микенскими². В последние годы в Подунавье³ и южнорусских степях⁴ стал известен новый материал, позволяющий вернуться к этой теме.

Находки *in situ* колесницы и дисковидных псалиев с шипами при костяках лошадей в могильнике Синташта в Приуралье⁵ позволяют закрыть, наконец, дискуссию о назначении псалиев⁶ и подтверждают мнение, что они употреблялись для колесничной запряжки⁷, а не для верховой езды.

Костяные и роговые псалии Евразии (рис. 1) составляют орудия единой категории; они имеют дисковидный щиток с центральным большим круглым отверстием, иногда обведенным валиком, и три или четыре выступа-шипа на оборотной стороне. По расположению дополнительных отверстий они делятся на пять типов⁸: I — с одним или несколькими малыми отверстиями на периферии щитка; II — с выделенной планкой, на которой помещены малые отверстия (по деталям конструкции I и II типы делятся на подтипы); III — с выделенной планкой с малыми отверстиями и дополнительным отверстием в другой плоскости; IV — с малыми отверстиями на периферии щитка и дополнительным отверстием в другой плоскости; V — с двумя одинаковыми большими отверстиями в центре.

Подтип IA — дисковидные с одним или несколькими малыми отверстиями на периферии диска с тремя или четырьмя шипами — представлен несколькими экземплярами (рис. 2, табл. 1).

Псалий с тремя шипами и одним малым отверстием найден на поселении Баланбаш в бассейне р. Белой в Приуралье, отнесенном к абашевской культуре⁹, но содержащем также андроновскую керамику, что, возможно, позволяет сблизить его с памятниками новокумакского типа.

Псалий с тремя шипами и поврежденным малым отверстием обнаружен в погребении 2 кургана 3 IV Тавлыкаевского могильника в бассейне р. Сакмары в Приуралье, относящемся к абашевской культуре¹⁰. Заготовка псалия с четырьмя шипами найдена в зольнике на поселении Но-

воникольское в Северном Казахстане в комплексе с керамикой петровского и алакульского типов¹¹. Поселение Новоникольское и могильник Синташта отнесены нами к памятникам новокумакского типа¹².

Еще одна заготовка псаляя этого подтипа с тремя шипами найдена на поселении Суруш Куйбышевской обл. в левобережном Поволжье в культурном слое, содержащем срубную и абашевскую керамику, причем большая часть последней залегает в нижних горизонтах¹³.

Псаляй с несколькими малыми отверстиями и только двумя сохранившимися шипами найден на поселении Каменка близ Керчи в Крыму в раннем комплексе, который В. Д. Рыбалова считает срубным, хотя и отмечает присутствие керамики со шнуровой и многоваликовой орнаментацией¹⁴. Тот же комплекс Б. А. Латынин относит к предкавказскому варианту катакомбной культуры, С. Н. Братченко — к памятникам ливенцовского типа, синхронным многоваликовым, а А. М. Лесков — к позднекатакомбным, характеризующимся распространением многоваликовой керамики¹⁵, что подтверждается находками на поселении костяной бляхи и обломка каменного топора бородинского типа, типичных именно для культуры многоваликовой керамики¹⁶.

Два псаляя подтипа IA с тремя шипами найдены в IV шахтной гробнице круга А в Микенах в Греции¹⁷ (рис. 3).

К подтипу IB отнесены псаляй с выделенной небольшой полуовальной планкой, не имеющей функционального значения, и тремя шипами (два экземпляра из IV шахтной гробницы)¹⁸. Микенские псаляй I типа орнаментированы по краю диска бегущей волной или бегущей спиралью (рис. 3).

К подтипу IB отнесены псаляй с центральным большим, двумя меньшими отверстиями и несколькими маленькими отверстиями по краю диска. Это два экземпляра из Трахтемирова на Украине с четырьмя шипами¹⁹. Точное место находки их неизвестно. А. М. Лесков допускает, что они были найдены на поселении с многоваликовой и шнуровой керамикой.

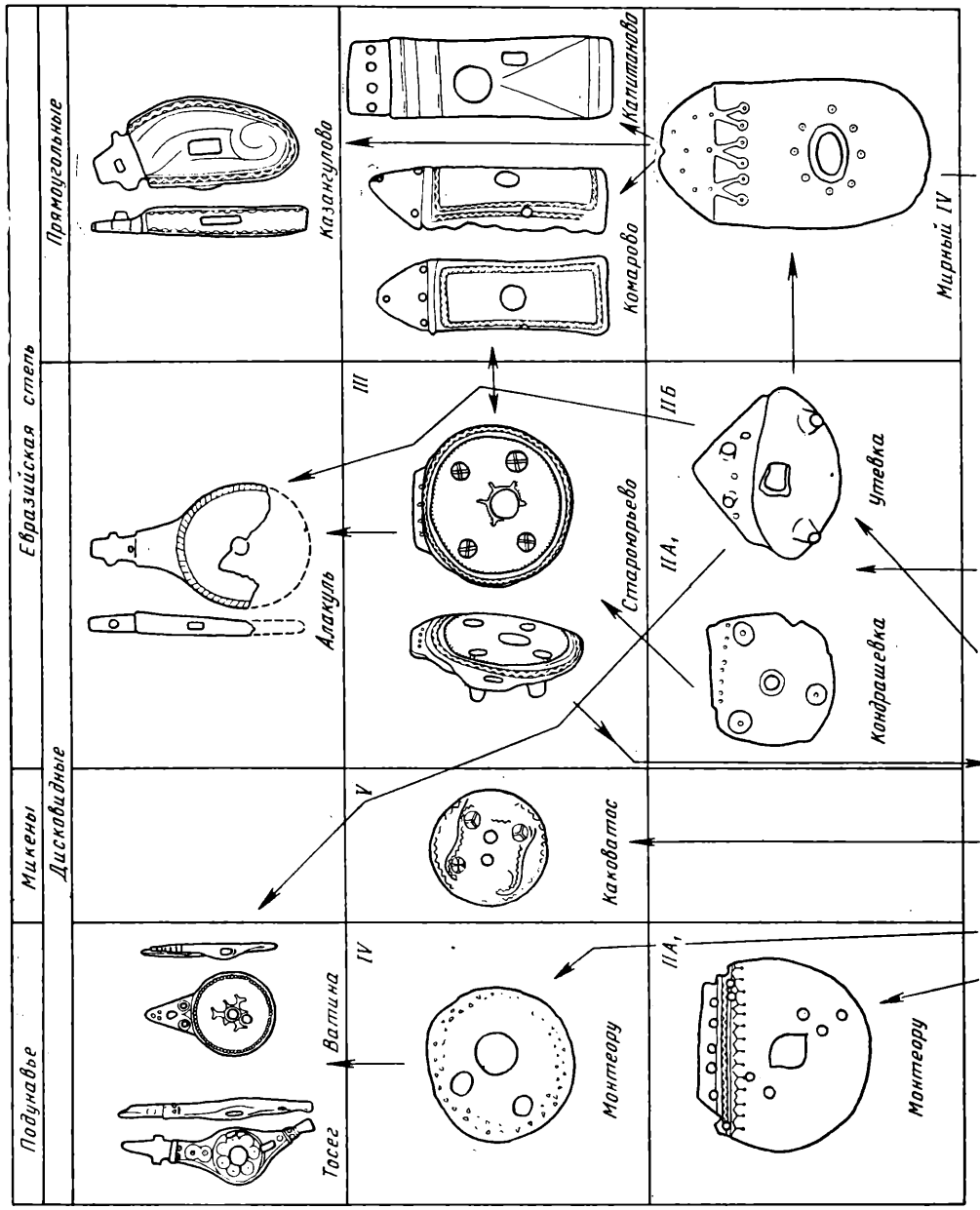
II тип дисковидных псаляев конструктивно отличается выделенной планкой, на которой размещены малые отверстия. Подтип IIA — с прямоугольной планкой — разделяется на два варианта. К варианту IIA₁ отнесены псаляй с усеченным сегментом диска и расположенными вдоль хорды малыми отверстиями. Два псаляя этого варианта найдены в Подунавье: фрагмент одного — в зольнике вместе с керамикой около поселения Кырломанешти, относящегося к культуре Монтеору IC₄—IIA; другой — на поселении Сарата-Монтеору в комплексе той же культуры²⁰. У псаляй из Сарата-Монтеору три цельных шипа, конструктивная роль планки подчеркнута орнаментом: зигзагом и равнобедренными треугольниками со свисающими от вершин перлами; у экземпляра из Кырломанешти в центре — бегущая волна с точками, по краю — зубцы.

В южнорусской степи один псаляй этого варианта с большим отверстием в центре, шестью малыми отверстиями вдоль усеченной длинной стороны-планки и только двумя шипами найден на поселении Отрожка на р. Воронеж в комплексе с абашевской и срубной керамикой²¹.

Псаляй подтипа IIA₁ с малыми отверстиями по краю диска и, в отличие от предыдущих не с цельными шипами, а с тремя вставными пштифтами найден в кургане 1 могильника Кондрашовка Воронежской обл. в комплексе со вторым фрагментированным псаляем и абашевским сосудом²².

Вариант IIA₂ составляют псаляй с четко выделенной прямоугольной планкой с малыми отверстиями. Заготовка такого псаляя с четырьмя шипами найдена на поселении Петровка IV в Северном Казахстане в комплексе с абашевским сосудом²³.

К подтипу IIB отнесены псаляй круглой или овальной формы с выступающей треугольной планкой с малыми отверстиями. Заготовка псаляя этого подтипа с четырьмя шипами обнаружена в жилище 1 на поселении Петровка IV в комплексе с петровской и алакульской керамикой²⁴.

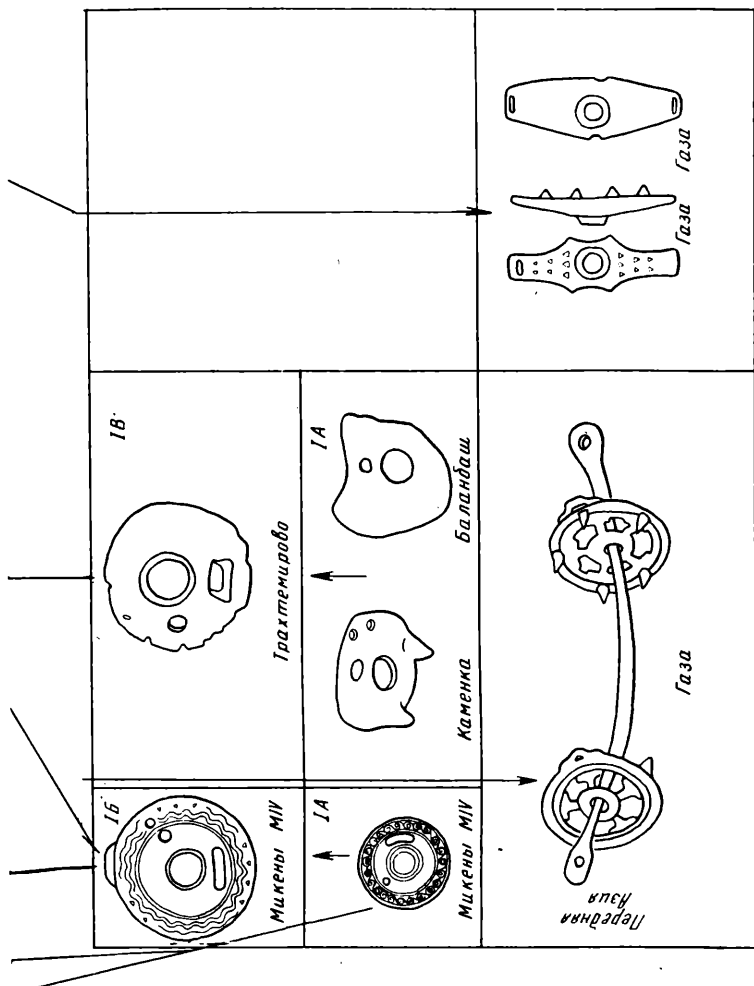

Рис. 1. Схема эволюционного развития типов псалмов Евразийских степей и сопредельных территорий

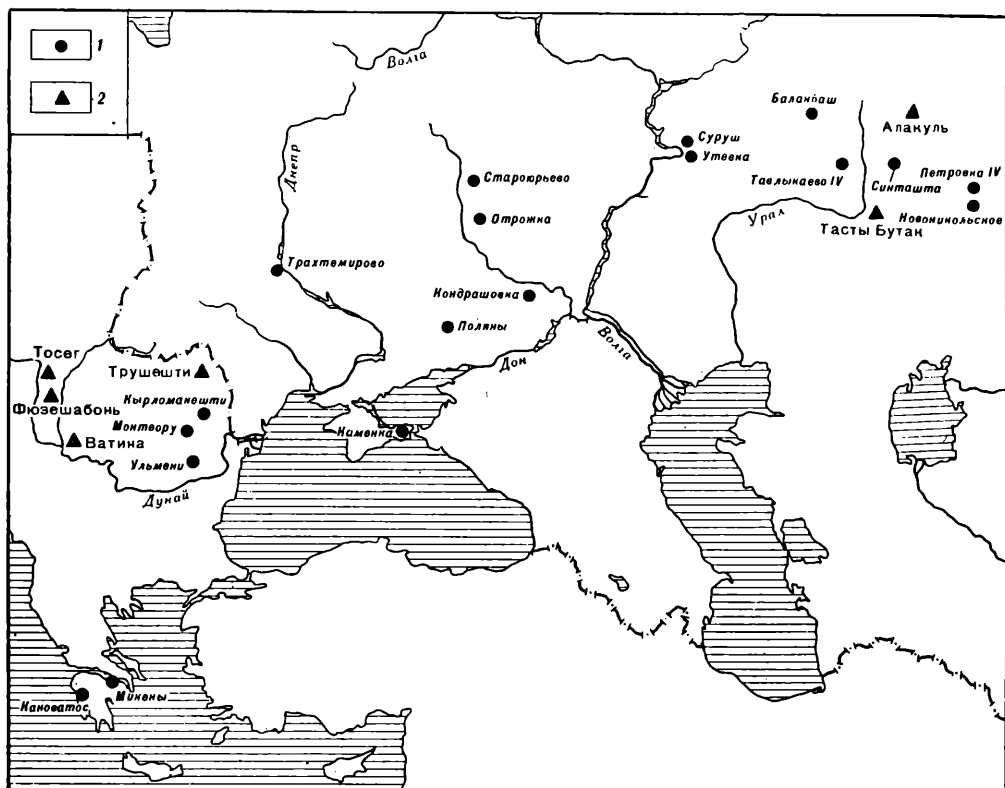

Рис. 2. Карта распространения дисковидных псаліев

1 — дисковидные псаліев с шипами; 2 — производные типы дисковидных псаліев

Образец с четырьмя шипами происходит из кургана 2 могильника Утевка VI в Куйбышевском Заволжье из основного погребения, по керамике относящегося к абашевской культуре²⁵.

Один псалій подтипа IIБ с малыми отверстиями по краю треугольной планки найден на поселении Поляны в Изюмском районе Харьковской обл. в комплексе со срубной керамикой, но с костяной бляхой, типичной для памятников многоваликовой культуры²⁶.

К III типу отнесены псаліев, имеющие выделенную прямоугольную планку с малыми отверстиями и дополнительное отверстие в другой плоскости, чем они принципиально отличаются от подтипа IIА₂²⁷. К этому типу принадлежат два псаліев из основного погребения абашевской культуры кургана 2 могильника Старожурьево в Подонье²⁸. У них по четыре вставных шпенька (как у псаліев подтипа IIА₁ из Кондраповки), снаружи орнаментированных крестами, и декор в виде бегущего зигзага и зубцов по краю диска.

К IV типу отнесены псаліев с центральным большим и двумя малыми отверстиями на периферии диска и дополнительным отверстием в другой плоскости, с четырьмя цельными шипами. Они известны пока только в Подунавье: один найден в Ульмени рядом с керамикой культур Чернавода (энеолит) и Кослоджени (бронзовый век), другой — в Сарата-Монтеору в неизвестном комплексе²⁹. Первый псалій орнаментирован по краю диска зигзагом, второй — двумя рядами зубцов.

В V тип выделены псаліев круглые дисковидные, в отличие от предыдущих имеющие два равных центральных отверстия (иногда с валиками) и по четыре вставных шпенька (иногда украшенных нарезками), укрепленных в прямоугольных отверстиях диска. Они известны пока только в Греции: три или четыре псаліев найдены во дворце в Микенах в «Доме щитов»; фрагменты еще двух — в Микенах, возможно в могиле 15; один —

Т а б л и ц а 1
Классификация дисковидных псалиев с шипами

Тип и подтип	Культура	Памятник	Шипы		Примечания	
			количество	конструкция		
I	IA	Микены, конец среднеэлладского начало позднеэлладского	Микены, могила 4	3		заготовка заготовка
		Катакомбно-многоваликовая	Каменка	?		
		Абашевская	Баланбаш	3		
»		Тавлыкаево	3			
	Срубно-абашевская	Суруш	3			
	Новокумакский комплекс	Новоникольское	4			
	IB	Микены	Микены, могила 4	3		
	IV	?	Трахтемирово	4		
II	IIA ₁	Монтеору IC ₄ —IIA	Сарата-Монтеору	3	вставные	фрагмент
		Монтеору IC ₄ —IIA	Кырломанешти	?		
		Абашевская	Отрожка	2		
»		Кондрашовка	3			
	IIA ₂	Новокумакский комплекс	Петровка IV	4		заготовка
	IIB	Абашевская	Утевка VI	4		заготовка
		Срубно-многоваликовая	Поляны	?		
		Новокумакский комплекс	Петровка IV	4		
III		Абашевская	Старокурьево	4	вставные	
IV		Кослоджени? ?	Ульмени	4		
			Сарата-Монтеору	4		
V		Микены, позднеэлладский II период Микены, позднеэлладский IIIA период То же » » » »	Каковатос, толос А	4	вставные	фрагмент бронзовый
			Микены дворец		»	
			Микены, могила 15?	4?	»	
			Микены, могила 81	4	»	
			Дендра, могила 7	4	»	

в Каковатосе на Пелопоннесе, в толосе А; один — в Дендре в могиле 7³⁰.

К тому же типу, видимо, должен быть отнесен бронзовый диск с двумя центральными отверстиями с валиками и четырьмя отверстиями для крепления штифтов-шипов. Он найден в Микенах в могиле 81³¹.

Анализ выделенных при классификации типов дисковидных псалиев позволяет реконструировать эволюцию предметов этой категории. Исходными являются псалии подтипа IA, представленные в IV гробнице Микен и в евразийской степи от Северного Причерноморья до Северного Казахстана. Сходство орудий этого подтипа по всему ареалу и особенно сходство функционально не обусловленных деталей не оставляет сомнений в моноцентрическом происхождении дисковидных псалиев. Наиболее архаичным в серии представляется псалий из Баланбаша³² — грубый, асимметричный, с тремя шипами и одним малым отверстием.

Большинство псалиев I типа, в том числе микенские, имеет по три шипа, у псалиев подтипов IIA₂, IIB и типов III, IV, V — по четыре шипа,

следовательно, в результате эволюции была закреплена форма с четырьмя шипами.

Дальнейшее развитие исходной формы псалиев подтипа IA — выделение боковой планки — подтип IB, представленный в IV шахтной гробнице Микен, и появление малых дополнительных отверстий для крепления на периферии диска — подтип IV, представленный на Украине (Трахтемирово). Эта инновация приводит к формированию нового типа — II — с выделенной планкой с малыми отверстиями. Вариант II_{A1} — со срезанным краем диска — известен в Подунавье и Подонье; вариант II_{A2} — с прямоугольной планкой — в Приуралье и Казахстане; вариант II_B — с треугольной планкой — от Северного Казахстана до Украины.

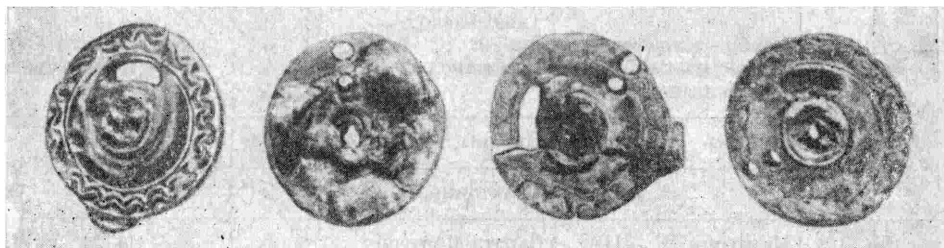

Рис. 3. Дисквидные псалии из IV шахтной гробницы Микен (по Г. Каро)

Важной инновацией формы дисквидных псалиев явилось изобретение дополнительного отверстия в другой плоскости. В Подунавье оно было реализовано в типе IV (Ульмени), развившемся из псалиев подтипа IA. В южнорусских степях принципиально новый тип псалиев — III (Староюрьево) — был создан на основе псалиев подтипа II_{A2}. В Греции развитие пошло по другому пути: на основе псалиев подтипа IA был создан V тип (Какватос), вызвавший подражание в металле.

Другое важное усовершенствование формы дисквидных псалиев — применение вместо быстро снашивавшихся цельных шипов вставных шпеньков, значительно увеличивавших срок их использования. В южнорусских степях это изобретение известно уже на предметах подтипа II_{A1} (Кондрашовка) и характерно для завершающих линию эволюционного развития псалиев III типа (Староюрьево), по этому признаку сходных с позднемикенскими псалиями V типа (Какватос). Аналогичны не только конструктивно-технологические особенности псалиев III и V типов, но и орнамент по верху шпеньков, и декор по краю диска, что, вероятно, исключает возможность конвергенции. Подобный декор представлен и на псалиях позднего — IV — типа в Подунавье (Ульмени). Это позволяет синхронизировать позднейшие типы псалиев и говорить о сохранении культурных связей между областями.

Таким образом, если в эпоху первого появления дисквидных псалиев они были однотипны по всему ареалу, что доказывает их моноцентрическое происхождение, то дальнейшая эволюция в Греции, Подунавье и южнорусских степях шла разными путями и на основе общих прототипов были выработаны свои оригинальные типы изделий. Однако культурные контакты между областями сохранились на протяжении всего периода употребления орудий этой категории.

Рассмотрение дисквидных псалиев широкого ареала Евразии дает возможность синхронизации культур, в которых они представлены. Древнейший подтип псалиев известен в Греции в IV гробнице Микен, относящейся к концу среднеэлладского — началу позднеэлладского периода, и в степях на памятниках катакомбно-многоваликовых (Каменка), абашевских (Баланбаш, Тавлыкаево), срубно-абашевском (Суруш) и новокумакских (Новоникольское). Псалии II типа известны на памятниках культур Монтеору IC₄—IIA (Сарата-Монтеору, Кырломанешти), абашев-

ских (Отрожка, Кондрашовка, Утевка VI), новокумакских (Петровка IV) и срубно-многоваликовых (Поляны). Наиболее поздние типы есть в Абашеве (Старокурьево)³³ и Микенах позднеэлладского периода II—IIIА.

Какова абсолютная хронология выделенных типов?

А. М. Лесков датировал дисковидные псалии южнорусских степей по аналогии с микенскими IV шахтной гробницы XVI в. до н. э.³⁴ В. А. Сафронов, напротив, считал, что «псалии, подобные кондрашовскому, были распространены в Греции с середины II тыс. до н. э. до XIII в. до н. э. включительно, причем туда их импортировали из Египта... Следовательно, появление их в Подонье нельзя датировать ранее XIII в. до н. э.»³⁵ Опубликовавший псалии Подунавья А. Уанча привел даты комплексов с псалиями, в разное время предлагавшиеся многими исследователями, исходившими из совершенно различных хронологических систем.

Детальная классификация псалиев и установление эволюции типов позволяют отказаться от спекулятивных хронологических построений и датировать типы евразийских псалиев по микенским аналогиям, что имеет принципиальное значение для установления абсолютной хронологии культур Евразии, все еще остающейся крайне спорной.

Дата псалиев I типа ввиду полного сходства этой исходной формы по всему ареалу устанавливается по аналогии с IV шахтной гробницей Микен, относимой к XVI в. до н. э., точнее к 1570—1550 г. до н. э.³⁶

Сходство деталей наиболее развитого евразийского типа III с микенским типом V дает основание для их синхронизации. Псалии V типа были найдены в толосе А в Каковатосе в комплексе позднеэлладский II, дата которого XV в. до н. э.³⁷, в Дендре в могиле 7, относящейся к позднеэлладскому IIIА, т. е. к XIV в. до н. э.³⁸, и в доме щитов в Микенах, разрушенном в период позднеэлладский IIIВ в XIII в. до н. э., и, следовательно, относящемся к XV—XIV вв. до н. э.^{38a} Таким образом, возраст наиболее позднего, III типа дисковидных псалиев определяется не позднее XV—XIV вв. до н. э. и служит *terminus ante quem* псалиев II типа.

По своей конструктивной особенности — наличию дополнительного отверстия в другой плоскости — псалии III и IV типов аналогичны дисковидным псалиям другого класса — бесшипным, прототипом которых они являются. В Подунавье этот класс представлен псалиями из Ватины и Тосега³⁹, в евразийской степи — псалиями алакульского типа⁴⁰. Они найдены на андроновских алакульских памятниках в Северном Казахстане — в могильниках Новоникольское и Айдабуль I, курган 1, в Приуралье — в Алакуле, курган 13, погребение 2 (вместе со скелетами двух коней колесничной упряжки) и на поселении Тасты-Бутак, в Поднепровье — в случайных сборах в Сурской Заборе⁴¹. Псалии имеют плоский диск с центральным большим отверстием и треугольный стержень с малыми отверстиями. У экземпляров из Алакуля, Новоникольского и Ватины есть дополнительное отверстие в диске в другой плоскости.

Алакульский псалий по краю диска орнаментирован косыми насечками, у псалия из Сурской Заборы вокруг отверстия — остроугольные треугольники андроновского типа, по боковым граням — циркульный орнамент, у псалия из Новоникольского — у основания отростка косые треугольники, по краю диска — косая насечка, а в центре — бегущий зигзаг и фестоны с точками, как у тосегского.

Типологически более архаичными представляются псалии из Тасты-Бутака и Ватины, у которых отросток еще имеет форму треугольной планки, как у подтипа IIБ. Псалии же из Алакуля, Айдабуля, Новоникольского, Тосега имеют на конце отростка выступы, как трехдырчатые псалии эпохи поздней бронзы⁴², и, по-видимому, являются более поздними, завершая эволюционную линию развития костяных дисковидных псалиев Старого Света⁴³.

Дисковидные бесшипные псалии алакульского типа существовали в евразийских степях с псалиями другого класса — прямоугольными⁴⁴. Последние изготовлены из продольно расколотой трубчатой кости, что определяет их вытянутую желобчатую в сечении форму с выступаю-

щими зубцами по краям. Они имеют центральное большое и малое боковое отверстия в другой плоскости, чем сближаются конструктивно с дисковидными псалями с шипами III типа и с алакульскими. На выделенной планке — малые отверстия; по форме планки псалии делятся на два типа. I тип — с прямоугольной планкой — представлен на Дону и Северском Донце на поселениях со смешанной срубно-абашевской и многоваликовой керамикой (Капитаново, Шилово, Проказино) и на раннесрубных памятниках Поволжья (Усатово, курган 5, погребение 8; Краснополье, курган 2, погребение 4 и поселение у Моечного озера). II тип — с треугольной планкой — представлен на срубных памятниках Донца (поселение Ильичево) и Поволжья (Комарово, курган 5 — вместе с парной упряжкой колесничных коней, из которых один взнуздан; поселения Ершово, Гуселка 2). Судя по комплексам, оба типа прямоугольных псалиев одновременны и характерны для срубных и алакульских памятников. Совместная находка на однослойном поселении Тасты-Бутак псалиев двух классов — прямоугольного и дисковидного бесшипного — позволяет их синхронизировать. Важно отметить, что на прямоугольных псалях применяется орнамент в виде бегущего зигзага (Тасты-Бутак, Усатово, Комарово), характерный для дисковидных псалиев с шипами (Микены, Сарата-Монтеору, Ульмени, Староюрьево) и сохраняющийся на синхронных псалях алакульского типа (Новоникольское).

Прототипом прямоугольных псалиев с шипами, по-видимому, может быть признан овальный псалий с поселения Мирный IV⁴⁵ на р. Синташта недалеко от могильника Синташта, давшего многочисленные образцы дисковидных псалиев. На поселении найдена раннеандроновская керамика и литейная матрица ножа архаической формы, типичной для предалакульских памятников новокумакского этапа⁴⁶. Псалий из Мирного по форме занимает промежуточное положение между дисковидными и прямоугольными: у него желобчатое сечение и выступающие по краю шипы, как у прямоугольных псалиев, но овальной формы щиток с центральным большим отверстием с валиком и выделенная треугольная планка с малыми отверстиями, как у дисковидных подтипа IIБ, орнамент в виде кружков с точками и лучей с перлами сопоставим с декором дисковидных псалиев типа IIА₁ из Подунавья. Все это, возможно, позволяет предполагать единое происхождение двух классов псалиев Евразии от общего прототипа — дисковидных псалиев с шипами.

Таким образом, исходный тип дисковидных псалиев IA был создан носителями культур абашевской и многоваликовой керамики и продолжал развиваться на протяжении всего периода существования абашевской культуры и на ранних этапах формирования срубной и андроновской культур в комплексах, где отчетливо прослеживается влияние абашевской и многоваликовой культур, в том числе в новокумакском. В памятниках следующего хронологического горизонта — времени расцвета срубной и андроновской культур — получили распространение более выработанные типы: дисковидные без шипов и прямоугольные с шипами, генетически восходящие к архаическим дисковидным и овальным псалям с шипами и, в свою очередь, являющиеся предшественниками трехдырчатых псалиев, характерных для культур эпохи поздней бронзы широкого ареала Евразии.

Два класса псалиев — подпрямоугольные (по И. Потратцу — I тип) и дисковидные (II тип), но не костяные, а бронзовые, применялись для колесничной запряжки также в Передней Азии⁴⁷.

Каково же соотношение разных типов костяных и роговых псалиев евразийских степей, Подунавья и Микен и бронзовых шипастых псалиев Передней Азии? Сходство костяных и металлических псалиев этих зон подчеркивалось неоднократно⁴⁸.

Однако гипотезы относительно центра происхождения их диаметрально противоположны. А. М. Лесков, К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина, Н. Н. Чередниченко, В. Б. Ковалевская склоняются к тому, что перед-

неазиатские и микенские псалии являются дериватами степных: по А. М. Лескову — центральноазиатских, по К. Ф. Смирнову, Е. Е. Кузьминой и В. Б. Ковалевской — южнорусских, по Н. Н. Чередниченко — восточноевропейских, попавших в Микены и оттуда в Переднюю Азию⁴⁹. А. Можолит предполагает заимствование в Подунавье прототипов псалиев из причерноморских степей⁵⁰. Г. Потратц считает дунайские псалии прототипом переднеазиатских⁵¹. Напротив, Б. А. Латынин, В. А. Сафронов и А. Уанча полагают, что дисковидные псалии появились в Подунавье и степях из Средиземноморья: по Б. А. Латынину — из Анатолии, по В. А. Сафронову и А. Уанча — из Микен⁵². М. Литтауэр, подчеркивая некоторые конструктивные различия, допускает, что костяные псалии степей являются подражанием переднеазиатским металлическим⁵³.

Последняя гипотеза, по-видимому, может быть отвергнута, исходя из конструктивных особенностей псалиев: и размер, и характер шипов, и конструкция отверстия с валиком были продиктованы особенностями исходного материала псалиев, изготовлявшихся или из широкой части рога или из эпифизов плюсневой кости быка (Баланбаш, Каменка). Особенности формы, первоначально обусловленные материалом, были затем повторены в металле. Выразителен микенский бронзовый псалий из могилы 8: в нем воспроизведена конструкция со вставными шипами, являвшимися важным усовершенствованием костяных псалиев, но совершенно ненужная у более прочных бронзовых.

Таким образом, исходными были костяные и роговые псалии. Что касается древнейших костяных дисковидных шипастых псалиев I типа, то вопрос о приоритете евразийской степи, Подунавья или Микен в становлении этого типа не может считаться окончательно решенным. Роль в этом процессе Подунавья пока из-за фрагментарности материала не ясна. В пользу гипотезы о микенском происхождении псалиев I типа могли бы свидетельствовать наличие «микенских» орнаментов на дисковидных псалиях как Подунавья, так и евразийских степей вплоть до Казахстана и хорошо известное по материалам других категорий влияние высокоразвитой цивилизации Микен на культуры Европы⁵⁴, в том числе и Восточной, осуществлявшееся путем торгового обмена⁵⁵. Однако исследователи микенской цивилизации предполагают, что микенские династии пришли в Грецию с севера и ищут там происхождение ряда черт материальной культуры Микен.

Характер колесничных мифов указывает на их центральноевропейское происхождение. Особенно важна мифологема лебеди-кони, влекущие по небу колесницу солярного бога, возможность средиземноморского происхождения которой исключена и которая могла возникнуть только в северной части Евразии, где прилет лебедей символизирует наступление весны⁵⁶.

В Элладе в предмикенскую эпоху не было развитых традиций коневодства, что не стимулировало изобретения конных колесниц.

Напротив, в евразийских степях коневодство известно с III, если не с IV тысячелетия до н. э., в III тысячелетии до н. э. в зоне от Днепра до Урала выделились коневодческие культуры, оформился культ коня и есть косвенные данные об использовании лошади в транспортных целях⁵⁷. Следовательно, были стимулы развития тренинга и запряжки. Об интенсивных поисках наиболее эффективных способов запряжки свидетельствует крайнее разнообразие и нестабильность типов псалиев в степи.

Все это позволяет склоняться к предположению, что формирование псалиев I типа происходило в евразийских степях, где известны и самые архаичные, лишенные декора экземпляры (Баланбаш). На рубеже среднеэлладского и позднеэлладского периодов колесницы с парами коней⁵⁸ с дисковидными псалиями попали в Грецию.

Дальнейшее развитие псалиев в разных областях ареала пошло независимо, но параллельно, а установившиеся активные культурные

связи способствовали распространению микенского декора на псалиях разных типов. Из-за фрагментарности материала это предположение может быть высказано пока лишь в качестве гипотезы, синхронность же древнейших типов псалиев и существование широких культурных связей населения Евразии вплоть до Греции и Подунавья уже сейчас, видимо, может считаться доказанным фактом.

Что касается появления узды для колесничной запряжки в Передней Азии, то по конструкции бронзовые дисковидные переднеазиатские псалии с шипами и дополнительным боковым ушком для крепления напечного ремня больше всего напоминают степные псалии III типа (Старожурьево). Переднеазиатские псалии с подпрямоугольной планкой с центральным отверстием и малыми отверстиями наверху планки по форме и валлику вокруг центрального отверстия ближе всего псалию из Мирного, а по конструкции с боковым ушком в другой плоскости — степным псалиям с прямоугольной планкой. Если эти сопоставления верны, то они имеют принципиальное значение, позволяя наметить тот ареал, из которого прототипы псалиев обоих классов могли попасть в Переднюю Азию. Поскольку поздний вариант костяных дисковидных псалиев с шипами сочетался с ранним вариантом прямоугольных псалиев с шипами только в евразийской степи от Подонья до Западного Казахстана, можно полагать, что именно эта зона была исходной территорией, откуда происходило распространение псалиев в Старом Свете. В эпоху становления срубной и андроновской культурно-исторических общностей, характеризующихся активными передвижениями племен и установлением широких культурных связей, в южнорусских степях шел интенсивный процесс поиска наиболее эффективных форм псалиев, что проявилось в создании и быстрой смене и усовершенствовании различных типов.

Именно в этот период, вероятно, колесницы с высокопородными конями, запрягавшимися при помощи шипастых псалиев двух классов, попали в Переднюю Азию, где получили дальнейшее развитие. Если этот вывод верен, то он хорошо согласуется с лингвистическими данными о заимствовании в Передней Азии навыков колесничной запряжки у пришлых индоиранцев⁵⁹.

- ¹ Часть доклада «Связи евразийских степей и Среднеземноморья во второй четверти II тысячелетия до н. э.», прочитанного на пленарном заседании на совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности в г. Куйбышеве в феврале 1978 г.
- ² Лесков А. М. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. — СА, 1964, № 1.
- ³ Oancea A. Branches de mors au corps en forme de disque. — In: Thraco-Dacica. Bucaresti, 1976, p. 59—75.
- ⁴ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 42—43, рис. 11.
- ⁵ Генинг В. Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника). — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, ч. I, с. 94; Генинг В. Ф., Виноградов Н. Б. Новый могильник середины II тысячелетия до н. э. на реке Синташта. — АО 1975 г. М., 1976, с. 168 (материал не опубликован).
- ⁶ Сводку точек зрения см.: Oancea A. Op. cit., p. 68—71. Против интерпретации микенских костяных дисков с шипами как псалиев выступают также М. Литтауэр и Дж. Крауэл (*Littauer M., Crowwel J. Evidence for Horse Bits from Grave IV at Musenaev? — Praehistorische Zeitschrift, 1973, Bd. 48, p. 207—213.* Важно отметить, что в микенских документах линейного письма В описываются псалии из рога и реже из меди (*Ventris M., Chadwick J. Documents in Musenaev Greek, Cambridge, 1956, p. 365—368.*)
- ⁷ Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. — ВДИ, 1974, № 4, с. 82.
- ⁸ Наша классификация отличается от типологии А. Уанча и А. Д. Пряхина (*Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976, с. 122—124, рис. 2.*)
- ⁹ Сальников К. В. Отчет о работах на строительстве железной дороги Уфа—Ишимбаево в 1934 г. — В кн.: Археологические исследования в 1934—1936 гг. Л., 1941, с. 131, табл. XXI; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 51, 74, рис. 8, 19.
- ¹⁰ Горбунов В. С. Классификация абашевских могильников Башкирии. — В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976, с. 33—34, рис. 8, 11.

- ¹¹ *Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Петровские (раннеалакульские) комплексы Северного Казахстана. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 96; *Зданович Г. Б.* Реконструкция конской узды: Тезисы доклада на заседании сектора неолита и бронзы ИААН СССР, 30/1, 1978 г.
- ¹² *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч., гл. II—IV, рис. 6; 7.
- ¹³ *Васильев И. Б.* Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья. — В кн.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975, вып. V, с. 4—6, рис. 6, 2; *Васильев И. Б., Пряхин А. Д.* Сурушское поселение эпохи бронзы. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977, с. 137—147, рис. 5, 7.
- ¹⁴ *Рыбалова В. Д.* Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи. — СА, 1966, № 4; *Она же.* Поселение Каменка в восточном Крыму. — АСГЭ, 1974, 16, с. 27, 47—48, рис. 3, 1. В. Д. Рыбалова (с. 47) полагает, что миниатюрный псалий из Каменки представляет поздний вариант, так как, по ее мнению, эволюция идет по линии уменьшения размеров псалиев, что не подтверждается нашей типологией.
- ¹⁵ *Латынин Б. А.* Архаические круглые псалии с шипами. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 202; *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 127—128, рис. 72, V, 3; *Лесков А. М.* Указ. соч., с. 12; *Она же.* Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. — В кн.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, с. 17.
- ¹⁶ *Бережанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1977, с. 10; *Она же.* Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине: Доклад на Совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности. — В кн.: Древности культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978, с. 82—83. *Огрощенко В. В.* Могильники степного Поднепровья. — Там же, с. 84—85.
- ¹⁷ *Karo G.* Schachtgräber von Mukenai. München, 1930, S. 130, Taf. 70, N 532—535 (подпись под рис. неверна). В отличие от степных у каждого микенского предмета два конических шипа имеют сквозные отверстия в горизонтальной плоскости, а в центральное отверстие вставлена трубочка, разделенная у № 533 и 535 на три отделения костяными пластинками, что и вызывает сомнения М. Литтауэр и Дж. Крауэл в возможности использования предметов как псалиев.
- ¹⁸ Там же, с. 113, табл. 70, № 533, 534.
- ¹⁹ *Лесков А. М.* Указ. соч., с. 299, рис. 1.
- ²⁰ *Oansea A.* Op. cit., p. 61—62, 72, fig. 3, 1, 2. А. Унча выделяет их в тип Кырломанешти.
- ²¹ *Тихонов Б. Г.* Воронежская новостроечная экспедиция. — АО 1971 г. М., 1972, с. 78. Приношу благодарность Б. Г. Тихонову за разрешение сослаться на неопубликованный материал.
- ²² *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Абашевская культура в Поволжье. — МИА, 1967, № 97, с. 88, рис. 31, 4.
- ²³ *Зданович Г. Б.* Указ. соч.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Васильев И. Б.* Раскопки в Куйбышевской обл. — АО 1973 г. М., 1974, с. 136, рис.; *Она же.* Абашевские памятники. ..., с. 10—11, рис. 6, 1.
- ²⁶ *Радзиевская В. Е.* Новые поселения в бассейне Северского Донца. — АО 1975 г. М., 1976, с. 383 (не опубликован).
- ²⁷ Отнесение староюрьевских псалиев к подтипу IIА (*Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч., с. 42) не точно, как и выделение их в особый тип не по форме, а по технике изготовления (*Пряхин А. Д.* Поселения. ..., с. 124).
- ²⁸ *Пряхин А. Д.* Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. — СА, 1972, № 3, с. 236, рис. 3.
- ²⁹ *Oansea A.* Op. cit., fig. 5, 3, 4. А. Унча выделяет их в тип Ульмени.
- ³⁰ *Wace A.* A Mucenian Mystery. — Archeology, 1960, v. 13, N 1, fig. 2—4; *Oansea A.* Op. cit., p. 64—65, fig. 4, 5—10. А. Унча выделяет их в тип Каковатос. По форме им близки миниатюрные глиняные предметы, которые не могли использоваться как псалии и были, видимо, вотивными.
- ³¹ *Wace A.* Op. cit., fig. 1. А. Унча (Указ. соч., с. 65—66) сопоставляет с ним костяные бляхи из Подунавья (тип Фюзе Шабонь), использование которых в качестве псалиев не представляется бесспорным.
- ³² Противоположная точка зрения высказана А. Унча (Указ. соч., с. 62).
- ³³ Вывод об относительно позднем возрасте псалиев Староюрьева, основанный на построении эволюционного ряда типов, хорошо согласуется с независимо полученным на основании комплекса заключением А. Д. Пряхина (*Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977, с. 120, рис. 21, 98), отнесенного Староюрьево к позднеабашевским памятникам.
- ³⁴ *Лесков А. М.* Указ. соч.
- ³⁵ *Сафронов В. А.* Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. — В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР: VII Международной конгрессе доисториков и протосториков. М., 1966, с. 189—190. Гипотеза о египетском происхождении загадочных костяных предметов из Микен была высказана еще Шахермейером, но не может быть принята, так как в Египте не найдено ни прототипов, ни аналогов микенских псалиев, а вся обширная

- коневожденская терминология в ахейском языке не несет никаких следов египетских или переднеазиатских заимствований и является индоевропейской.
- ³⁶ *Wace A.* Op. cit., p. 42; *Mylonas G.* Ancient Mucenae. The Capital City of Agamemnon. London, 1957, p. 181; *Marinatos S.* Crete and Mycenae. London, 1960, p. 177.
- ³⁷ *Palmer L.* Mycenaeans and Minoans. London, 1965, p. 171.
- ³⁸ *Wace A.* Op. cit., p. 42.
- ^{38a} Ibid.
- ³⁹ *Mozsolics A.* Mors en bois de cerf sur la territoire du Bassin de Carpathes. — ААН, 1953, 3, pl 14, 14, 15, fig. 19, 20; *Oansea A.* Op. cit., p. 68, 74, fig. 6, 4—6. По А. Можолитч, они относятся к III периоду бронзового века Венгрии, датируемому ею XIV—XII вв. до н. э., что оспаривается многими современными исследователями, принимающими более длинную хронологию.
- ⁴⁰ *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. — СА, 1961, № 1.
- ⁴¹ *Зданович Г. Б.* Указ. соч.; *Зданович Г. Б. и др.* Поселение Новоникольское I. — АО 1977 г. М., 1978, с. 513—514; *Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР, Алма-Ата, 1959, т. 7, с. 16, рис. 8; *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль. — МИА, 1952, № 24, с. 58, рис. 7, 2; Андроновская культура. 1. — САИ, 1966, вып. ВЗ—2, табл. XXXVIII, 22; *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабагинской культуре. — СА, 1968, № 3, с. 27, рис. 3; 52; *Чередниченко М. М.* Хронология зрубной культуры Північного Причорномор'я. — Археологія, 1977, № 22, рис. 2, 3.
- ⁴² *Чередниченко Н. Н.* Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II—начале I тысячелетия до н. э. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, ч. 1, с. 79—80.
- ⁴³ К особому подтипу должны быть отнесены два псаля со зрубного поселения Казангулово в Приуралье. Как и алакульский, они имеют центральное и боковое отверстие в разных плоскостях, выступ с отрезками и отверстием, но щиток овальной формы, как у псаля из Мирного. На одном экземпляре — косые насечки, как у алакульского, на другом — бегущий зигзаг, как у новоникольского и тосегского, и круг с точкой, и волна вокруг центрального отверстия. По конструкции и орнаменту они могут быть синхронизированы с алакульскими (*Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф.* Находки костяных псаляев эпохи бронзы в Башкирии. — СА, 1975, № 2, с. 254—257, рис. 1, 2).
- ⁴⁴ *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 47—50, рис. 1, 2; *Чередниченко Н. Н.* Археологические исследования на Луганщине. — В кн.: Археологические исследования на Украине 1967. Киев, 1968, вып. II, с. 102—104, рис. на с. 103; *Он же.* Поселение зрубной культуры на Луганщине. — СА, 1970, № 1, с. 234, рис. 2, 1, 5; *Братченко С. Н.* Указ. соч., с. 151, рис. 72, IV, 2; *Прякин А. Д.* Поселения..., с. 41, рис. 10, 11; *Шаповалов И. Т.* Поселение зрубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. — В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 158, 160, рис. 4, 1.
- ⁴⁵ *Чемякин Ю. П.* Поселение эпохи бронзы Мирный IV. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 15, с. 55, рис. 2, 6.
- ⁴⁶ *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч., с. 35—36, рис. 10.
- ⁴⁷ *Potratz H.* Die Pferdetransen des Alten Orient. — In: *Analecta Orientalia.* Roma, 1966, S. 103—116, Taf. 106—109, 115. Даты псаляев Амарны 1413—1350 гг. до н. э., Гезера 1300—1100 гг. до н. э., Рас-Шамры XIV в. до н. э., Газы XVII в. до н. э. по Ф. Питри и Г. Потратцу, XVI—XV вв. до н. э. по К. Шефферу, XV—XII вв. до н. э. по М. Литтауэр, Д. Крауэл и Р. Бемеру (*Boemer R.* Die Kleinfunde von Bogazköy. — Bogazköy—Hattusa, 1972, Bd. VII).
- ⁴⁸ *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 55, 83; *Лесков А. М.* Древнейшие роговые псаля, с. 300; *Potratz H.* Op. cit.
- ⁴⁹ *Лесков А. М.* Древнейшие роговые псаля..., с. 302; *Он же.* Раскопки курганов на юге Херсонщины..., с. 17; *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 57, 71—72; *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч., с. 43; *Кузьмина Е. Е.* Лошадь в Европе и на Переднем Востоке. — В кн.: V Всесоюзная сессия по Древнему Востоку. Тбилиси, 1971, с. 92—93; *Она же.* Распространение коневодства и культя коня у ... народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977; *Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. М., 1976, с. 60—61; *Чередниченко М. М.* Указ. соч., с. 9; *Он же.* Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы. — В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 147—148.
- ⁵⁰ *Mozsolics A.* Die Herkunftsfrage der ältesten Hirschgewehtrensen. — ААН, 1960, 12, S. 125.
- ⁵¹ *Potratz H.* Die Pferdegebisse des Zwischenstromlandischen Raumes. — Archiv für Orientforschung. Berlin, 1941, Bd. XIV, 1, 2.
- ⁵² *Лавыгин Б. А.* Указ. соч., с. 203—204; *Сафоносов В. А.* Указ. соч., с. 189.
- ⁵³ *Littauer M.* Bits and Pieces. — Antiquity, 1969, v. XLIII, N 172, p. 298.
- ⁵⁴ *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953, с. 261—268; *Piggott S.* Ancient Europe. Edinburg, 1965, p. 123, 134—137, fig. 72, pl. XVIII.
- ⁵⁵ *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч., с. 43—50, рис. 12; *Sulmirski T.* Prehistoric Russia. Dublin, 1970, p. 273—276, fig. 66; *Beresanskaja S. S.* Hauptetappen

der Entwicklung des Beziehungen der Ukraine mit den ostlichen Mittelmeer- und Donaugebieten in der Bronzezeit. — In: VIII Congress international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Belgrad, 1971, S. 7, 8.

⁵⁶ Иванов В. В. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. — В кн.: Этимология, 1967. М., 1969, с. 54.

⁵⁷ Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства...

⁵⁸ Если так, то микенская дата служит terminus ante quem южнорусских псалиев.

⁵⁹ Обзор основной литературы см.: Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Указ. соч., гл. IV.

П. Д. ЛИБЕРОВ

О ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

На Кировском поселении, расположенном на окраине с. Кирово Ленинского района Крымской области, в ходе раскопок (1960—1961, 1964—1967 гг.) была исследована площадь 1800 кв. м. На раскопанной площади найдено много лепной керамики, индивидуальных предметов, в том числе изделий из кости, и жилища. Поселение, по заключению А. М. Лескова, относится к позднесрубной культуре сабатиновского и белозерского этапов¹. Хронологически это время определяется самым началом сабатиновского этапа (XIII в. до н. э.) — началом VIII в. до н. э.²

Не касаясь всех интересующих нас вопросов, мы обращаем особое внимание лишь на один костяной предмет — лунницевидную бляху, датированную автором началом I тысячелетия до н. э.³ Бляха состоит из трех кружочков, соединенных между собой цельной перемычкой так, что один кружок направлен вверх и два — налево и направо. На правом кружке имеются резные концентрические круги; на левом — в центре кружок с точкой посередине и восемь резных лопастей с точками внутри; в верхнем кружке расположено два концентрических круга с точкой в центре и тринадцать маленьких кружочков, идущих по периферии большого кружка; от внешнего концентрического круга с внешней же стороны отходят тринадцать конусовидных выступов напротив каждого малого кружочка. На обороте — отверстие для прикрепления в виде запятой, сделанной из целой кости. Таким образом, лунницевидная бляха из кости представляет предмет, украшавший, по-видимому, уздечку, и предшествует металлическим лунницевидным бляхам с тремя кружочками в эпоху раннего железа⁴. Однако они встречаются и в комплексах VIII—VII вв. до н. э.⁵

Из всех кружков лунницевидной бляхи нас интересует резное изображение лопастей на левом кружке (рис. 1, 1), так как они своей формой подражают лопастям дисковидных костяных псалий, расположенных вокруг центрального отверстия из кургана 2 у с. Староюрьево (рис. 2, 1, 2)⁶. Представленный в статье рисунок избавляет нас от необходимости описания псалий. Подчеркнем только, что псалии найдены в комплексе абашевских предметов, сопровождавших разрушенное грабителями погребение. В этом комплексе находились два костяных трехгранных наконечника стрел с внутренней втулкой, кремневый наконечник стрелы со стержнем для насада, бронзовый нож и обломки двух абашевских сосудов⁷. А. Д. Пряхин, опубликовавший результаты раскопок староюрьевских курганов, датировал это погребение третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

В связи с публикацией Кировской лунницевидной бляхи большой интерес представляют и находки на Шиловском поселении Воронежской об-

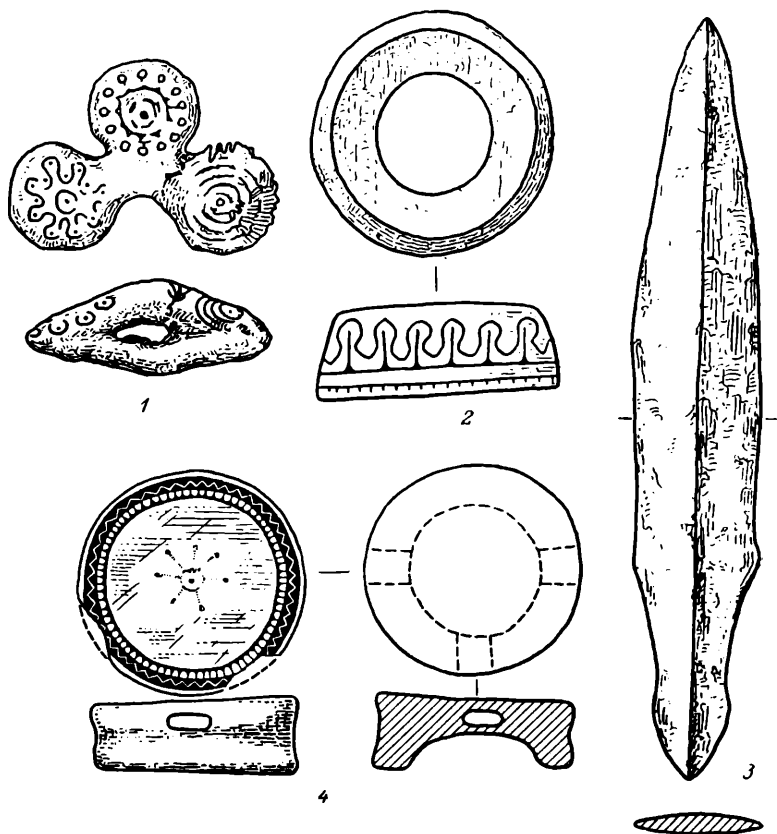

Рис. 1. Лунницевидная костяная бляха от «узденного» набора из поселения у с. Кирово (1); пронизка (2) и нож (3) с поселения у с. Шилово Воронежской обл., костяная бляха из погребения 2 кургана 3 у с. Иловатка (4)

ласти. Так, например, в третьем штыке абашевского культурного слоя найдена костяная пронизка неопределенного назначения с «каплевидным» резным орнаментом на боковой части (рис. 1, 2)⁸. Это такие же лопасти, как у лунницевидной бляхи из Кировского поселения и дисковидных псалий из погребения у с. Староюрьево. В третьем же штыке культурного слоя Шиловского поселения найдено много изделий из кости, в том числе плоский костяной псалий из расколотого рога (обломан по второму отверстию) с тремя круглыми отверстиями (рис. 3, 1) и костяной конек типа садчиковки (рис. 3, 2)⁹. Кроме того, во втором штыке найден бронзовый нож абашевского типа (рис. 1, 3), совершенно сходный с бронзовым ножом из кургана 2 у с. Староюрьево¹⁰. Общая хронология абашевской культуры на среднем Дону относится (по А. Д. Пряхину) к третьей четверти и началу четвертой II тысячелетия до н. э.¹¹

Еще две костяные бляхи найдены в кургане 3 погребения 2 у с. Иловатки Волгоградской области. В кургане высотой менее 0,2 м было три погребения — два из них, судя по абашевской керамике, относятся к абашевской культуре и одно — к эпохе раннего железа¹². Погребение 2 было расположено на глубине 0,9 м от поверхности (?), человеческий скелет сохранился неполностью. Он лежал, по-видимому, на левом боку, со слегка подогнутыми и обращенными в левую сторону коленями, черепом на север. Дно могилы было выложено корой или берестой, а стенки, вероятно, деревом. Скелет был прикрыт широкими деревянными плахами,

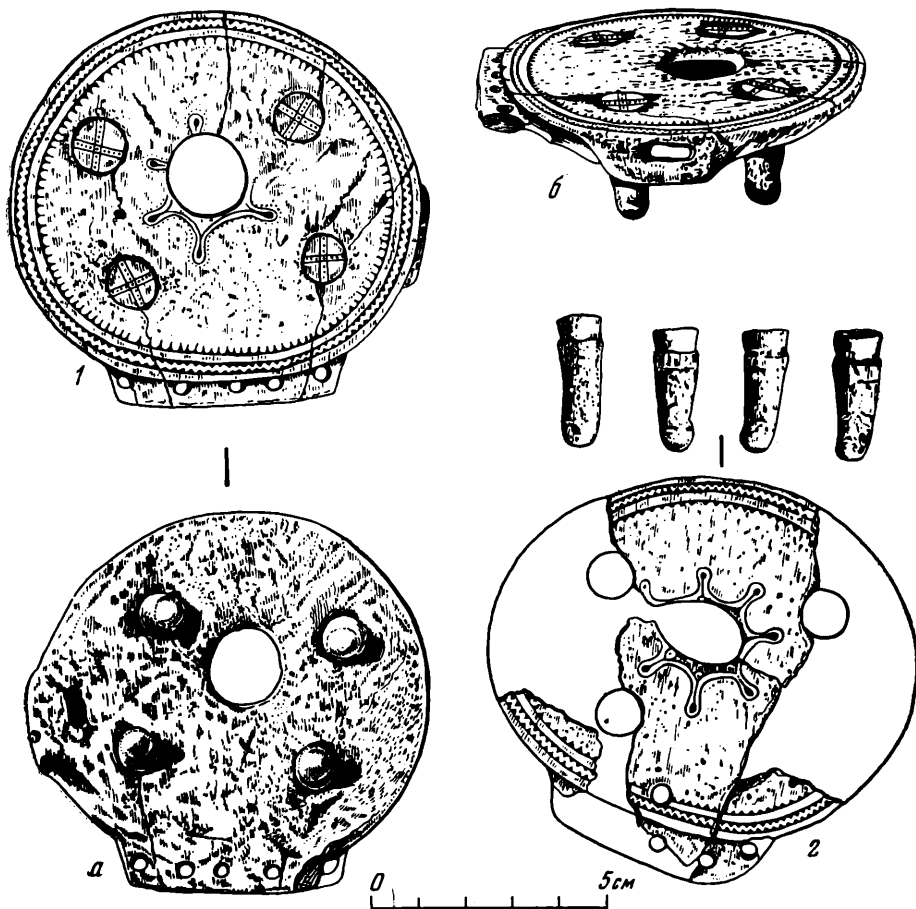

Рис. 2. Костяные псалии из погребения у с. Старожурьево

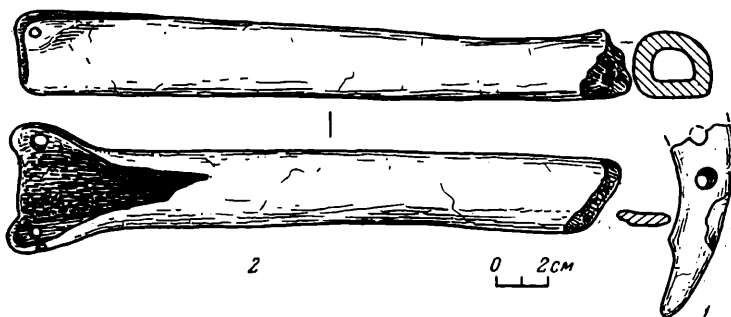

Рис. 3. Костяные изделия из поселения у с. Шилово

1 — псалий; 2 — конек

ориентированными длинной осью с севера на юг. На дне могилы находилось много древесного угля, которым был покрыт и костяк¹³. Костяные бляхи диаметром 4 см и высотой 1,5 см лежали рядом на перекрытии и, по-видимому, принадлежали безудильной уздечке, служа украшением¹⁴. На поверхности в центре был кружок из резного орнамента с центральной точкой посередине и отходящими от кружка семью лучами, по периферии шел бордюр из белых частых зубчиков, а далее зигзаг из белой же линии на черном фоне. Последний орнамент очень похож на орнамент костяных псалий из кургана 2 у с. Старожурьево. Обратная по-

верхность имеет ободок шириной 0,6 см и высотой до 6,5 см, в котором прорезаны три прямоугольных отверстия для уздечного ремня (рис. 1, 4). К. Ф. Смирнов предполагает, что эти бляхи принадлежали недоуздку, при котором необязательны удила и псалии. Сравнивая по орнаменту костяные псалии первого типа и бляхи из погребения 2, он датирует их тем же временем, что и псалии, т. е. XV—XII вв. до н. э. Следует также отметить, что центральный кружок с точкой в центре очень сходен с центральным же рисунком на лунницевидной бляхе с поселения у с. Кировского.

Таким образом, по сходству орнамента описываемых вещей все они хронологически являются одновременными и датируются началом I тысячелетия до н. э.

¹ Лесков А. М. Кировское поселение. Киев, 1970, с. 12.

² Там же, с. 47.

³ Там же, с. 46.

⁴ Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887, т. I, табл. IV, 7; СПб., 1901, т. III, табл. XVIII, рис. 2, 7.

⁵ Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, с. 103, рис. 74, 4 и с. 189.

⁶ Прягин А. Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. — СА, 1972, 3, с. 233 и сл., рис. 3.

⁷ Там же, с. 235, рис. 2, 1—6.

⁸ Прягин А. Д. Отчет о раскопках Шиловского поселения в 1970 году. — Архив ИА АН СССР, № 4145, с. 32, альбом, рис. 37, 7.

⁹ Там же, с. 31—32, рис. 36, 5, 7.

¹⁰ Там же, с. 34, 41.

¹¹ Прягин А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, с. 189.

¹² Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. — МИА, 1958, № 60, с. 226, рис. 9.

¹³ Там же, с. 227.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей. — СА, 1961, № 1, с. 50, рис. 3.

В. А. АЛЕКШИН

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЮЖНОТУРКМЕНСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ

(по материалам захоронений)

В эпоху бронзы (период Намазга V) на юге Туркмении существовала высокоразвитая культура протогородского, или раннегородского, типа¹. Период расцвета в подгорной полосе неожиданно сменяется упадком (комплекс Намазга VI). Б. А. Куфтин считал, что культура периода Намазга V погибла под ударами вторгнувшихся с севера племен степной бронзы². В. М. Массон связывал причину упадка с кризисом оседлого земледелия в подгорной полосе³. Позднее он выдвинул предположение, что появление комплекса Намазга VI обусловлено взаимодействием обоих указанных факторов⁴.

Основанием для выдвижения гипотезы о вторжении племен степной бронзы в земледельческие оазисы южной Туркмении послужили находки керамики андроновидного типа на поселениях древних земледельцев либо в непосредственной близости от них⁵. Часть керамики этого типа, судя по стратиграфическим наблюдениям, датируется серединой II тысячелетия до н. э.⁶, т. е. временем сложения комплекса Намазга VI. Тем не менее предположение о том, что причина упадка культуры осед-

ных земледельцев в подгорной полосе связана с инфильтрацией племен степной зоны Средней Азии, остается недоказанным. Главным возражением против этой гипотезы является тот факт, что керамический комплекс времени Намазга VI складывается на основе керамического комплекса Намазга V. Отсюда был сделан вывод, что культура Намазга VI генетически связана с культурой Намазга V⁷. Основываясь на предполагаемом генетическом родстве земледельческих культур развитой и поздней бронзы Туркмении, исследователи, однако, существенно расходятся в оценке последующих событий на юге Средней Азии. Согласно одной точке зрения, население культуры Намазга VI вошло в прямой контакт со степными племенами, причем их взаимоотношения не всегда были мирными⁸. Сторонники другой гипотезы вообще подвергают сомнению возможность проникновения степных скотоводческих племен в земледельческие оазисы, утверждая, что керамика кочевнического облика, найденная на земледельческих поселениях, является кухонной посудой местного оседлого населения⁹. Принципиально иную позицию занимает В. И. Сариниди. Он оспаривает тезис о генетическом родстве культур Намазга VI и V, по крайней мере для Мургабского оазиса. В. И. Сариниди считает, что в середине II тысячелетия до н. э. из восточного Ирана в северный Афганистан, южный Узбекистан и дельту Мургаба проникает скотоводческо-земледельческое население. Часть его смешивается в Мургабском оазисе с местным населением культуры Намазга V. В результате этого смешения возникает культура Намазга VI. На юге Узбекистана появляется близкородственная мургабскому варианту культуры Намазга VI культура Сапалли. В дельте Мургаба население культуры Намазга VI вступает в прямой контакт с племенами степной бронзы. Связи эти носили вполне мирный характер¹⁰. В. И. Сариниди убедительно показал, что грубая лепная керамика степного типа, найденная на земледельческих поселениях Маргианы, не является местной продукцией, а принадлежит племенам степного круга¹¹.

С нашей точки зрения, проблема генетической связи комплексов Намазга V и VI может быть решена путем детального анализа всех археологических компонентов культуры эпохи поздней бронзы юга Туркмении. Рассмотрим с этой целью погребальный обряд.

Наиболее значимыми элементами погребального обряда для решения затронутой в данной статье проблематики являются: а) форма погребального сооружения; б) компановка (состав) наборов погребального инвентаря; в) тип погребения (одиночное, парное, коллективное); г) положение умершего в могиле и его ориентация.

Проследим по этим основным компонентам эволюцию погребальных обрядов древнеземледельческих племен юга Туркмении.

В раннем и развитом энеолите (Намазга I, II) умерших хоронят в могилах на поселениях. Покойные лежат в скорченном положении, на боку, головой на юг. Погребальный инвентарь состоит из одного-двух глиняных сосудов и бус. В позднем энеолите наряду с одиночными погребениями появляются коллективные захоронения в толосах¹², которые, вероятно, служили семейными усыпальницами¹³. Оба вида захоронений найдены только на поселениях. Сохраняется южная ориентация умерших, хотя в ряде случаев отмечена северная ориентировка. Появляются первые свидетельства имущественного неравенства населения. В отдельных могилах, кроме керамики и бус, найдены бронзовые украшения (булавки, лопаточки). В одном захоронении лежала женская статуэтка.

Традиции коллективных и одиночных захоронений, сложившиеся в эпоху энеолита, продолжают в эпоху бронзы (комплексы Намазга IV и V). Умершие захоронены в культурном слое поселений. Господствует северная ориентировка покойников. Все изменения в погребальных обрядах по сравнению с предшествующим периодом связываются с углублением процесса имущественной и социальной дифференциации населения. Появляются захоронения с украшениями из бронзы (кольца, лопаточки,

булавки с зооморфными навершиями), золота и серебра (кольца, булавки). Известны богатые захоронения с печатями, женскими статуэтками, культовыми вещами, оружием. В бедных могилах либо вообще нет инвентаря, либо он представлен одним-двумя глиняными сосудами и бурами.

В целом по характеру погребального обряда можно говорить о генетической линии развития погребальных обрядов подгорной полосы юга Туркмении в эпоху энеолита, ранней и средней бронзы (табл. 1).

В период Намазга VI умершие захоронены в культурном слое поселений¹⁴. Возможно, что в это время появляются обособленные могильники¹⁵. Сохраняется северная ориентировка, но в целом погребальный обряд претерпевает существенные изменения (см. рис. 1). Исчезают коллективные захоронения. Женские статуэтки, оружие, бронзовые лопаточки, украшения из благородных металлов, печати с геометрическими узорами, изображениями животных и птиц в могилах отсутствуют. Вместо них в могилах появляются украшения иного рода: бронзовые браслеты, кольца, серьги, височные подвески, диадемы, шпильки. Подобный набор украшений ранее не был характерен для захоронений подгорной полосы. Все указанные новшества в погребальном обряде времени Намазга VI не могут быть выведены из комплекса Намазга V. Эти инновации чрезвычайно существенны для понимания хода культурно-исторического процесса в рассматриваемое время. Они скорее всего свидетельствуют о том, что отдельные группы инокультурного населения проникли в среду оседлого населения подгорной полосы.

Украшения того же типа, что и обнаруженные в захоронениях подгорной полосы культуры Намазга VI, характерны для племен степной бронзы¹⁶. Сейчас получен новый материал¹⁷, подтверждающий ранее высказанную точку зрения¹⁸ о том, что во второй половине II тысячелетия до н. э. племена степной бронзы вплотную приблизились к земледельческому оазису. На поселении Тахирбай 3 в дельте Мургаба известен случай трупосожжения¹⁹. Трупосожжение характерно для племен степной бронзы Средней Азии²⁰. В предшествующие периоды энеолита и бронзы обряд трупосожжения на поселениях земледельцев юга Туркмении не зафиксирован²¹. Данные антропологии прямо свидетельствуют о наличии во II тысячелетии до н. э. в подгорной полосе и Мургабском оазисе примеси протоевропеоидного антропологического типа, характерного только для племен степной бронзы, к местному средиземноморскому расовому типу²². Все же общий облик материальной культуры периода Намазга VI позволяет утверждать, что генезис этого комплекса не может быть связан с племенами степной бронзы.

Обычай помещать в могилы бронзовые браслеты, серьги, височные подвески, шпильки, кольца и т. д. следует искать среди других племен Средней Азии, материальная культура которых близка культуре периода Намазга VI в Туркмении. В Средней Азии есть только одна культура, которая отвечает этим требованиям. Речь идет о культуре Сапалли, памятники которой открыты на юге Узбекистана²³. Кроме украшений, в могилах культуры Сапалли найдены разнообразные наборы глиняных сосудов, печати-амулеты с изображением змей, мясная пища. Аналогичные наборы погребального инвентаря отмечены для захоронений Мургабского оазиса в южной Туркмении²⁴. Женские статуэтки в могилах сапаллинцев отсутствуют.

Общеизвестно, что в период Намазга VI крупные поселения городского типа в подгорной полосе приходят в запустение²⁵. Истоки кризиса, видимо, следует усматривать в упадке земледельческого хозяйства, вызвавшего частичную миграцию населения в Мургабский оазис. Хотя новейшими исследованиями установлено, что дельта Мургаба начала колонизоваться еще в эпоху Намазга III²⁶, переселение происходило также в период Намазга V²⁷. В пору Намазга V и VI в Мургабском оазисе появляются укрепленные поселения. Поскольку здесь известны захоронения с наборами инвентаря, тождественными наборам инвентаря захоро-

Таблица 3

Сложение погребального обряда в подгорной полосе южной Туркмении (Намазга VI)

Погребальный обряд времени
Намазга V (специфические черты)Погребальный обряд культуры
Сапалли (специфические черты)

бенности погребального обряда культуры Сапалли) известны для более северных районов Средней Азии, в могильнике Заман-баба³¹. Если связать исходный пласт культуры Сапалли с Заман-бабой³², то объясняется наличие катакомб и парных захоронений у населения юга Узбекистана во II тысячелетии до н. э. Продвижение на юг потомков заманбабинцев в условиях усиливающегося культурного воздействия со стороны юга Туркмении могло привести к формированию сапаллинского керамического комплекса, во многом аналогичного южнотуркменскому. Таким образом, сходство керамических комплексов южной Туркмении и южного Узбекистана можно объяснить не происхождением культуры Сапалли из подгорной полосы Копетдага, а культурным влиянием на нее земледельцев Туркмении, о чем уже писала Е. Е. Кузьмина³³.

В результате взаимодействия местного населения с пришлым в Мургабском оазисе складывается погребальный обряд, во многом напоминающий погребальный обряд культуры Сапалли (табл. 2). Часть носителей последней, видимо, могла проникнуть еще дальше на запад в подгорную полосу Копетдага, где смешение с местным населением вело к сложению нового погребального обряда, значительно отличающегося от обряда времени Намазга V (табл. 3).

В материальной культуре подгорной полосы периода Намазга VI нет ярко выраженных следов вторжения нового населения, потому что культура пришельцев была очень близка культуре местных племен. Культур-

ное влияние юга Туркмении периода Намазга IV на потомков заманбабинской культуры было столь велико, что оно практически трансформировало их материальную культуру.

Комплекс Намазга VI одновременно и восходит к комплексу Намазга V и отличается от него. В погребальных обрядах сильнее ощущаются элементы, связанные с пришлым населением, в материальной культуре более заметны традиции местного населения.

Изложенная точка зрения на генезис комплекса Намазга VI характеризуется тремя принципиальными моментами: 1) смешение земледельческих племен юга Туркмении и пришлого населения происходило не только в Мургабском оазисе, но и в подгорной полосе; 2) появление укрепленных поселений в Мургабском оазисе следует истолковывать как реакцию местного населения на вторжение инокультурных племен; 3) инфильтрация нового населения происходила не из восточного Ирана, а из восточных областей Средней Азии (юг Узбекистана).

Почти одновременно с носителями культуры Сапалли либо несколько позднее в земледельческие оазисы южной Туркмении проникают незначительные группы племен степной бронзы. Появление на юге Туркмении трупосожжения и протоевропеоидного антропологического типа, характерного для племен степной бронзы, нельзя связать ни с предшествующим периодом (комплекс Намазга V), ни с культурой Сапалли³⁴. Поэтому нельзя признать удачной попытку поставить под сомнение факт вторжения степных племен в земледельческие оазисы. Имеющиеся на сегодня материалы позволяют утверждать, что кризис земледельческого хозяйства в эпоху позднего Намазга V—раннего Намазга VI, усугубленный инфильтрацией племен культуры Сапалли и части племен степной бронзы, привел к сложению комплекса Намазга VI на основе местного и всех компонентов пришлого населения, причем основной вклад в формирование культуры поздней бронзы подгорной полосы, очевидно, внесли племена культуры Сапалли и местное население.

¹ Массон В. М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 165—190.

² Кувшин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культуры Анау. — ИАН ТССР, 1954, № 1, с. 19.

³ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, с. 110.

⁴ Массон В. М. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 176—177.

⁵ Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 141—150.

⁶ Там же, с. 152—154.

⁷ Там же, с. 151.

⁸ Там же, с. 154.

⁹ Хлопин И. Н. Проблема происхождения культур степной бронзы. — КСИА, 1970, вып. 122, с. 57—58.

¹⁰ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. — СА, 1974, № 4; *Он же*. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА, 1975, № 2; *Он же*. Печати-амулеты Мургабского стиля. — СА, 1976, № 1; *Он же*. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с. 105—106, 113—114.

¹¹ Сарияниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане. — СА, 1975, № 2.

¹² Сарияниди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1960, т. X, с. 284—299; *Он же*. Геоксюрский некрополь. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 102—105.

¹³ Сарияниди В. И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геоксюрского некрополя). — УСА, 1972, вып. 1, с. 22—26.

¹⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 111; Щетенко А. Я. Раскопки Теккем-Депе. — АО 1972 г. М., 1973, с. 485.

¹⁵ Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у села Янги-кала. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, т. VII, с. 377—380.

¹⁶ Аванесова Н. А. Особенности среднеазиатских украшений эпохи развитой бронзы. — Тр. Самаркандского гос. ун-та им. Алишера Навои. Нов. сер., 1972, вып. 218, с. 97—110.

¹⁷ Мандельштам А. М. Памятники степного круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 239—243; *Он же*. Но-

- вые погребения «срубного» типа в южной Туркмении. — КСИА, 1967, вып. 112, с. 61 и след.
- ¹⁸ Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения. . . , с. 154.
- ¹⁹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 16.
- ²⁰ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145, с. 137; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 69.
- ²¹ Нами не разделяется противоположная точка зрения В. И. Саррианиди (см.: Саррианиди В. И. Культурные здания поселений анауской культуры. — СА, 1962, № 1, с. 48—51). Вслед за И. Н. Хлопиным (Хлопин И. Н. Геокюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л., 1964, с. 166—167) мы считаем, что В. И. Саррианиди принял останки погибших от пожара людей за объект кремации.
- ²² Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии, с. 66—69, 96—97.
- ²³ Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973; *Он же*. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- ²⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 14—19.
- ²⁵ Массон В. М. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 169—171, 176—178.
- ²⁶ Масимов И. С. Новый оазис бронзы в низовьях р. Мургаб. — АО 1975 г. М., 1976, с. 551.
- ²⁷ Саррианиди В. И. Печати-амулеты Мургабского стиля. — СА, 1976, с. 42, № 1.
- ²⁸ Алекшин В. А. Сапаллитепа. — ОНУ, 1975, № 2, с. 51.
- ²⁹ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 110—112.
- ³⁰ Саррианиди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. — СА, 1974, № 4.
- ³¹ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966.
- ³² В своей последней монографии А. А. Аскарлов высказывает гипотезу, что культура Сапалли участвовала в формировании культуры Заман-баба (Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 113—115). Мы не можем разделить эту точку зрения. Начальный этап культуры Сапалли датируется 1700—1500 гг. до н. э. (там же, с. 101). Культура Заман-баба на основании импортных изделий из южных земледельческих районов (расписная керамика времени Намазга IV, каменные крестовидные бусы) датируется концом III—началом II тысячелетия до н. э. (Массон В. М. Культура Заман-баба. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 208—210). Поэтому в хронологическом отношении культура Заман-баба древнее, чем культура Сапалли.
- ³³ Кузьмина Е. Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. — ВДИ, 1972, № 1, с. 134—135.
- ³⁴ Краниологическое изучение черепов Сапалли-тепе, которые по многим характеристикам близки черепам из могильника Заман-баба, показало отсутствие европеоидных черт, характерных для древнего населения более северных регионов Средней Азии (Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапалли-тепе. Ташкент, 1977, с. 106).

И. Н. ХЛОПИН

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВОРСОВЫХ КОВРОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Раскопки могильников эпохи поздней бронзы в окрестностях поселка Кара-Кала (южная Туркмения, долина р. Сумбар) дали в руки исследователей богатый и разнообразный археологический материал, который позволил уточнить многие стороны жизни древнего населения этих мест. В частности, 200 раскопанных погребений (правда, в значительной степени ограбленных в древности) содержали бесценные материалы для восстановления некоторых сфер производственной деятельности, а именно всего того, что было связано с обработкой шерсти и изготовлением из нее различных изделий.

Исключительно в женских погребениях могильников Сумбар I, II и Пархай I было найдено 40 биконических каменных пряслиц, причем одно пряслице оказалось надетым на бронзовый стержень, что окончательно рассеяло сомнения в его использовании. Веретено было не только симво-

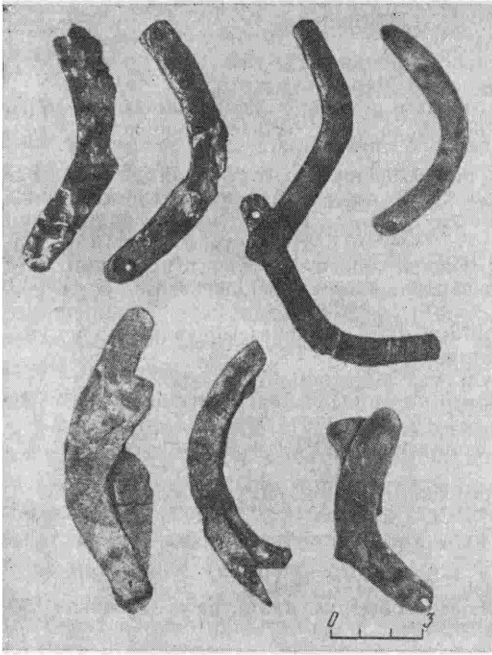

Рис. 1. Лезвия ворсовых ножей из Сумбарских могильников эпохи поздней бронзы

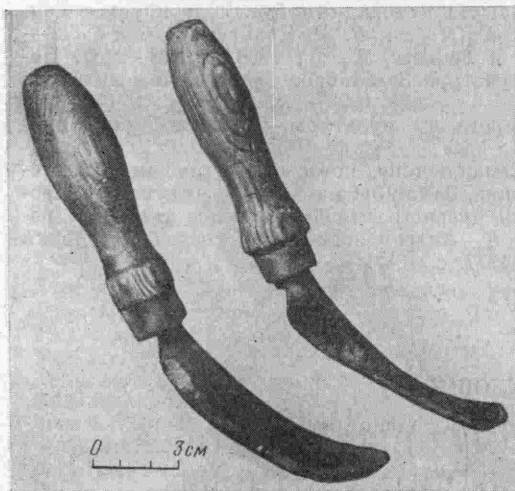

Рис. 2. Современные ковровые ножи

иногда имеются парные сквозные отверстия в одном из краев. В одной ограбленной могиле было найдено два таких цилиндра, что позволяет предположить, что из этой могилы, девятой по счету, кривые ножи были украдены.

Эти своеобразные режущие инструменты были обнаружены впервые в 1972 г., но их назначение было определено не сразу. Спустя несколько лет неожиданно, но вместе с тем неоспоримо, было установлено, что это древнейшие ножи для перерезания ворсовой нити ковра. Точно такими же инструментами (рис. 2), только, естественно, железными, работают современные ковровщицы, создавая неповторимые по очарованию туркменские ковры, столь ценимые во всем мире¹. Такой нож слабо закреплен в деревянной ручке, поскольку при работе на его лезвие не оказывается

лом женского пола погребенной, но и с очевидностью свидетельствовало о том, что прядением занималась практически каждая женщина. Бронзовых инструментов, принадлежащих к той же сфере домашнего производства, найдено значительно меньше, что может быть объяснено тем, что их изымали из могил при ограблении, а пряслица не трогали. В 10 могилах было найдено 12 пар спиц (в двух могилах по две пары) — бронзовых стержней до 20 см в длину с утонченным одним концом; в пяти могилах — пять пар бронзовых больших игл с четким ушком. Принадлежность названных предметов к основным женским занятиям по изготовлению тканей и одежды не вызывает сомнений.

В восьми женских погребениях, всегда в сочетании с пряслицами, а иногда также со спицами или иглами, было найдено 16 оригинальных предметов. Это плавно изогнутые пластины 6—9 см в длину с отверстием на одном конце (рис. 1). В изломе отчетливо видно, что наружный выгнутый край пластины заточен на лезвие. В ненарушенных погребениях таких предметов найдено по два и по три у пояса погребенной, в двух сильно нарушенных — по одному. В трех могилах вместе с ними были найдены полые цилиндры из какой-то искусственной массы (фаянса) до 6 см в длину и до 2 см в ширину. Их поверхность покрыта насечками и на ней сохранилась зеленая окраска от соприкосновения с окислившимся бронзовым предметом;

никакого нажима. Ковровщица держит его в правой руке, прижимая к ладони тремя пальцами — средним, безымянным и мизинцем, так чтобы большой и указательный пальцы оставались свободными для работы. Двумя руками быстрым движением мастерица обвязывает цветную ниточку вокруг нитей основы и с силой опускает очередной узел на уже готовую ткань. И в тот момент, когда узел прижимается к сотканной части ковра, правая рука по инерции продолжает движение вниз и лезвие ножа касается цветной нити, отрезая от нее лишний кусок. Затем ворс подстригается специальными ножницами. Кстати, в ковроделии ныне употребляются и большие иглы (до 10 см в длину), подобные тем, что были найдены в некоторых погребениях того же могильника. Для того чтобы готовая часть изготавливаемого предмета не коробилась от сильного стягивания материала, ее растягивают в стороны шнуром к специально вбитым колышкам. Этот шнур прикрепляется к изделию петлей, которая накидывается на иглу, воткнутую поперек основы на его левой стороне, и там затягивается².

При внимательном рассмотрении найденных в могильниках предметов оказалось, что они полностью соответствуют современным ковровым ножам, отличаясь от них только материалом, из которого они изготовлены (рис. 3). Даже отверстие в одном из концов свидетельствует об их слабом закреплении в рукоятке при помощи деревянной (?) шпильки; рукоятки могли быть как деревянными, так и как бы обтянутыми фаянсовой оболочкой. Последняя имеет насеченную поверхность в прямой или косо́й рубчик или волновидные насечки, что должно было способствовать более крепкому удерживанию инструмента в руке и устранению его вращения. Более того, отработанность и законченность формы коврового ножа эпохи бронзы может свидетельствовать о том, что этот инструмент отнюдь не был только что изобретен, а имел к тому времени длительные традиции своего использования; из этого следует, что древность среднеазиатского ковроделия можно считать более глубокой, чем его реальные следы, зафиксированные для последних веков II тысячелетия до н. э.

Определение функции такой бронзовой пластины как коврового ножа позволило обнаружить такие же изделия среди давно известного материала. Так, в одном из женских погребений Шах-тепе IIa¹ был найден ковровый нож с кольцом на одном из концов и фаянсовая оболочка рукоятки³; такой же нож происходит из слоя IIIВ Гиссара⁴. Это тем более важно, что мы получаем лишнее доказательство одновременности названных слоев указанных памятников северного Ирана Сумбарскому могильнику, т. е. первому периоду железного века Ирана, который всеми исследователями дружно датируется XIV—X вв. до н. э.⁵ С другой стороны, очаг ковроделия эпохи бронзы не замыкается Сумбарской долиной, а распространяется по всей юго-западной Туркмении и северной подгорной полосе Эльбурса до Каспийского моря. Более того, не исключено, что ковроделие могло быть известно и населению подгорной полосы Копетдага.

Поскольку все женское население Сумбарской долины эпохи поздней бронзы подразделялось по своему гражданскому состоянию на три группы: полноценные и полноправные хозяйки, полноценные и неполноправные невестки, неполноценные и неполноправные бездетные женщины — интересно проследить, женщины какой из перечисленных групп занимались изготовлением ворсовых ковров. Оказалось, что семь могил

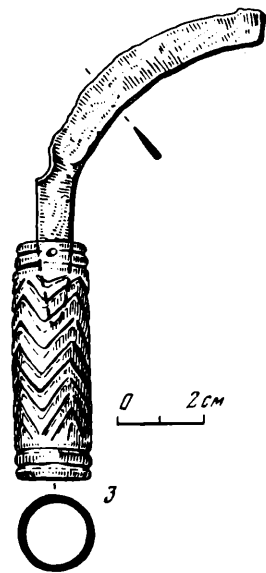

Рис. 3. Ковровый нож эпохи бронзы (реконструкция)

принадлежало женщинам первой группы и по одной могиле пришлось на каждую из последующих групп. Следовательно, наличие коврового ножа в могиле могло свидетельствовать о том, что ковроделие было довольно обычным занятием для полноценных и полноправных женщин — эти предметы встречены в 36% могил этой группы женщин. Что же касается других категорий женщин, то среди «невесток» насчитывается одна ковровщица на 11, а среди бездетных — одна на восемь. Надо думать, что изготовление ковров было не только сложным, но и привилегированным занятием и ковроделие было намного почетнее всех остальных домашних дел, более грязных и хлопотливых. Это не значит, что остальные женщины не умели ткать ковры — они могли получить возможность это делать только при достижении определенного положения в семье, когда большинство хозяйственных забот входило в обязанности других женщин, которые тем самым высвобождали их время для изготовления ковров. Изготовление ковра было, таким образом, не только свидетельством высшего мастерства в сфере обработки шерсти, но и показателем престижности в семье.

Вопрос об истоках и истории ковроделия в Туркмении сложен и запутан. Первой действительно научной работой, посвященной коврам Средней Азии, является статья С. М. Дудина, в которой он рассмотрел эти изделия во всех аспектах на уровне научных концепций своего времени⁶. Происхождение ковров он объяснял при помощи господствовавшей тогда теории, что изначальным образом жизни народов Средней Азии был кочевой быт, а оседлые народы появились вследствие оседания части кочевников на землю, которые уже в земледельческом хозяйстве сохранили надолго многие черты кочевого быта. Вот что он писал: «Уже одно то обстоятельство, что ковровые изделия — явление, общее для всех стран так называемого мусульманского Востока, границы которых совершенно совпадают с местами расселения кочевников-пастухов в настоящем и не очень отдаленном прошлом, говорит в пользу предположения, что *ковры — продукт именно кочевого пастушеского быта*»⁷ (здесь и далее курсив мой. — И. Х.). Затем он перечисляет преимущества ковровой ткани, воздавая ей должное, и заканчивает так: «В быту оседлого населения Средней Азии и соседних с нею стран с мусульманским населением ковры ... пользуются тем же почетом и любовью, как и у кочевников ... так как здесь (т. е. у оседлого населения. — И. Х.) *сохраняются и по сей день все домашние навыки изжитого кочевого быта*»⁸.

Однако теоретические рассуждения С. М. Дудина вступают в противоречие с добросовестно приводимым им фактическим материалом. «По степени распространенности, — пишет он, — первое место в обиходе кочевников Средней Азии бесспорно принадлежит войлочным коврам (кошмам), второе — безворсовым тканям и только третье место — ковровым изделиям с ворсом»⁹. Ареалы ковров не совпадают с ареалами кочевого населения — они большей частью существуют у оседлого населения южной Туркмении, которому в то же время были незнакомы узорчатые кошмы; последние концентрируются к востоку, в частности в Киргизии и в «Восточном Туркестане». Так исследователь старался исторически подойти к предмету исследования и объяснить его с принятой в то время точки зрения на развитие народов Средней Азии. Сейчас же теория оседания кочевников на землю и их превращение в оседлых земледельцев постепенно уходит в область истории науки.

Однако и через 40 лет после С. М. Дудина известный знаток искусства народов Средней Азии Г. А. Пугаченкова разделяла эту же точку зрения: «Создание туркменского ковра, — писала она, — связано не с земледельческой, а с кочевой или полuosедлой скотоводческой средой; отсюда исходное сырье — отборная, отлично обработанная шерсть, которой располагала любая семья, отсюда высокие технические качества ковра, который в условиях перекошек должен был отличаться чрезвычайной прочностью, отсюда и многие его художественные особенности, определяющие его яркое своеобразие и радикальное его отличие от изделий городских ковро-

ткацких мастерских феодального Востока»¹⁰. Аргументация приведенного положения, скажем, не очень веская: отборная и отлично обработанная шерсть была во владении и каждой оседлой семьи, поскольку оседлое население также держало большое количество баранов; высокие технические качества ковра определялись его сущностью, а не тем, что его трудно было порвать во время перекочевок; его художественные особенности как раз являются доказательством глубоких и самобытных традиций, которые, если присмотреться внимательнее, уходят в глубь тысячелетий все на той же территории — в культурные слои оседлых поселений энеолита и бронзового века северной подгорной равнины Копетдага. Показательно, что Г. А. Пугаченкова сама отмечает этот факт на страницах той же книги, но не может его интерпретировать должным образом, поскольку этого не позволяет сделать привычный стереотип в образе мышления, воспитанный трудами ее предшественников¹¹.

Доказывая скотоводческое происхождение туркменского ворсового ковра, исследователи говорят о том, что станок легко демонтируется, перевозится на новое место и монтируется снова. Однако это вовсе не просто, и если это еще в какой-то степени справедливо для узконавального станка, то совершенно недопустимо для широконавального. На изготовление ковра размером 2×1,5 м туркменская женщина в домашних условиях (т. е. если она им занимается не все время) затрачивает пять-шесть месяцев. Это сугубо стационарное занятие, возможное только при прочной оседлости; ткать ковры в условиях кочевого быта очень сложно, практически, скорее, невозможно.

К сегодняшнему дню накоплены разнообразные материалы, которые не могут быть интерпретированы со старых позиций; тем самым они позволяют поставить заново вопрос об истоках и древности туркменского ковроделия и ответить на него. Для этого существуют две группы фактов: 1) предъявленные в этой работе инструменты, которые связаны непосредственно только с изготовлением ворсовых ковров; 2) орнаментальный комплекс на керамике эпохи энеолита и бронзы, который стал достоянием науки только за последние два десятилетия. Причем орнаментальные совпадения отмечали и прежде, но высказывали по этому поводу только удивление, а не рассматривали орнамент на керамике в качестве прямого генетического предшественника ковровой орнаментации. Теперь же, когда во множестве найдены ковровые ножи эпохи поздней бронзы, отработанная форма которых позволяет удревнить их еще больше, указанные орнаментальные соответствия приобретают особое значение. Все эти факты позволяют не только опустить в глубь тысячелетий традиции туркменского ворсового ковроделия и ковровой орнаментации, но и проследить корни определенной части туркменского народа на его исконной территории столь же глубоко. Следовательно, нет необходимости продолжать приводить все туркменские племена с востока всего около 1000 лет тому назад; тогда пришел тюркский язык и поглотил иранский язык древнего этнического субстрата.

Однако мы не предлагаем полностью изъять у кочевников изготовление ковров, столь нужных в их быту. Как раз у кочевников возникло, развилось и частично проникло оттуда в земледельческий быт прекрасное ремесло — изготовление кошм из валяных материалов. Эти кошмы, которым придавали красивую и яркую расцветку, служили гораздо более надежным термоизолятором, что как раз было нужным в условиях кочевого быта. И действительно, в исконных кочевых областях Средней Азии и Казахстана есть много разновидностей валяных ковров с разной степенью трудности их производства, что указывает на отличное владение исходным материалом и техникой изготовления¹². Более того, в противовес многомесячному изготовлению ковра кошма изготавливается в течение одного дня, правда, при условии, что женщинам данного домохозяйства интенсивно помогают соседки; для изготовления кошмы не надо специального станка, а достаточно ровной утрамбованной площадки, не более чем 3×3 м, тростниковой циновки и волосяных веревок. Показательно при

этом, что в южной Туркмении, в областях изначального изготовления ворсовых ковров, производство кошм самое простое, там существует всего один технологический цикл без всяких вариантов. Это со всей определенностью доказывает, что впредь надо разделять ныне существующие разновидности шерстяных ковров по их происхождению: оседлый земледельческий быт породил ворсовый ковер, кочевой скотоводческий — валяную кошму.

Таким образом, обнаружение ковровых ножей в могилах эпохи поздней бронзы углубило древность изготовления ворсовых ковров почти на 1000 лет, с V в. до н. э. (Пятый Пазырыкский курган¹³) до XIV в. до н. э. Эти находки доказывают правомочность хронологической дифференциации ковровых узоров и использования их наиболее древней части для расшифровки семантики керамической росписи энеолита и бронзы южной Туркмении. В связи с этим хочется отметить, что сами ковровые узоры и составленные из них орнаментальные сюжеты еще ждут своей расшифровки.

¹ Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии. Ташкент, 1970, с. 38, рис. 12; Scherzer L. Nahaufnahmen. Aus Sibirien und sowjetischen Orient. Rudolfstadt, 1977, S. 64.

² Мошкова В. Г. Указ. соч., с. 37.

³ Arne T. J. Excavations at Shah-Tepe, Iran. Stockholm, 1945, fig. 660.

⁴ Schmidt E. F. Excavations at Tepe-Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937, H-3863.

⁵ Vanden Berghe L. La Necropole de Khurvin. Istanbul, 1964, p. 45; Tosi M. Ceramica Iranica dell'età del Ferro. Roma, 1970; Schippmann K. Forschungs- und Ausgrabungsergebnisse in Iran seit 1965. — MDOG, 1972, N 104; Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 12—19; Медведская И. Н. Иран последней четверти II тысячелетия до н. э. по археологическим материалам: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978, с. 5.

⁶ Дудин С. М. Ковровые изделия Средней Азии. — Сб. МАЭ, 1928, т. VII, с. 71—166.

⁷ Там же, с. 76.

⁸ Там же, с. 77.

⁹ Там же, с. 78.

¹⁰ Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967, с. 177—178.

¹¹ Там же, с. 21—22.

¹² Магова Е. И., Черкасова Н. В. Орнаментированные изделия из войлока. — В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М., 1968 (Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. V), с. 13—30.

¹³ Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953, табл. СХV—СХVІ.

В. И. МАРКОВИН

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОЛЬМЕННЫХ И ДРУГИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА *

Специальные конференции, созываемые из года в год, большое количество публикаций ярко свидетельствуют о неизменном интересе, который вызывают археология и древняя история Кавказа. Этому способствуют и увеличение объема полевых работ, и тот факт, что в науку входят новые археологи и краеведы — знатоки местных памятников культуры. Естественно, только что полученные материалы в какой-то степени заслоняют старые, а новейшие работы порой приобретают характер последнего слова в науке. Но всегда ли это так? К сожалению, нет.

Поспешность выводов, нежелание считаться с давно высказанным мнением часто делают подобные исследования недостаточно глубокими.

* Доклад прочитан на VIII Крупновских чтениях в г. Нальчике, 1978 г.

И хуже всего, если здесь присутствует стремление к «негативизму», при котором исходные (посылочные) факты заведомо искажены и не соответствуют самой логике научного познания. Особенно часто стремление быть оригинальным сказывается в поспешном выделении новых археологических культур без предварительного охвата всего горизонта, открывающегося исследователю. Неудача с подобными открытиями почти всегда очевидна, тем более что многие археологи Кавказа стремятся ограничить свой кругозор лишь административно-географической единицей, изучением которой они заняты. Даже небольшая рецензия должна быть не только по возможности объективна, но и подана с серьезным знанием материала. Ее цель — помочь автору увидеть изучаемое им с таких точек, какие остались для него в тени. Не место в рецензии новым, впервые выдвигаемым трактовкам, они должны быть обоснованы в специальной статье.

В этой связи рассмотрю некоторые работы, которые, по моему мнению, далеко не вносят ясности и в без того сложные вопросы археологии и древней истории Кавказа.

Как известно, значительную часть Прикубанья и Причерноморья, включая Абхазию, занимают дольменные памятники. Они разнообразны. Наиболее ясная четырехчленная их типология (с вариантами) предложена Л. И. Лавровым¹. За основу им взяты конструктивные особенности древних построек. Он разделил их на сложенные из плит (обычные); собранные из сочетания плит и блоков (составные); выдолбленные в камне и перекрытые плитой (корытообразные) и, наконец, целиком выбитые в скале (монолиты). Эта типология близка европейской и принята многими кавказоведами. В своих работах я только заменил наименование первого типа памятников «обычные» на «плиточные дольмены».

Описанная классификация вполне соответствует понятию «типа» как варьирующей и развивающейся во времени системе, которая характеризуется «устойчивым повторением сочетания признаков у входящих в нее предметов или объектов, обособленность которой от других осознавалась производителями и потребителями этих предметов или объектов»².

Казалось бы, такая ясная, четкая типология должна быть принята всеми учеными, так как хорошо отражает природу самих дольменов. Но это не так. В. Б. Блек в новейшей работе, посвященной мегалитам Кавказа, делит дольмены на четырехугольные, многогранные, круглые и т. д.³ Его членение навечно, вероятно, довольно условной схемой «эволюции» дольменов, предложенной В. Ю. Циркуновым⁴, а тот, как видно, оперировал категориями Е. Д. Фелицына⁵. Эта схема не дает представления о типах дольменов с их специфическими чертами, а лишь указывает на возможные дольменные формы. Однако в литературе, со ссылкой на Л. И. Лаврова, встречается еще семичленная (Ш. Д. Инал-Ипа)⁶ и даже девятичленная типология (А. Д. Резепкин)⁷. Остается только удивляться, как одна и та же статья Л. И. Лаврова интерпретируется по-разному. Конечно, если исходить из всех перечисленных Л. И. Лавровым дольменных вариантов («круглый — составной», «подковообразный — составной», «шестигранный — составной»)⁸, то при желании можно насчитать и все 12 типов.

Когда речь идет о том или ином типе памятников, то, очевидно, названием типа покрываются и все его варианты. Таким образом, если дольмен относится к плиточным постройкам, то это означает, что он собран из каменных плит, и только. Однако А. Д. Резепкин в своей рецензии на мою книгу пытается возражать против объединения новосвободненских дольменов с другими памятниками, также сделанными из крупных плит камня⁹. Но почему же, разве они собраны из мелких камней или из булыжника? Многие ученые, начиная с Н. И. Веселовского, раскопавшего эти дольмены, писали о них как о сооружениях; сложенных из плит¹⁰. Очевидно, называть их плиточными имеется полное основание, да и в статье Л. И. Лаврова, которого вспоминает

А. Д. Резепкин, сказано, что новосвободненские дольмены сделаны из плит¹¹.

Перейду к самому злободневному вопросу — о происхождении дольменов. Но прежде хочется отвлечься и вспомнить полемику, которая происходила между духовниками более ста лет назад, в 1873 г. Отчету об этом споре Ф. М. Достоевский предоставил страницы своего журнала «Гражданин». И вот один из полемистов заметил другому следующее: «Все дело в том, что вы не любите читать памятники, на которые ссылаетесь, от начала до конца, а пользуетесь в них... теми или другими страницами, а иногда и строчками, в которых думаете найти подтверждение своей мысли, не помышляя при этом... что в недочитанных вами листах и страницах тех же самых источников может открыться полнейшее опровержение ваших наскоро составленных предположений»¹². Вероятно, многие лица, спешащие с выводами, находятся в близкой ситуации.

По вопросу о происхождении дольменов высказывались самые различные мнения. Я остановлюсь лишь на некоторых работах.

Уже А. Д. Столяр в статье о поселении Мешоко, огражденном каменной стеной, писал, что местные ломки камня позволяют «усмотреть истоки того каменотесного мастерства, с каким в Кубани сооружались древнейшие дольмены»¹³. К сожалению, в дальнейшем А. Д. Столяр свое предположение не развил. Вероятно, одних каменных стен майкопского поселения, относящегося к средней хронологической группе¹⁴, для такого утверждения мало. Думаю, прав Р. М. Мунчаев, заявляя, что «обычай погребать в дольменах не получил распространения среди племен майкопской культуры»¹⁵.

Для того чтобы выяснить истоки дольменной культуры на месте, необходимо найти их прототипы среди очень ранних погребальных памятников. А. Д. Резепкин склонен называть в качестве таких прототипов два объекта — ящики у станицы Саратовской и у пос. Каменноостского (на поселении Скала)¹⁶. Первый из них был опубликован Н. А. Захаровым. Это было захоронение, обрамленное и перекрытое тяжелыми мегалитическими плитами¹⁷, поэтому я отношу его к дольменам, а не к прототипам.

Второе погребение трудно называть ящиком, это скорее довольно аморфная каменная обкладка вокруг могилы, впущенной в культурный слой поселения Скала. А. А. Формозовым это поселение отнесено к средней группе майкопских памятников, т. е. ко времени около 2300 г. до н. э.¹⁸ Погребение, естественно, менее древнее: оно могло быть совершено в период, когда уже были известны хотя бы дольмены станицы Новосвободной. К тому же каменные ящики даже и для более позднего времени не очень характерны для всей территории Причерноморья — Прикубанья. И вместе с тем, упоминая указанные выше «ящики» как прототипы западнокавказских дольменов, А. Д. Резепкин одновременно готов искать их прародину в странах Средиземноморья. Его интересует вопрос: где же находится конкретный район их исхождения?¹⁹ Очевидно, такой единый район сейчас никто не сможет назвать, я в своей гипотезе исхожу лишь из близости дольменов Кавказа средиземноморским памятникам (Пиренеи, Сардиния, Корсика и др.)²⁰.

Довольно противоречивы и соответствующие высказывания Ш. Д. Инал-Ипа. Он отстаивает самостоятельное возникновение местных, в основном абхазских дольменов, пытаясь связать их строительство единой линией развития с «каменной индустрией» от палеолита до эпохи бронзы²¹. И в то же время Ш. Д. Инал-Ипа склонен соглашаться с мнением о возникновении дольменов под определенным влиянием кашков²². На данной теории стоит остановиться более детально.

В 1958 г. Л. Н. Соловьев, изучив отдельные памятники Абхазии, выделил «южно-дольменную» культуру. Ее носители, по теории автора, использовали «готовые формы» дольменов, «широко» распространенные, как указывает автор, в Малой Азии (в частности, в Сирии и Палес-

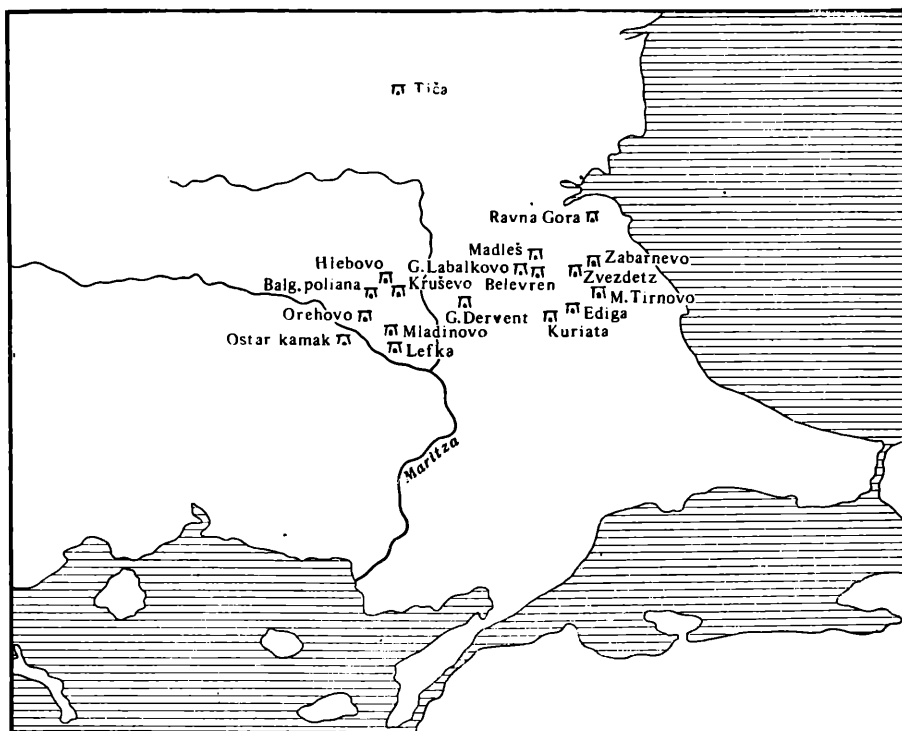

Рис. 1. Распространение дольменных памятников в юго-западной части Черноморья (по В. Микову)

тине). На Кавказ они могли проникнуть морским путем. Все это происходило на рубеже III—II тысячелетий до н. э., когда «береговые» племена южно-дольменной культуры усилили связи «с горной частью и равнинами Прикубанья». Под их влиянием первые дольмены появляются в бассейне р. Кубани, где возникает новая «культурная группа», «родственная» носителям южно-дольменной культуры «в этническом отношении». Во всех этих сложных и запутанных процессах огромную роль играли малоазийские кашки. Их культуру, как пишет Л. Н. Соловьев, можно назвать «протоколхидской»²³. Нашествие кашков «не ставило мирное развитие местного населения под угрозу ассимиляции», а, наоборот, в результате «мирного слияния» открылись «весьма ранние возможности участия в . . . морских и сухопутных связях, которые влекли за собой взаимное обогащение». В данный период всюду, где было возможно, появлялись дольмены. Ну, а уж если местные религиозные представления не были сходны с малоазийскими, то возникали иные типы могил (так было, например в Сачхере, Триалети и др.)²⁴. Процесс указанного слияния кашков и местных племен, по Л. Н. Соловьеву, дал основание для возникновения таких культур, как северокавказская, катакомбная и даже фатьяновская²⁵.

Основой для возникновения теории Л. Н. Соловьева послужила идея Н. Я. Марра об этнической связи народов Кавказа и Малой Азии²⁶. Теория Л. Н. Соловьева оригинальна, но содержит ряд неверных посылок:

1. Сирия и Палестина географически не являются частью Малой Азии²⁷.

2. На территории собственно Малой Азии дольмены неизвестны. Все находки этого рода, обнаруженные в Турции и Болгарии, представлены на карте Василя Микова (рис. 1)²⁸.

3. Пространство, занимаемое в прошлом кашками, не совпадает с дольменным ареалом, и их культура не родственна культуре строите-

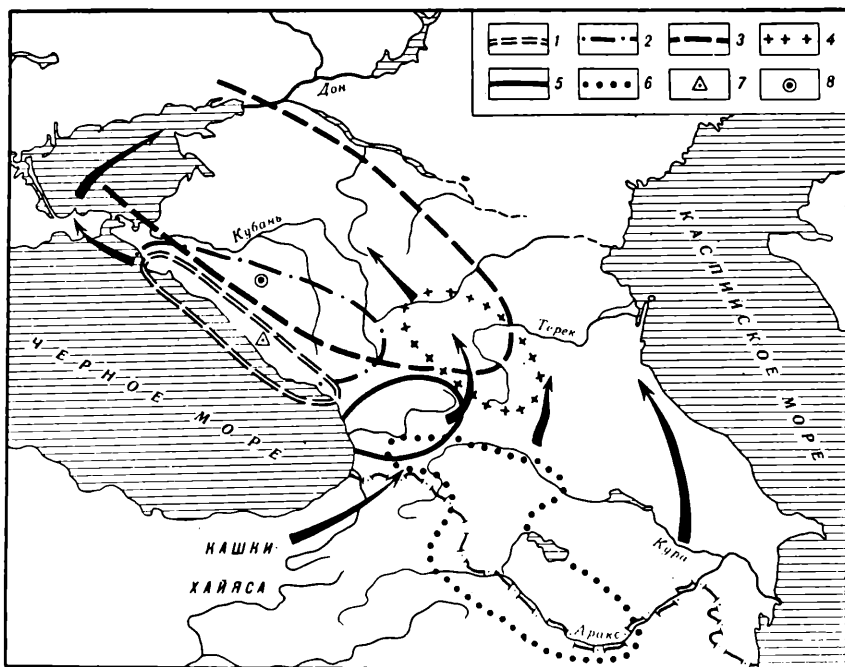

Рис. 2. Карта-схема Л. Н. Соловьева «Культурные группы северо-западного Кавказа на рубеже III—II тысячелетий до н. э.».

1 — южнодольменная культура; 2 — распространение дольменов; 3 — майкопская культура; 4 — северокавказская культура; 5 — проколхидская культура; 6 — южнокавказский энеолит; 7 — Воронцовская пещера; 8 — Майкопский курган; стрелки показывают движение кашков

лей дольменов²⁹. Существует мнение, что это были довольно дикие племена, не имевшие определенной территории³⁰.

4. Исторически кашки как отдельные этнические группы засвидетельствованы со II тысячелетия до н. э. и более всего в связи с военными действиями против хеттов. Древние источники локализуют их в это время в бассейнах рек Галиса, Тигра и Евфрата и умалчивают об их движении на Кавказ. Судя по ассирийским надписям XII—VIII вв. до н. э., они частично ассимилируются арамейскими племенами³¹.

5. Культурное влияние кашков (если придерживаться старого сопоставления их с касситами и каспиями) можно, вероятно, было бы обнаружить не только в западной части Кавказа, но и на Востоке, в среде современных азербайджанцев и дагестанцев³². Кстати, на карте Л. Н. Соловьева крупной стрелой отмечено их движение к Каспийскому морю (рис. 2). Следует также отметить мнение Г. А. Меликишвили, который готов рассматривать кашков (не сопоставляя их с касситами) как племена «северокавказского происхождения», принимавшие участие во многих исторических событиях в Малой Азии и Двуречье³³.

Таким образом, вопрос о становлении культуры дольменов, как и других названных культур эпохи бронзы в связи с движением кашков из Малой Азии на Кавказ, может быть подвергнут глубокому сомнению.

Однако Ш. Д. Инал-Ипа в последней работе замечает, что кашки, известные со «времени правления хеттского царя Хантили I (XVII в. до н. э.)», двигаясь двумя-тремя волнами «из Малой Азии в Закавказье и на Северный Кавказ через Абхазию и Мамисоно-Дарьяльское ущелье (в неолитическую, энеолитическую и раннебронзовую эпохи) принесли с собою сюда не только малоазийский тип глиняной посуды и собственную металлургию, но, возможно, и дольменную культуру»³⁴. Однако к XVII в. давно кончились неолит и энеолит, эпоха бронзы характеризовалась расцветом своей металлургии и многие варианты дольменов к этому времени уже не строились.

Противоречивы также работы Я. А. Федорова. В первой из них, ссылаясь на работы А. А. Формозова и Н. О. Бадера, автор говорит о культурных связях населения Передней Азии и западного Кавказа в эпоху неолита. Он считает, что в этом процессе преобладало переднеазиатское влияние, принесшее на Кавказ навыки земледелия и скотоводства. Пришельцы из Передней Азии «не вытеснили аборигенов, не уничтожили их, а смешались с коренным населением». Речь идет о миграции «племен протохеттского круга, а именно кашков», о событиях V—IV тысячелетий до н. э.³⁵ Стоит ли напоминать, что до сих пор неясно, как возникли на Кавказе земледелие и скотоводство — самостоятельно или в «результате переднеазиатских влияний»; неизвестны для этого времени и миграции³⁶.

Обратимся к статье Я. А. Федорова «О дольменной культуре западного Кавказа и ее носителях». Автор начинает статью с утверждения, что «ближайшие к Кавказу дольмены известны на южном побережье Черного моря, в Малой Азии»³⁷, а значит, они «находятся в ареале древнейших анатолийско-кавказских связей, как культурных, так и этнических». Этот вывод подкрепляется ссылкой на предыдущую работу, в которой делалось предположение о миграциях протокашков еще в эпоху неолита. Далее автор утверждает, что строители дольменов были не «некоей аморфной абхазо-адыгской этнической массой», они являлись непосредственными предками абхазов, что, по мнению Я. А. Федорова, вполне доказуемо археологическими материалами. «Размежевание» абхазов и адыгов, по данной теории, могло происходить на позднем этапе майкопской культуры, когда возникли Новосвободненские дольмены (2300—2000 гг. до н. э.) и когда затухают связи с Передней Азией и возникают контакты со степным населением — носителями ямной культуры. К адыгскому этносу Я. А. Федоров отнес те из майкопских племен, которые имели связи со степняками. Адыгами у него являются и носители северокавказской культуры³⁸. Представителями абхазского этноса являлась та часть населения майкопской культуры, которая сумела трансформироваться в строителей дольменов. Основанием для этого утверждения служит следующий аргумент: «Погребальная конструкция кургана в Новосвободной в точности повторяет конструктивные особенности погребального сооружения Майкопского кургана: и там и тут двухкамерный склеп, но в Майкопе он выполнен из дерева а в Новосвободной — из каменных плит»³⁹. Это заключение позволило Я. А. Федорову считать дольмены своеобразным «автохтонным признаком» предков абхазов⁴⁰. Правда, если обратиться еще к одной статье Я. А. Федорова, вышедшей под названием «Горы и степь», то мы узнаем, что «квадратная яма» Майкопского кургана схожа с могильными ямами, оставленными носителями ямной культуры⁴¹. Вспомним, что контакты со степняками дали основание для сложения адыгов.

Среди аргументов в пользу абхазской принадлежности дольменов Я. А. Федоров упоминает еще два: 1) абхазы почитают дольмены («адамра»), так как связывают их с культом предков. У адыгов дольмены («спун») являются лишь домами «испов» — «отвратительных карликов, колдунов и обманщиков»; 2) начертания на древней «майкопской плите», хронологически сопоставляемой с временем строительства дольменов, похожи на систему абхазского письма, известного по керамической находке II в. до н. э. из Севастопольского укрепления⁴².

Вдумаемся в основные положения работы:

1. Говоря о дольменах Малой Азии, Я. А. Федоров ссылается на устаревшую и неглубокую работу М. Бенуа⁴³. Из новых исследований известно, что малоазийская (анатолийская) территория дольменов не имеет (В. Миков, Я. Банков, Ш. А. Консу и др.).

2. Нет ничего общего между конструкцией могилы в Майкопском кургане и дольменами станицы Новосвободной. В кургане обнаружена яма, обложенная деревом и разделенная тонкими перегородками на три части в виде буквы Т⁴⁴.

3. Вопрос о времени распада абхазо-адыгского этноса спорен. Ш. Д. Инал-Ипа, на которого ссылается Я. А. Федоров, писал, что на рубеже XII—XI вв. до н. э. не было еще полного выделения абхазов и адыгов⁴⁵. Метод лексической статистики М. Сводеша, упоминаемый Я. А. Федоровым для датировки распада абхазо-адыгского этноса второй половиной II тысячелетия до н. э.⁴⁶ (когда уже многие группы дольменов были построены), очень прямолинеен⁴⁷. При его использовании не учитывается вся «материальная база» языка (фонетика, грамматический строй) и историческая ситуация.

4. Адыги, как и абхазы, почитали дольмены, что отмечают Ш. Д. Инал-Ипа и Л. И. Лавров⁴⁸. Приводимая Я. А. Федоровым легенда в записи А. Зотова неединственна. По одному варианту, карлики — «испы» сами строили каменные дома (дольмены), по другому — их добровольно возводили великаны для карликов⁴⁹. П. У. Аутлев наименование «исп» связывает со скифами и датирует его появление VII—VI вв. до н. э.⁵⁰ Несомненно, образ карликов является фольклорным, фигурируя в нартском эпосе, он принадлежит не только адыгам («ацаны» у абхазов, «бицента» у осетин)⁵¹.

5. Чтение надписи на «майкопской плите», предложенное Г. Ф. Турчаниновым, является спорным⁵². Плита найдена в поздних слоях⁵³, но если взять датировку плиты по Г. Ф. Турчанинову — XIII—XII вв. до н. э., то это будет время, когда дольмены уже не воздвигали.

Таким образом, основные положения статьи Я. А. Федорова построены на противоречивых фактах.

Следует отметить, что почти все исследователи, интересовавшиеся дольменами, всегда связывали их строительство с предками абхазо-адыгов (Б. А. Куфтин, Л. И. Лавров, Л. Н. Соловьев, Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, И. М. Чеченов и др.) или только абхазов (Я. А. Федоров, отчасти Ш. Д. Инал-Ипа). Основанием для такого утверждения во всех случаях служит факт, что на западном Кавказе в эпоху раннего железа и последующее время (до расселения кабардинцев в более восточные части Кавказа) не происходило коренных смен населения. И, конечно, расширенное понимание слова «дольмен» как термина может привести к неверному представлению о расселении древних племен. Так, Л. Г. Нечаева и В. В. Кривицкий, считая составными дольменами грубо сложенные склепы у сел. Эгикал в Ингушетии и у сел. Ирганай в Дагестане, замечают, что эти памятники «входят в зону распространения составных дольменов и расселения древнего народа, строившего для своих умерших монументальные каменные гробницы, имеющие лаз для внесения через него покойников внутрь гробницы»⁵⁴. Они не называют имени этого народа, но если учесть соотнесение дольменных памятников с абхазо-адыгским этносом или даже просто абхазами, то абсурдность вытекающих выводов станет очевидной: для нахско-дагестанского населения в восточной части Кавказа не останется места.

Однако все сказанное не является пределом для культурно-исторической интерпретации дольменных памятников. Недавно появилась очень интересная статья Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова с гипотезой о происхождении дольменов. В ней, очевидно основываясь на большом замечании Л. И. Лаврова о том, что «дольмены Северо-Западного Кавказа составляют одно целое с дольменами Крыма и Украины»⁵⁵, авторы делают попытку провести линию движения культуры дольменов от волынских мегалитов (культура шаровидных амфор) через районы, занятые памятниками усатовского типа на Украине, в Крым (кемиобинская культура) и затем на Кавказ⁵⁶. Тут же следует отметить, что авторы рассматривают предметы, найденные в майкопском кургане и в дольменах станицы Новосвободной, как разнокультурные⁵⁷, в то время как я считаю их относящимися к одной культуре. Вещи, найденные в дольменах, имеют майкопский облик, они могли попасть в их камеры по разным причинам, которые еще следует выяснять. Аналогичным образом новосвободненские усыпальницы и их инвентарь рассматри-

вает Р. М. Мунчаев⁵⁸. Разный подход к данным памятникам и привел к тому, что Н. А. Николаева и В. А. Сафронов по сути дела пытаются связать в единое целое культуру шаровидных амфор и поздний вещевой комплекс майкопской культуры, обнаруженный в новосвободненских памятниках. Дольменный инвентарь ничего общего с ним не имеет⁵⁹, конструктивно далеки от кавказских памятников и так называемые вольтинские мегалиты⁶⁰. Их культурная принадлежность еще выясняется, но генетически они могут быть связаны с мегалитами северогерманских земель⁶¹. Таким образом, кавказские памятники, если следовать этой гипотезе, вполне могут обрести связи с весьма далеким европейским севером. Выводы по этому поводу я не стану делать.

Рассмотрев целый ряд работ, я не думаю, что моя гипотеза о средиземноморском происхождении кавказских памятников является единственно верной и неуязвимой⁶². Это далеко не так. Хотелось бы думать, что на Кавказ проникла только «идея» дольмена, но сами идеи не передвигаются, их приносят люди, хотелось бы следовать за Л. И. Лавровым, который предполагал, что древние «кавказские мастера» видели дольмены и воспроизвели их конструкции у себя на родине⁶³. Однако для этого кавказцам пришлось бы единоборствовать с морскими течениями (они идут с запада на восток), а не пользоваться ими, ведь все основные группы дольменов расположены там, где вблизи проходят сильные морские течения. Так возникла моя гипотеза. И все же я не представляю себе, одним или несколькими рейсами могли быть заброшены первые строители дольменов на Кавказ, каковы были их число и взаимоотношения с местным населением, уже освоившим Причерноморье и Прикубанье.

Я выдвинул только гипотезу. Ее слабость в неравноценном знании мегалитов мира и их содержимого.

Остановлюсь немного на северокавказской культуре. Широкий размах раскопочных работ в Ставрополе, Кабардино-Балкарии, Калмыкии и в других районах привел, естественно, к появлению новых материалов, многие из них интересны для данной темы. В качестве археологической культуры северокавказские комплексы давно фигурируют в литературе, хотя отдельные авторы (в первую очередь В. А. Сафронов) готовы, исключив из нее территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, сузить ее до минимума⁶⁴. Это привело бы, несомненно, к замене как названия культуры (оно, как известно, предложено В. А. Городцовым), так и всей ее интерпретации. Правда, убедительного обоснования этому пока нет. Представляется обратное, а именно, что столь широкий размах культуры требует уже рассмотрения ее в качестве большого культурно-исторического региона с несколькими вариантами-культурами. Очевидно, совместными усилиями археологов должен быть решен вопрос и относительно общих черт во вновь выявленных памятниках Северного Кавказа, и их специфически-локальных особенностях. Не менее важно выяснение взаимодействия местных племен со степными племенами, движение которых на Кавказ представляется сейчас более ранним⁶⁵, чем это казалось несколько лет тому назад⁶⁶. В связи с этими вопросами возникает задача уточнения времени бытования северокавказской культурно-исторической общности как в целом, так и для ее отдельных частей (вариантов). Известно стремление суживать ее хронологические рамки чуть ли не до XVII—XII вв. до н. э.⁶⁷ С этим трудно согласиться, так как имеются даты по C¹⁴ для соответствующих ранних погребений Усть-Джегутинского могильника, среди них дата — 2160±60 лет до н. э.⁶⁸ Вероятно, подобные данные будут умножены. Очевидно, удревнится ранний этап культуры (по А. Л. Нечитайло, это рубеж III—II тысячелетий до н. э.⁶⁹), а значит, надо будет удревнить связанную с ней майкопскую культуру. Представляется, что вопросы хронологии, как и выделения новых культур, необходимо решать сообща на специальных совещаниях.

Уже давно говорилось об определенной близости памятников всего восточного Кавказа⁷⁰. Недавно, сопоставляя в основном археологические находки, добытые на могильнике Гинчи (Дагестан), с материалами могильника Гатын-Кале (Чечня), М. Г. Гаджиев выделил «гинчинскую культуру» эпохи бронзы с довольно широким ареалом⁷¹. Мне кажется, что предложенное название несколько суживает представление о культуре эпохи бронзы в восточной части Кавказа. Эталоном для территории становится могильник Гинчи, а ведь для него более всего характерны круглоплоские склепы и даже кувшинные захоронения. Исчезает необходимое для культуры определенное единство обряда, так как в Гатын-Кале подобные склепы отсутствуют, а в другом могильнике — Харсеной (Чечня, раскопки В. И. Марковина) обнаружены лишь захоронения в ямах. Как видно, при известном сходстве керамических форм все эти памятники обладают яркими локальными особенностями. Может быть, лучше говорить о еще одной культурно-исторической области (общности), которую можно было бы назвать восточнокавказской. Этот вопрос стоит обсудить.

Как видно, только всестороннее изучение кавказских материалов, добротное знание литературы позволит кавказоведам-археологам не только ставить, но и решать актуальные задачи нашей науки.

- ¹ Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. — Тр. Абхазского ИЯЛИ. Сухуми, 1960, вып. XXXI, с. 102.
- ² Каменецкий И. С. К вопросу о понятии типа в археологии. — В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, с. 354, 355.
- ³ Блек В. Б. Мегалитические сооружения Кавказа и Закавказья. — В кн.: История искусства народов СССР. М., 1971, т. 1, с. 44—46.
- ⁴ Циркунов В. Ю. О происхождении зодчества. М., 1965, с. 85, 86.
- ⁵ Фелицин Е. Д. Западнокавказские дольмены. — МАК. М., 1904, т. IX, с. 18—31.
- ⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, с. 15.
- ⁷ Резепкин А. Д. Рец. на кн.: В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. — СА, 1977, № 4, с. 314.
- ⁸ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 110.
- ⁹ Резепкин А. Д. Указ. рец., с. 314.
- ¹⁰ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, с. 33—36, рис. 48, 53; Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 52; Попова Т. Б. Дольмены станицы Нововосободной. — Тр. ГИМ, 1963, вып. XXXIV, с. 11, 13, рис. 3, 5; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 242—246.
- ¹¹ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 102.
- ¹² Петербургское общество любителей духовного просвещения. — Гражданин. СПб., 1873, № 26, с. 734.
- ¹³ Столяр А. Д. Мешко — поселение майкопской культуры. — В кн.: Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961, т. II, с. 97.
- ¹⁴ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 80, 83.
- ¹⁵ Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 318.
- ¹⁶ Резепкин А. Д. Указ. рец., с. 315, 316.
- ¹⁷ Захаров Н. А. Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа. — СА, 1937, вып. III, с. 227.
- ¹⁸ Формозов А. А. Указ. соч., с. 65, 66, 145, рис. 28.
- ¹⁹ Резепкин А. Д. Указ. рец., с. 316.
- ²⁰ Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, с. 35—38; Он же. Дольмены западного Кавказа. М., 1978, с. 307 и сл.
- ²¹ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 96.
- ²² Там же, с. 59—62, 122 и сл.
- ²³ Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. — Тр. Абхазского ИЯЛИ, Сухуми, 1958, вып. XXIX, с. 150, 151, 158 и сл.
- ²⁴ Соловьев Л. Н. Указ. соч., с. 164.
- ²⁵ Там же, с. 165, 170, 171.
- ²⁶ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1958.
- ²⁷ Боднарский М. С. Словарь географических названий. М., 1954, с. 185, 186.
- ²⁸ Микоян В. Произождът на куполните гробници в Тракия. — Сб. Гаврил Кацаров. София, 1955. (Изв. на Археологическия институт, кн. XIX), с. 18, карта.
- ²⁹ Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, с. 215, 216, 231, 232.
- ³⁰ Римшнейдер М. От Олимпис до Ниневии во времена Гомера. М., 1977, с. 10.
- ³¹ Меликишвили Г. А. Наирн-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 73, 75—80.

- ³² Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956, с. 103 (примечание 3), 110 и сл.; Алиев И. История Мидии. Баку, 1960, 1, с. 40, 79.
- ³³ Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 76, 77.
- ³⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... с. 61, 62.
- ³⁵ Федоров Я. А. Этнокультурные связи западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита. — Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1973, № 5, с. 57, 59.
- ³⁶ Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 76—78.
- ³⁷ Федоров Я. А. О дольменной культуре западного Кавказа и ее носителях. — Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1974, № 4, с. 78, 93.
- ³⁸ Там же, с. 78—82.
- ³⁹ Там же, с. 81.
- ⁴⁰ Там же, с. 82.
- ⁴¹ Федоров Я. А. Горы и степь. — Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1978, № 1, с. 77.
- ⁴² Федоров Я. А. О дольменной культуре... с. 85—88.
- ⁴³ Венау М. Доисторическая архитектура. — В кн.: История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935, с. 3, 4.
- ⁴⁴ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, с. 3; ОАК за 1898 г. СПб., 1901, с. 33—36, рис. 48, 53; Попова Т. Б. Дольмены... с. 10—14, рис. 3, 5.
- ⁴⁵ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. 2-е изд. Сухуми, 1965, с. 85; Он же. Страницы исторической этнографии... с. 28—30.
- ⁴⁶ Федоров Я. А. Указ. соч., с. 80.
- ⁴⁷ Swadesh M. Archaeological and Linguistic-Chronology of Indo-European Grays. — American Anthropologist, 1955, v. 55, N 3.
- ⁴⁸ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы, с. 67; Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. — СЭ, 1936, № 4/5, с. 126.
- ⁴⁹ Ауглев П. У. Ислы нартского племени — не скифское ли племя «исеп»? — Учен. зап. Адигейского НИИЭЯЛИ, Майкоп, 1974, т. XVII, с. 534, 535.
- ⁵⁰ Ауглев П. У. Указ. соч., с. 536.
- ⁵¹ Багдасарян Х. С. Об абхазском героическом эпосе. — В кн.: Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958, с. 193; «Нарты» (эпос осетинского народа). М., 1957, с. 142, 145 и сл.
- ⁵² Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языки народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 3—34; см. также: Крупнов Е. И. О загадочной майкопской надписи. — ВИ, 1964, № 8; Ауглев П. У. К вопросу о возрасте Майкопской плиты. — ВДИ, 1966, № 2; Дьяконов И. М. Майкопские письмена. — Там же; Лавров Л. И. Письмо. — СЭ, 1967, № 2.
- ⁵³ Ауглев П. У. К вопросу... с. 106; Ауглев П. У., Дитлер П. А., Трапш М. М. Раскопки в районе г. Майкопа в 1964 г. в связи с находкой майкопской плиты. — В кн.: Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. Баку, 1965, с. 101, 102.
- ⁵⁴ Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Иргавайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа. — В кн.: V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докл. Махачкала, 1975, с. 31, 32.
- ⁵⁵ Лавров Л. И. Дольмены... с. 102.
- ⁵⁶ Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменов северо-западного Кавказа. — Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры, М., 1974, вып. VII, с. 175—194.
- ⁵⁷ Николаева Н. А., Сафронов В. А. Указ. соч., с. 179, 180.
- ⁵⁸ Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 318, 319.
- ⁵⁹ Марковин В. И. Дольмены западного Кавказа, с. 238—274 и рис.
- ⁶⁰ Левицкий И. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині. — Антропология, Київ, 1929, т. II, с. 192—220; Свешников И. К. Мегалітичні поховання на Західному Поділлі. Львів, 1957, с. 8—21.
- ⁶¹ Wislanski T. Kultura amfor kulistych w Polsce Pólnocno-Zachodniej. Wroslaw; Warszawa; Krakow, 1966, s. 105—107; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1975, с. 278—282.
- ⁶² Марковин В. И. Дольменная культура... с. 41 и сл.; Он же. Дольмены западного Кавказа, с. 315 и сл.
- ⁶³ Лавров Л. И. Дольмены... с. 107.
- ⁶⁴ Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа. — Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры, вып. VII, с. 23.
- ⁶⁵ Нечитайло А. Л. Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской. — СА, 1970, № 2, с. 156.
- ⁶⁶ Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). — МИА, 1960, № 93, с. 86.
- ⁶⁷ Сафронов В. А. Указ. соч., с. 166—170.
- ⁶⁸ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1973, с. 11.
- ⁶⁹ Там же, с. 22.
- ⁷⁰ Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Форганги. М., 1965, с. 48; Он же. Дагестан и горная Чечня в древности (какавентско-харачоевская культура). — МИА, 1968, № 122, с. 78, 79.
- ⁷¹ Гаджиев М. Г. Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974 (МАД, т. V), с. 27, 28.

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ПТИЦ НА КЕРАМИКЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

В эпоху неолита в искусстве населения лесной полосы от Прибалтики до Урала часто встречаются изображения птиц. Известны фигурки из различных материалов, что зависело от сырьевых ресурсов конкретных областей. Так, в Прибалтике известна скульптура из кости, янтаря, дерева, в Волго-Окском бассейне — из кости и кремня, на европейском севере — из кремня, глины, сланца. Наряду с плоскостными известны скульптурные изображения. Некоторые из них детализированы, что позволяет иногда определить, к какому семейству относятся изображенные птицы (глухарь, кулик) ¹.

Особую группу составляют изображения птиц на глиняной посуде неолитического времени, где они служат частью орнаментальной композиции. Обычно все графические изображения схематичны. Только в отдельных случаях удается различать фигуры утки, лебедя или гуся ². Уральские рисунки на керамике отличаются большим разнообразием сюжетов. Среди них, помимо птиц, встречены изображения косуль, выполненные в той же манере оттисками гребенчатого штампа ³.

Рисунки на глиняной посуде привлекали внимание многих исследователей, которые пытались объяснить не только назначение сосудов с изображениями и символику последних, но и значение водоплавающей птицы в искусстве древнего населения. Д. Н. Эдингу принадлежит мысль о том, что мотив птицы не применялся для орнаментации посуды бытового назначения ⁴. Неоднократно отмечали традиционный характер этого сюжета. Н. Н. Гурина связывает изображения птиц с верованиями древнего населения ⁵.

Финский ученый Т. Эдгрен составил карту распространения этих изображений и пришел к выводу о их связи с памятниками гребенчатой керамики. Основной территорией распространения сосудов с изображениями птиц он считает Финляндию ⁶. Последнее время число подобных находок увеличилось. На известной Федоровской стоянке найдены фрагменты керамики с изображениями птиц, которые, по мнению И. В. Гавриловой, относятся к позднему неолиту и эпохе бронзы ⁷. Более раннее изображение происходит со стоянки Сахтыш VIII, где, по сообщению Д. А. Крайнова, найден фрагмент сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом времени развитого неолита и фигуркой утки ⁸. Упомянутые находки расширяют территорию распространения керамики с изображениями птиц. В то же время общая картина пока остается прежней в том смысле, что в неолитическое время основное число подобных находок известно в северо-западной части лесной полосы и чаще всего они связаны с керамикой с гребенчатым или ямочно-гребенчатым орнаментом.

Значительно менее известны изображения птиц на керамике эпохи бронзы. По данным Н. Н. Гуриной, они найдены на четырех стоянках: Усть-Рыбежна II в Ленинградской обл., Илекса на западе Вологодской обл., вблизи Онежского озера, Вис 2 в Вычегодском крае, Латочка на Урале ⁹. К раннему бронзовому веку относятся также сосуды с изображениями водоплавающих со стоянки Чебаркуль в Зауралье ¹⁰. В европейской части еще одно изображение найдено недавно на стоянке Сахтыш I в Ивановской обл. ¹¹ Серию графических изображений на керамике дополнили новые находки со стоянки Белозерской в Вологодской обл., которые относятся к эпохе бронзы и представляют, как нам кажется, большой интерес. В связи с ними остановимся на двух вопросах — о характере изображений и связи памятников эпохи бронзы данного региона с предшествующими памятниками эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Белозерская стоянка находится на берегу Белого озера в г. Белозерске ¹², она сильно размыта. Собранный здесь подъемный материал исклю-

чительно однороден, что позволяет считать памятник одновременным и отнести его к эпохе бронзы. Находки состоят из большого количества фрагментированной керамики и каменных орудий. Значительную часть коллекции составляет керамика с сетчатой поверхностью, часто она заглажена у горловины для нанесения орнамента. Сосуды профилированные, по форме венчика выделяются две группы — с отогнутым краем и закрытые, с характерным сложным венчиком, у которого от горловины сосуда идет расширение наружу и только самый край загнут внутрь (рис. 1, 1, 2). Посуда с подобным профилем обычно имеет сетчатую поверхность и встречается на памятниках позднекаргопольской культуры в восточном Прионежье.

Орудия Белозерской стоянки представлены сланцевыми топорами и теслами, а также наконечниками стрел из кремня. Подробный анализ каменного инвентаря стоянки не входит в задачу настоящей работы, поэтому отметим только, что по форме и деталям все орудия отличаются от соответствующих форм неолитического времени. В то же время они обнаруживают определенное сходство с орудиями стоянок эпохи бронзы, таких, как Осиновская 2 на средней Сухоне и других ранних памятников позднекаргопольской культуры.

Со стоянки происходят два фрагмента сосудов со стилизованными изображениями водоплавающих птиц, выполненные в разной манере. В одном случае по выпуклому боку сосуда ниже ряда круглых ямок нанесены фигуры плывущих птиц (рис. 2, 3). Изображения достаточно схематичны, что сближает их с известными рисунками на керамике стоянок Илекса и Усть-Рыбежна II. Со стоянки Усть-Рыбежна II происходят фрагменты двух сосудов, в орнаментацию которых включены ряды водоплавающих птиц, выполненных длинными вертикальными и короткими горизонтальными отпечатками гребенки¹³. Со стоянки Илекса из раскопок А. Я. Брюсова известны три фрагмента от двух сосудов (рис. 1, 1—3), из них опубликован только один¹⁴. Орнаментальная композиция в обоих случаях настолько сходна, что трудно отличить один сосуд от другого. В одном случае ряд круглых ямок по плечикам сопровождается мелкими ямками и фигурки птиц более приземисты (рис. 1, 1), в другом вместо мелких ямок — овальные углубления и фигуры птиц более вытянуты (рис. 1, 2). Орнаментальная композиция на сосудах со стоянок Илекса и Усть-Рыбежна II очень близка. Оба памятника относятся к более раннему времени, чем Белозерская стоянка. В то же время упрощенный характер, стилизованность фигур водоплавающих птиц на посуде Белозерской стоянки позволяет сопоставлять их именно с этими изображениями, тем более что рассматриваемые памятники близки территориально и, возможно, хронологически.

Второе графическое изображение птицы с Белозерской стоянки отличается от первого. Здесь по выпуклой стенке сосуда между двумя рядами круглых ямок крупного размера располагался фриз из близко расположенных фигур птиц, из которых на сохранившемся фрагменте размещаются только две (рис. 2, 1). Выше фриза рядов ямок было несколько, как можно судить по остаткам орнамента в верхней части черепка, близкой к горловине сосуда, где обычно орнамент покрывал всю поверхность. Фигуры водоплавающих птиц выполнены гребенчатым штампом, причем туловище состоит из трех рядов четырехзубого штампа, голова и шея тоже трехрядные, но штамп из трех зубцов. В этом случае фигуры также схематичны, несмотря на несколько иное оформление, что позволяет говорить об общем их сходстве с изображениями со стоянок Илекса и Усть-Рыбежна II.

В коллекции со стоянки Илекса¹⁵ находится очень интересный фрагмент сосуда, происхождение которого не ясно. Он упоминается здесь в связи с тем, что изображенные на нем фигуры птиц выполнены в той же манере, что и второй экземпляр с Белозерской стоянки. Мелкой узкой гребенкой нанесены фигуры, у которых голова, шея и туловище состоят из трех или четырех рядов оттисков (рис. 1, 4). Этот черепок содержит

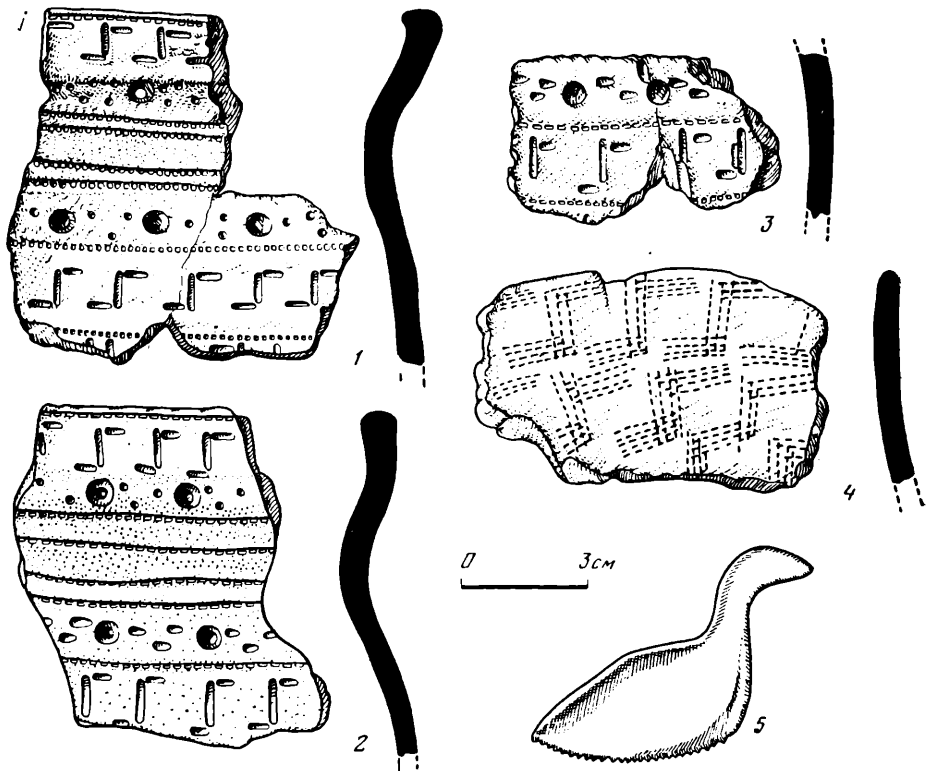

Рис. 1. Керамика с изображениями водоплавающих птиц со стоянки Илекса (1—4) и штамп для орнаментации посуды в виде птицы со стоянки Старототемская (5)

примесь асбеста в тесте. Керамика с такой примесью и орнаментом из фигур птиц известна в местонахождении Тайпале в Финляндии¹⁶. На сохранившейся части сосуда расположены три ряда изображений, другие элементы орнамента отсутствуют. Головы и шеи состоят из двух рядов гребенчатого штампа, туловище — из трех. В расположении фигур на поверхности сосуда заметно нарушение рядов и расстояний между ними. У некоторых от хвоста вниз спускаются одна или две полосы, обозначающие, вероятно, лапы плывущей птицы. На рассматриваемом фрагменте сосуда из восьми определенных фигур такие же лапы из четырех рядов оттисков есть в трех случаях (рис. 1, 4). Этот сосуд, очевидно, происходит с одной из стоянок с асбестовой керамикой севера лесной зоны.

На сравнительно небольшой территории от Ладожского до Белого озера известны сейчас: из Усть-Рыбейны II — фрагменты двух сосудов, из Илексы — два сосуда (три фрагмента), из Белозерской — два сосуда (два фрагмента), из Селища — один фрагмент. По-видимому, есть основания считать эту территорию частью основного ареала керамики эпохи бронзы с изображениями птиц. Она совпадает с территорией распространения неолитических памятников с ямочно-гребенчатой керамикой.

Особенностью рассматриваемых изображений является их схематичность, а также их размещение в виде горизонтального фриза. Обращаясь к рисункам на керамике неолитического времени Севера, можно заметить, что эти черты характерны для памятников с гребенчатой и ямочной керамикой. Строгая зональность узора этой группы посуды не нарушалась изображениями птиц, которые включались в орнамент в виде фриза. Прекрасные образцы сосудов с горизонтальными зонами и рядом плывущих птиц известны в Кубенино¹⁷, Сятос в Финляндии¹⁸. С фрагментами сосудов стоянок Некежма, Вой-Наволоок 9¹⁹, Колмхаара, Сокембака²⁰ и ряда других они образуют группу, для которой характерны строгая геометрич-

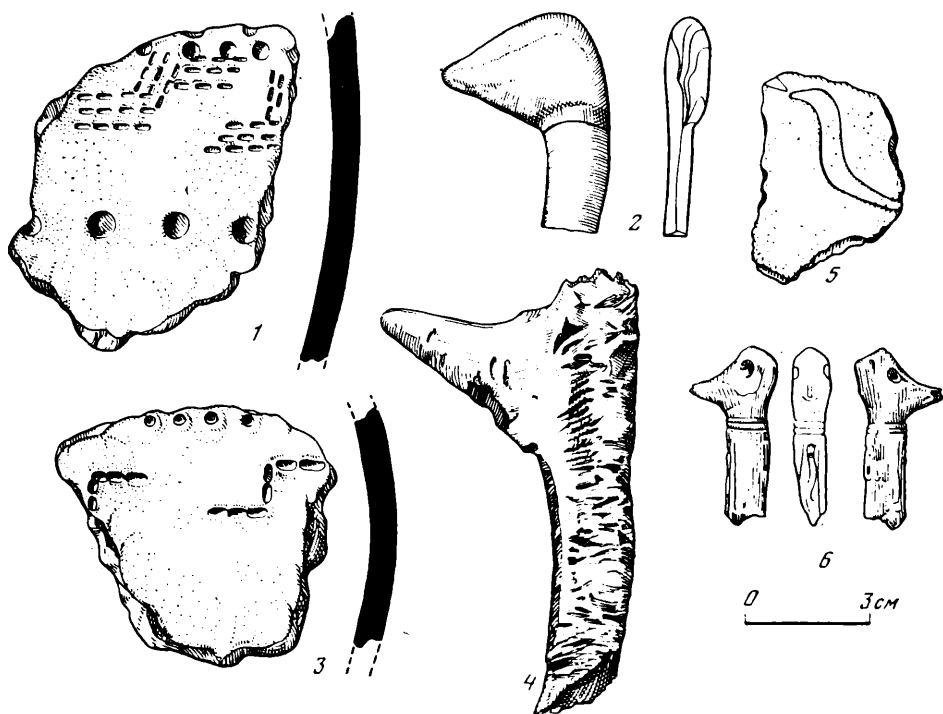

Рис. 2. Керамика с фигурами птиц со стоянок Белозерская (1, 3) и Селище (5); скульптурные изображения из сланца, стоянка Белозерская (2) и из кости, Селище (4, 6)

ность и схематичность изображений водоплавающих, что соответствует и общему стилю орнамента посуды.

Отдельную группу изображений составляют немногочисленные фигуры птиц на керамике с примесью асбеста и раковины. На этой посуде изображения птиц встречаются редко, они расположены свободно, с нарушением рядов и большим разнообразием деталей, что соответствует стилю орнамента в целом. Например, на сосуде из Кузнечихи изображение птицы более реалистическое, в нем легко узнать лебедя с выгнутой спиной и лапами. Выделение лап встречено пока только у фигур на керамике с примесью асбеста или раковины. В свое время В. И. Смирнов обратил внимание на различия этих двух групп рисунков водоплавающих на неолитической посуде. Располагая небольшим тогда материалом, он сделал интересное наблюдение, что фигуры птиц из Кубенино более схематизированы и старше по возрасту, чем изображения на сосуде из Кузнечихи. Кроме того, он отметил большее сходство фигур из Кузнечихи и Вой-Наволока с петроглифами Онежского озера²¹.

Орнаментальные композиции, в которые включены графические изображения птиц, на стоянках эпохи бронзы в рассматриваемом регионе близки орнаментам первой группы неолитической керамики, что выражается в зональности узора и стилизации самих фигур. Кроме того, на стоянке Илекса орнамент с водоплавающими птицами украшает сосуд со сложным профилем и сетчатой поверхностью. Такие сосуды встречаются на самых ранних памятниках эпохи бронзы, они чаще всего орнаментированы горизонтальными полосами тонкой гребенки в сочетании с мелкими круглыми или овальными углублениями. Наиболее интересно сочетание формы со сложным профилем, сетчатой поверхности и орнамента из тонкой гребенки у горла и ямок по всей поверхности. Подобный сосуд найден, например, на стоянке Андозеро 3, относящейся к началу эпохи

бронзы. В рассматриваемой керамике можно видеть сочетание новой формы, заимствованной у населения культур боевых топоров и видоизмененной, с орнаментацией, в которой частично сохраняются древние мотивы, в том числе традиционные изображения водоплавающих птиц. По-видимому, есть основания говорить о преемственности в приемах орнаментации посуды ранних стоянок эпохи бронзы с сетчатой керамикой и неолитических с ямочно-гребенчатой.

Изображения птиц на памятниках эпохи бронзы продолжают встречаться не только в виде рисунков на керамике, но и в скульптуре. На Белозерской стоянке найдена сланцевая фигурка, представляющая голову птицы. Она сделана из пластины и шлифована гранями, особенно выделена длинная шея (рис. 2, 2). Еще одна сланцевая фигурка происходит со Старо-Тотемской стоянки на средней Сухоне из раскопок Н. А. Черницына. Это изображение водоплавающей птицы, сделанное из плоской пластины шифера черного цвета, хорошо шлифованное, с мелкими нарезными зубчиками на животе (рис. 1, 5). Поделка служила штампом для орнаментации керамики. Стоянка, на которой она найдена, относится к концу неолита или началу эпохи бронзы. Несмотря на значительную удаленность Белозерской и Старототемской стоянок друг от друга, оба изображения обнаруживают сходство, которое можно объяснить прежде всего одинаковым материалом, а главное, одинаковой манерой обобщенной передачи природы без лишней детализации. Подобное оформление кремневой скульптуры известно в неолите севера лесной полосы, где неоднократно встречены фигуры водоплавающих птиц.

Вопросу о происхождении памятников с сетчатой керамикой в литературе уделялось большое внимание, так как по общему мнению они принадлежат предкам финно-угров. Одни исследователи полагали, что неолитические памятники с ямочно-гребенчатой керамикой не связаны с памятниками эпохи раннего металла с сетчатой керамикой, другие устанавливали такую связь и видели в ней доказательство принадлежности неолитического населения к древнему племени финно-угорской общности. Постепенное накопление новых фактов как будто подтверждает вторую точку зрения, тем более что памятники с сетчатой керамикой имеют тенденцию к удревнению и сближению с поздним неолитом.

Последний вопрос касается роли памятников с сетчатой керамикой в сложении позднекаргопольской культуры эпохи раннего металла, наиболее поздние памятники которой существовали до середины I тысячелетия до н. э. До сих пор стоянки с исключительно сетчатой керамикой на территории восточного Прионежья и в бассейне Сухоны не известны. Сетчатая посуда всегда составляет определенную долю среди прочей керамики, причем количество ее не зависит от территориального положения памятника. Например, на Осиновской 2 она составляет значительный процент, хотя этот памятник один из самых удаленных на восток в зоне распространения сетчатой керамики на Севере. На стоянках около Белого озера встречается много сетчатой посуды, в бассейнах оз. Воже и Лача ее меньше. Этот вопрос остается пока недостаточно исследованным, но можно предполагать, что сетчатая керамика появилась в начале эпохи бронзы или в самом конце неолита и получила широкое распространение в среде родственного населения, причем употреблялась наряду с другими видами посуды.

На памятниках позднекаргопольской культуры в ранний период встречается 6—10% керамики с сетчатой поверхностью и сложным профилем, часто она покрыта орнаментом, характерным для эпохи бронзы, на ней же встречаются элементы орнаментации неолитического времени. Позже сетчатой керамики становится меньше, сложная профилировка уступает обычным профилированным сосудам с отогнутым венчиком и плоским дном, меняется характер самих сетчатых оттисков на поверхности. Это хорошо видно, например, на сосуде, найденном на стоянке Перховта.

Несмотря на особый характер материальной культуры позднекаргопольских памятников и иную манеру орнаментации посуды, некоторые

древние мотивы встречаются и здесь. В этом отношении представляет интерес изображение птиц со стоянки Селище. На выпуклой стенке сосуда веревочным отпечатком нанесена фигура, обращенная носом к другой такой же фигуре, к сожалению не сохранившейся (рис. 2, 5). На этой же стоянке найдены две костяные скульптуры, изображающие голову птицы с приподнятым носом. Одна из них не закончена (рис. 2, 4). Вторая меньше размером, но сохраняет те же пропорции. У нее углублениями выделены глаза, вокруг шеи нанесены резные полосы, такие же полосы спускаются впереди от шеи (рис. 2, 6). Детали оформления отличают эту фигуру от кремневых и сланцевых изделий подобного рода неолитического времени и эпохи бронзы. Селище относится к I тысячелетию до н. э., скульптурные и графические изображения отсюда дают представление об искусстве позднекарагопольской культуры позднего периода. В то же время они дают основания говорить о традиционности подобных изображений в среде финно-угорского населения европейского севера, тем более что они продолжали существовать и позже, вплоть до средневековья, где встречаются изображения уток уже в металле.

Неполные пока сведения об искусстве и, может быть, духовном мире или верованиях древнего населения, а также некоторые характерные черты в орнаментации посуды свидетельствуют о длительном существовании одного и того же населения на Севере, следы которого удается выявить, несмотря на изменения в материальной культуре и смену археологических культур. По-видимому, север европейской территории СССР входил в зону, где происходило формирование финно-угорской общности населения, причем процесс этот сопровождался значительными внешними влияниями.

- ¹ Цветкова И. К. Племена рязанской культуры. — В кн.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970, рис. 26, с. 149.
- ² Смирнов В. И. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. — СА, 1940, VI.
- ³ Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. — Тр. ГИМ, 1940, вып. X, с. 73.
- ⁴ Там же, с. 71.
- ⁵ Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР. — МИА, 1961, № 87, с. 148, рис. 25.
- ⁶ Edgren T. Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulptur aus Top. — FM, 1967, N 74, S. 15.
- ⁷ Гаврилова И. В. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения. — КСИА, 1972, вып. 131, с. 116—117.
- ⁸ Крайнов Д. А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1976 г. — Архив ИА, № 5819.
- ⁹ Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен. — КСИА, 1972, вып. 131, с. 42—43.
- ¹⁰ Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976, с. 31.
- ¹¹ Китицына Л. С. Находка изображения уток на стоянке Сахтыш 1. — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 88—89.
- ¹² Стоянка открыта жителем г. Белозерска М. И. Верещагиным, который собрал большую коллекцию и передал в городской музей, а также сообщил автору о своих находках и предоставил возможность работать с материалом и публиковать его, за что приношу ему искреннюю благодарность.
- ¹³ Гурина Н. В. Водоплавающая птица..., рис. 11, 4, 5.
- ¹⁴ Брюсов А. Я. Северная археологическая экспедиция. — КСИА, 1949, вып. XXVI, с. 28, рис. 9.
- ¹⁵ Коллекция ГИМ.
- ¹⁶ Edgren T. Einige neue Funde..., S. 13, Abb. 4.
- ¹⁷ Смирнов В. И. Орнаментальный фриз на сосуде со стоянок Кубенино. — КСИИМК, 1941, вып. X, с. 138.
- ¹⁸ Edgren T. Einige neue Funde..., Abb. 3.
- ¹⁹ Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. — МИА, 1951, № 20, рис. 21, 5.
- ²⁰ Edgren T. Einige neue Funde..., Abb. 1, 2.
- ²¹ Смирнов В. И. Указ. соч., с. 137.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. ГАВРИЛОВА

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛОСОВСКОГО ТИПА В КОСТРОМСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В настоящее время круг памятников волосовского типа, содержащих близкую, но не всегда тождественную керамику, значительно расширился. В плане выявления их локальных особенностей представляют интерес древние поселения костромского Поволжья Федоровское¹ и Водыш. Первое находится в Чухломском районе, на северном берегу Чухломского озера, на мысу, образованном древним берегом озера и вытекающей из него р. Вексой; поселение Водыш — в Сусанинском районе, на излучине левого берега одноименной реки, в 1,5—2 км от ее впадения в р. Шачу и отличается крайне низким расположением — Водыш и Шача протекают по низкой котловине, сливающейся с Исуновским (Сусанинским) болотом.

Культурный слой обоих поселений содержит разновременные остатки, не разделенные стратиграфически, но фиксация их по глубинам позволила установить, что во всех случаях керамика волосовского типа залегает выше ямочно-гребенчатой и галичской, но ниже фатьяновской, фатьяноидной и текстильной.

На Федоровском поселении в отличие от предшествующих лет, когда раскопкам подвергался самый мыс, расположенный сравнительно низко, из-за чего раскопы, как правило, подтапливались, работы последних лет были сосредоточены в 150—200 м выше по реке, на более высоком месте, где нижняя граница культурного слоя хорошо прослеживалась, благодаря чему здесь удалось зафиксировать остатки жилого сооружения, судя по аналогиям, — волосовского. Контуры его в виде подчетырёхугольного пятна 4×3,20 м были обнаружены на глубине 0,50 м от современной поверхности. С юга к нему примыкал коридорообразный вход длиной 1,20—1,50 м, шириной 0,40—0,50 м. Стенки его на 0,15—0,20 м некруто углублялись в подстилающий горизонт, дно имело незначительные западания.

Аналогичные остатки жилищ известны на поселениях Стрелка в Ивановской обл., Подборица-Щербинская — в Горьковской² с чисто волосовским комплексом. Относить к волосовской культуре жилище Федоровского поселения позволяют еще два факта: в его пределах собрано наибольшее количество волосовской керамики, а под полом коридора найден раздавленный при его устройстве галичский сосуд.

К волосовскому времени относится, вероятно, и погребение, обнаруженное в разведочном раскопе на заболоченной части берега у самой стрелки, в культурном слое, сразу под торфом, на глубине 0,35—0,40 м от современной поверхности. Плохо сохранившийся скелет лежал на спине, головой на восток, руки были вытянуты вдоль туловища и сложены на тазовых костях. Вещей не обнаружено.

Захоронение за пределами поселения, положение и ориентировка погребенного сближают его с погребениями, найденными здесь ранее В. И. Смирновым, и, что особенно важно, — с погребениями Стрелки, Иловца I и Сахтыша VIII, принадлежность которых к волосовской культуре не вызывает сомнений³.

Человеческие погребения и скелет собаки обнаружены и на Водыше, культурный слой которого перекрыт, помимо дерна, еще и горизонтом из прослоек супеси и суглинка, а нижняя граница ожелезнена. Шесть костяков без сопровождавшего инвентаря находились в культурном слое и под ним.

Погребенные лежали на спине, головой на восток, за исключением одного. У всех погребенных обе руки были вытянуты вдоль туловища или одна слегка согнута в локте, а кисть лежала на тазовых костях. Помимо нижней челюсти, иногда сохранялся фрагмент черепной крышки. По расположению нижней челюсти можно предполагать, что лицо покойника было повернуто к левому плечу. Исключение составляет погребение на глубине 0,60—0,65 м от современной поверхности, у которого целиком сохранился череп, также повернутый лицевой стороной к левому плечу, а обе руки находились в согнутом положении: кисть левой — выше тазовых костей, кисть правой — у левого плеча.

В двух случаях удалось проследить погребальные ямы овальных очертаний, полого углубленные в подстилающий горизонт на 0,10—0,25 м. Более интересным было погребение, обнаруженное в линзе костра, на глубине 0,70—0,75 м. Овальная линза, помимо обожженной почвы, содержала какую-то массу светло-серого цвета (золу?), кое-где — уголь, при этом самые сильные следы огня наблюдались около головы погребенного, меньше обгорели кости таза и некоторые позвонки, но все кости, за исключением черепа, хорошо сохранились и лежали в анатомическом порядке. В данном случае, очевидно, не ставили целью сожжение покойника, огонь являлся лишь частью погребального ритуала. Этим, видимо, и объясняется отсутствие погребального инвентаря и черепов, а также находки отдельных обожженных фрагментов черепных крышек, нижних челюстей и зубов в пределах раскопа.

На верхней Волге сейчас открыто много древних погребений, но аналогичные водышским среди них неизвестны. С некоторой долей осторожности описанные выше погребения можно сопоставить с могильником Сахтыша VIII, где скелеты лежали в той же позе и с той же ориентировкой⁴. Находки обломков сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом в засыпке костяков и отчасти ритуал, связанный с огнем, подтверждают датировку погребений Водыша эпохой бронзы.

Скелет собаки обнаружен на глубине 0,90 м под центром очага. Животное лежало в согнутом положении, на левом боку, головой на юг; некоторые кости его обожжены.

Обнаруженные на Черной горе захоронения собак в такой же близкой к естественной позе позволяют рассматривать и данный скелет как преднамеренное захоронение эпохи бронзы⁵.

Керамика волосовского типа на Водыше отмечена в двух верхних условно выделенных горизонтах культурного слоя, а на глубине третьего встречались лишь единичные фрагменты.

Одной из характерных черт этой керамики является органическая примесь к глине (рис. 1, 2). Во всех случаях, когда удается установить, ею служит толченая раковина, иногда присутствует песок, возможно в качестве естественной примеси. Судя по обломкам со стыковыми краями, сосуды лепились двумя способами: поддепом и налепом глиняных лент. Подавляющее большинство сосудов было крупными, непрофилированными, с утолщенным венчиком, округлым или плоским дном. Поверхность обработана по-разному: у большинства фрагментов следы сглаживания незаметны, у некоторых на внутренней стороне, реже — на внешней наблюдаются штрихи. Основным элементом орнамента служит гребенчатый штамп, гораздо реже используются ямчатые вдавления. По

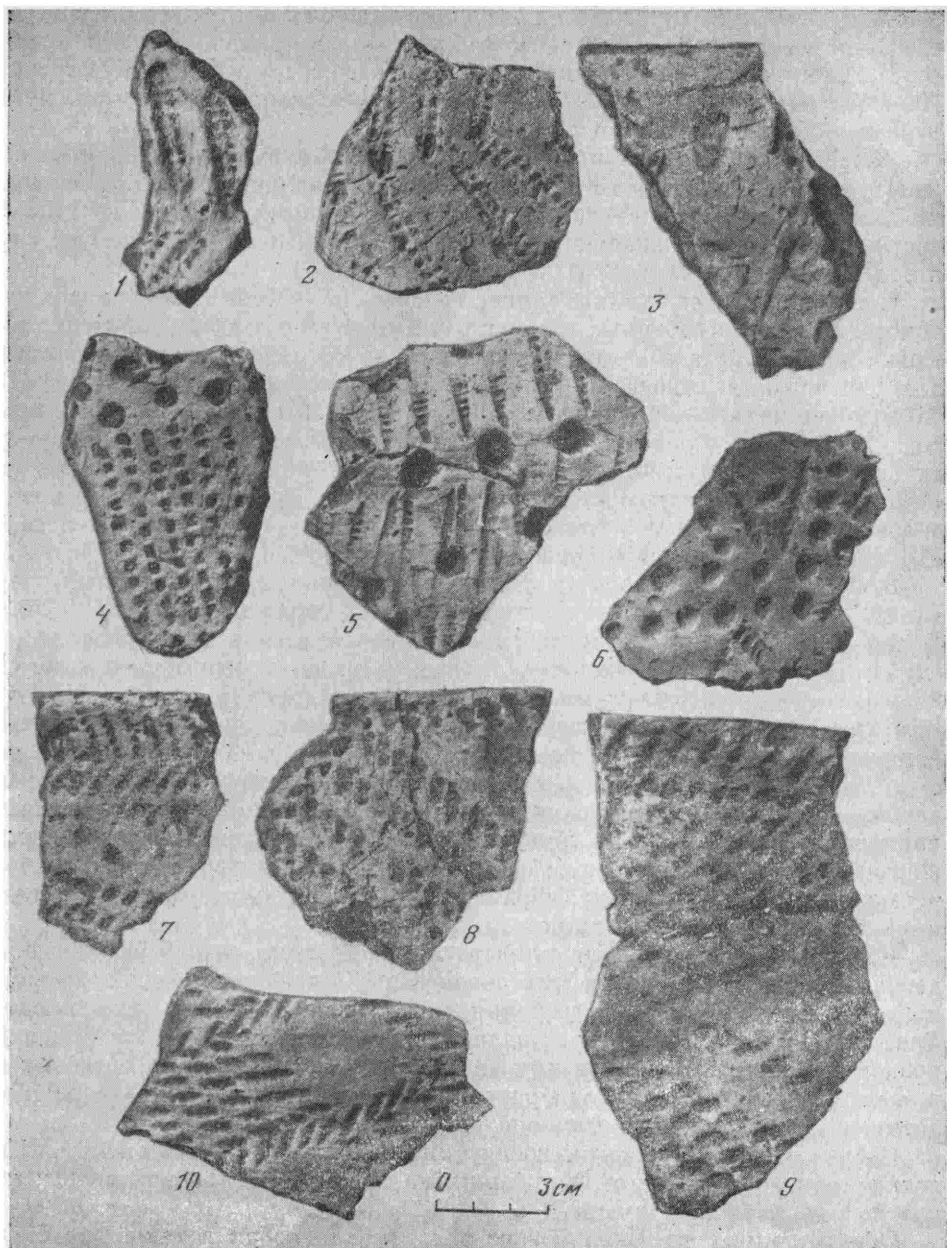

Рис.1. Керамика Федоровского поселения

1—3 — обломки волосовских сосудов; 4—6 — гибридная керамика; 7—10 — галичско-турбинская керамика

толщине стенок и композиции орнамента эта керамика делится на две группы: типичную волосовскую и своеобразную тонкостенную керамику, напоминающую турбинскую и галичскую.

Сосуды первой группы (рис. 1, 1—3; 2, 9—12) толстостенные — 7—10, иногда 13 мм, примесь в глине едва заметна, от ее сгорания на обеих поверхностях остались щербинки, штрихи наблюдаются очень редко. Среди венчиков преобладают характерные «Т»- и «Г»-образные. Украшена эта керамика главным образом удлиненными отпечатками гребенчатого и рамчатого штампов, иногда — небрежно нанесенными крупными ямчатыми вдавлениями и широкими прочерченными линиями, изредка гребенка нанесена «шагающим» способом. Из-за сильной фрагментарно-

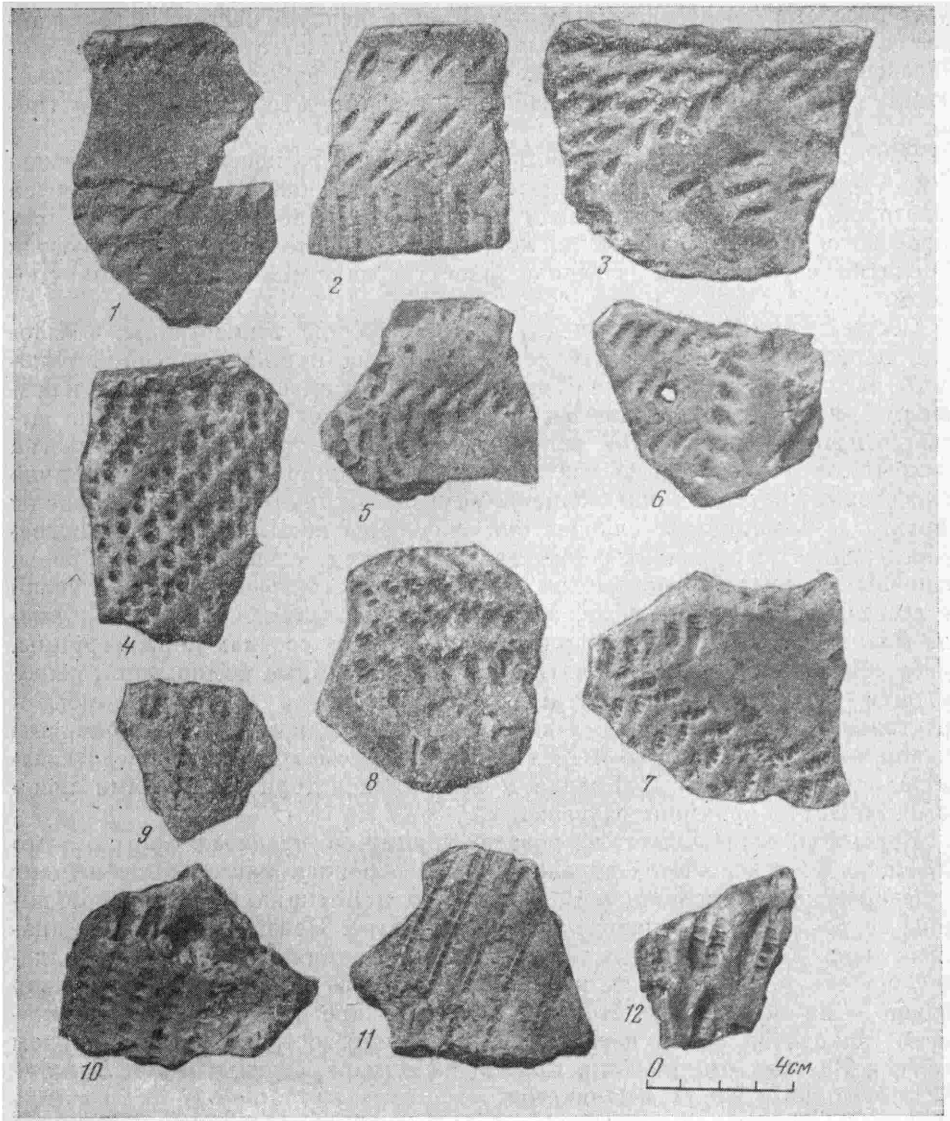

Рис. 2. Керамика поселения Водны

1—8 — галичско-турбинская керамика; 9—12 — волосовская керамика

сти восстановить композицию орнамента не удастся, можно лишь отметить, что на некоторых сосудах он разрезен, всегда покрывает край сосуда, зачастую — срез венчика, перечисленные элементы образуют горизонтальные пояски, так называемую «горизонтальную елочку», вертикальные зигзаги, ямчатые вдавления чаще производят впечатление нанесенных в беспорядке.

В свою очередь из этой группы выделяется незначительное количество толстостенных сосудов, вылепленных, как и волосовские, из глины с органической примесью, но с ямочно-ребенчатый или ребенчатый, галичским, орнаментом (рис. 1, 4—6). Для их украшения использовались глубокие конические и мелкие круглые ямки, овальные вдавления и ребенчатый штамп. Гибридность этой керамики проявляется и в орнаменте: нередко рисунок включает горизонтальные пояски круглых ямок и ребенки, нанесенной «шагающим» способом. Количество таких фрагментов невелико, чистого комплекса на костромских памятниках они не составляют. Керамика первой группы находит себе аналогии среди по-

суды поселений волосовской культуры, и в первую очередь на ближайших Борани и Станке I, Сахтышском торфянике, а также в Николо-Перевозе, Холомонихе, Володарах⁶. На каждом из перечисленных поселений, помимо волосовской, в небольшом количестве встречается и гибридная керамика.

В то же время между керамикой Федоровского поселения и Водыша и посудой поселений, приведенных в качестве аналогий, наблюдаются некоторые несущественные различия. Так, среди посуды Водыша и Федоровского нет заглаженной до лощения, в орнаменте не используются отпечатки веревочки, а гребенка зачастую нанесена «шагающим» способом.

Сосуды второй группы (рис. 1, 7—10; 2, 1—8) тонкостенны, в изломах, нередко на поверхности, хорошо заметна примесь толченой раковины, на внутренней стороне — штрихи от заглаживания. По форме и размерам они почти не отличаются от сосудов первой группы. Судя по легкой согнутости фрагментов венчиков, некоторые из них имели слегка «закрытую» форму. Срезы венчиков не столь широкие, как у типично волосовских сосудов, чаще скошены внутрь или прямые, изредка скошены наружу. В большинстве случаев они украшены косыми отпечатками гребенки, зачастую орнамент покрывает край сосуда с внутренней стороны. Основным элементом орнамента и здесь служит гребенка, но оттки ее всегда короткие, двузубые, а сам штамп — овальных очертаний, иногда мелкий. Помимо простых рисунков, как и на сосудах первой группы, здесь встречаются крупнозубчатые зигзаги и сложные композиции, включающие геометрические фигуры, преимущественно крупные ромбы и треугольники, оконтуренные и заполненные внутри тем же гребенчатым овалом или короткой гребенкой. Возможно, геометрические фигуры размещались в шахматном порядке и разделялись горизонтальными поясками. Зачастую орнамент разрежен.

Керамика, выделенная во вторую группу, в пределах костромского Поволжья распределяется неравномерно — основная масса ее происходит с Федоровского поселения и Водыша, а на памятниках Костромской низины встречается в незначительном количестве. Неизвестны прямые аналогии и на более отдаленных территориях. Единичные фрагменты близкой, но не тождественной посуды имеются во Владычине, несколько больше — на Бологовской стоянке. Более близкие и многочисленные аналогии находятся среди керамики Ильинского острова на Мошинском озере, в Висских стоянках на Синжорском озере, отдельные аналогии — в Выстелишне и Бор V в Прикамье⁷.

От типичной турбинской керамика второй группы отличается примесью, более сложной композицией орнамента, полным отсутствием ямчатых элементов и «шагающей» гребенки. В таких ее признаках, как уращение края венчика с внутренней стороны, в разреженном орнаменте из геометрических фигур, прослеживаются более древние традиции галичской керамики.

Выделить каменный инвентарь, сопровождающий обе группы посуды из смешанного культурного слоя, гораздо сложнее. Можно лишь перечислить некоторые ведущие формы, не вызывающие сомнений по аналогиям из поселений волосовской культуры: «узкие» и «широкие» желобчатые долота из кремня, тонкие ромбовидно-удлиненные наконечники стрел, массивные крупные скребки с широким, почти прямым рабочим краем, сверла, расширенные у тыльного конца, тщательно отретушированные.

Каменных изделий, характерных для турбинской культуры, очень мало: отбойники из овальных или округлых кварцитовых галек с желобком посередине и абразивные инструменты, возможно треугольные наконечники стрел, но так как на Водыше наконечников треугольной формы не обнаружено, относить их к галичско-турбинскому комплексу следует с большой осторожностью. Важно также, что заготовками для каменных изделий костромских поселений служат отщепы, в отличие от турбинских, где часто используются правильно ограниченные пластины.

Отсутствие абсолютной хронологии затрудняет датировку обеих групп керамики, их соотношение во времени. Заметное сходство примеси, формы и размеров, способов обработки поверхности, некоторых орнаментов исключают значительный разрыв между ними во времени. Об этом же свидетельствуют приведенные выше аналогии. На костромских памятниках обе группы керамики встречаются в одних горизонтах культурного слоя. На Водыше для нижнего горизонта, содержащего почти исключительно ямочно-гребенчатую керамику, по углю и кости получена дата середина III тысячелетия до н. э., следовательно, описанная выше керамика не может быть древнее первой половины — середины II тысячелетия до н. э. В это время в костромское Поволжье проникли волосовские племена, приток которых был, очевидно, значительным — остатки их поселений известны как в долине Волги и Костромской низине, так и на значительном расстоянии от основного пути расселения. В последнем случае их материальная культура испытывала большое влияние турбинских и местных племен, отражением чего и является своеобразная керамика второй группы и, возможно, погребальный ритуал Водыша. Аналогичное явление наблюдалось на обширной территории. Сходство керамики второй группы Федоровского поселения, Водыша, Ильинского острова, Висских стоянок и отчасти Бологоя как будто очерчивает круг памятников, расположенных на компактной территории. Не исключено, что их материальная культура представляет особый вариант, сложившийся на периферии волосовского влияния.

- ¹ *Смирнов В. И.* Отчет о раскопках на реке Вексе Чухломской у дер. Федоровской 4—10 августа 1926 года. — Архив ЛОИА, ф. 46, № 43; *Брюсов А. Я.* Федоровская стоянка: Труды секции археологии. — РАНИОН, М., 1928, т. II, с. 26—32; *Фосс М. Е.* Керамика Федоровской стоянки: Труды секции археологии. — РАНИОН, М., 1928, т. IV, с. 505—518; *Гаврилова И. В.* Керамика Федоровского поселения в связи с новыми исследованиями. — КСИА, 1969, вып. 117, с. 76—83; *Она же.* Новые мезолитические находки Федоровского поселения. — КСИА, 1973, вып. 137, с. 74—79.
- ² *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции. — АО 1968 г. М., 1969, с. 27—29; *Цветкова И. К.* Стоянка Подборица-Щербинская. — СА, 1961, № 2, с. 172—185.
- ³ *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 46—55; *Он же.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции. — АО 1968 г. М., 1969, с. 27—29; *Урбан Ю. Н.* Поселение и могильник Иловец I. — КСИА, 1973, вып. 137, с. 107—114; *Он же.* Исследование неолитических памятников в Калининской области. — АО 1970 г. М., 1971, с. 38—39.
- ⁴ *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.
- ⁵ *Цветкова И. К.* Стоянка Черная Гора. — КСИИМК, 1955, вып. 75, с. 114—122.
- ⁶ *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в костромском Поволжье. — МИА, 1963, № 110, с. 85—203; *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. — КСИА, 1965, вып. 100, с. 29—39; *Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры. — Тр. ГИМ, 1970, вып. 44, с. 35—78; *Цветкова И. К.* Стоянка Володары. — КСИИМК, 1948, вып. 20, с. 3—14.
- ⁷ *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. — МИА, 1961, № 99, с. 67—101, 118—133; *Буров Г. М.* Древний Синдор. М., 1967, с. 94—102; *Козырева Р. В.* Стоянка Ильинский остров в Архангельской области. — КСИА, 1971, № 126, с. 120—126.

М. П. ЗИМИНА

СТОЯНКА СТАРАЯ ЯКСАРКА

Стоянка Старая Яксарка находится в зоне затопления Сурского водохранилища в верховьях р. Суры, при впадении в нее р. Яксарки (Шемышейский район Пензенской обл.), в 1,5 км к северу от с. Старая Яксарка (рис. 1, 17).

Она располагалась на дюне на левом берегу р. Суры в 4 м над уровнем реки. На территории стоянки имелось несколько ям, из которых местные жители брали песок, и дорога, ведущая в с. Старая Яксарка.

На сохранившейся части поселения был заложен раскоп площадью 80 кв. м., ориентированный по странам света (рис. 1, 17). Стратиграфия: дерн — темно-серый песок 0,08—0,15 м; культурный слой — серый песок 0,15—0,40 м, в углублениях и ямах — 0,65 м, внизу переходящий в черный песок 0,05—0,1 м; подстилающий слой — желтый песок.

В дерне находок не было. В западной половине раскопа сразу под дерном шел тонкий слой почти черного песка с большим количеством угля, полусгоревшего или слегка обугленного дерева (следы пожара), в одном из кусков которого торчал железный наконечник стрелы. Эта находка относится ко времени значительно более позднему (неподалеку от стоянки находится селище эпохи раннего железа).

Верхняя часть культурного слоя бедна находками. Основная масса их залегала в сером песке, главным образом на глубине 0,2—0,3 м. Культурный слой изрыт кротовинами, пронизан корнями кустарника и насыщен угольками, осколками кварцита, орудиями, обломками и заготовками орудий, фрагментами керамики. Распределены они по площади раскопа более или менее равномерно.

В результате разборки и зачисток культурного слоя каких-либо следов жилищных сооружений или их очертаний не обнаружено. Зафиксировано лишь два маломощных нечетких очертания углистых пятен и четыре небольшие очажные ямки, диаметр которых колеблется от 0,3 до 0,5 м и глубина — от 0,15 до 0,35 м. В заполнении их найдены угольки, мелкие обломки керамики, осколки кварцита.

Коллекция, полученная в результате раскопок стоянки, насчитывает 460 предметов и состоит из обломков керамики, кремневых и каменных орудий, отщепов кварцита, кремня, мергеля, а также осколков костей животных.

Керамика представлена 225 большей частью неорнаментированных обломков сосудов, изготовленных из глины с растительной примесью. По форме сосудов ее можно разделить на две группы. К первой, немногочисленной, принадлежат обломки тонкостенных сосудов, толщина стенок которых не превышает 0,5—1 см. Обжиг слабый, цвет черепков колеблется от светло-коричневого до темно-серого, почти черного. Диаметр горла сосудов, судя по имеющимся фрагментам, равен 24—30 см. Венчики прямосрезанные, ровные или слегка утолщенные, по обрезу или снаружи украшенные насечками или оттисками мелкой гребенки. Четко выражена шейка и плечики, форма дна не установлена. Орнамент располагается по шейке и плечикам (рис. 1, 1, 6, 7, 10).

Ко второй группе относятся обломки толстостенных сосудов, толщина стенок которых равна 1,5—2 см. Обжиг слабый, неравномерный. Цвет черепков снаружи и изнутри колеблется от коричневатого до темно-серого, в изломе — черный. Черепки рыхлые, поверхность их шероховатая (рис. 2, 2, 3, 5—7, 9, 11—12). Сосуды этой группы имели уплощенное дно и, по-видимому, баночную форму. Орнамент располагался в верхней части сосудов.

Украшались сосуды обеих групп оттисками короткой, широкой, часто боком поставленной или узкой длинной гребенки, расположенными рядами, реже горизонтальным зигзагом или сеткой, клиновидными вдавлениями. Часть фрагментов украшена нарезками, прочерченными линиями (рис. 1, 1—16; 2, 1, 3, 5, 6, 8, 11).

Наружная поверхность иногда заглажена штампом (рис. 1, 5, 12; 2, 1, 4).

Каменный инвентарь стоянки насчитывает 227 орудий и обломков орудий, отщепов и осколков кварцита и кремня. Материалом для изготовления орудий, как правило, служил кварцит, значительно реже светло-серый, почти белый камень (15 кремневых предметов). Всего в коллекции 39 орудий, в том числе девять из кремня и одно (грузило) из

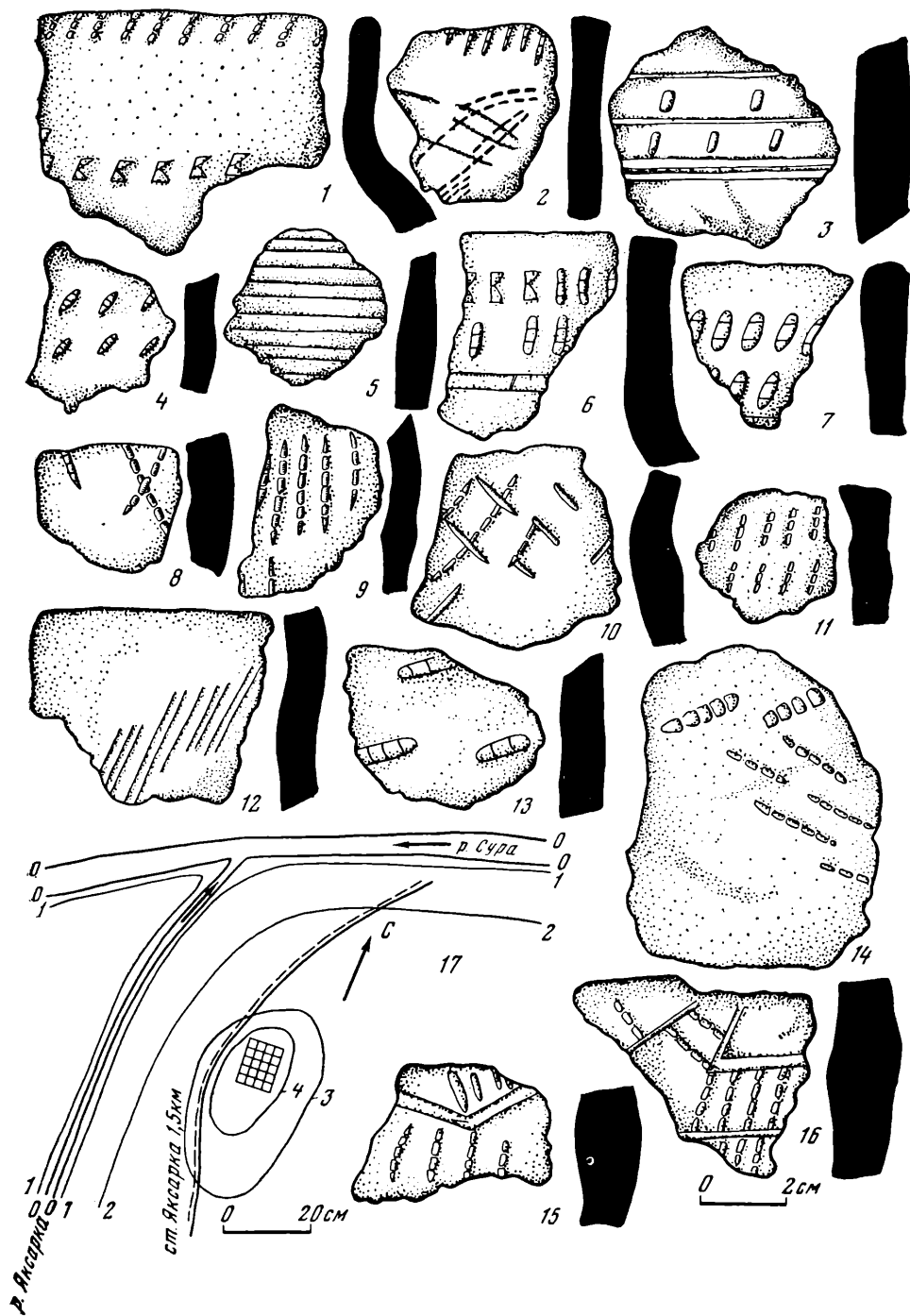

Рис. 1. Стоянка Старая Яксарка
 1—16 — керамика; 17 — план стоянки

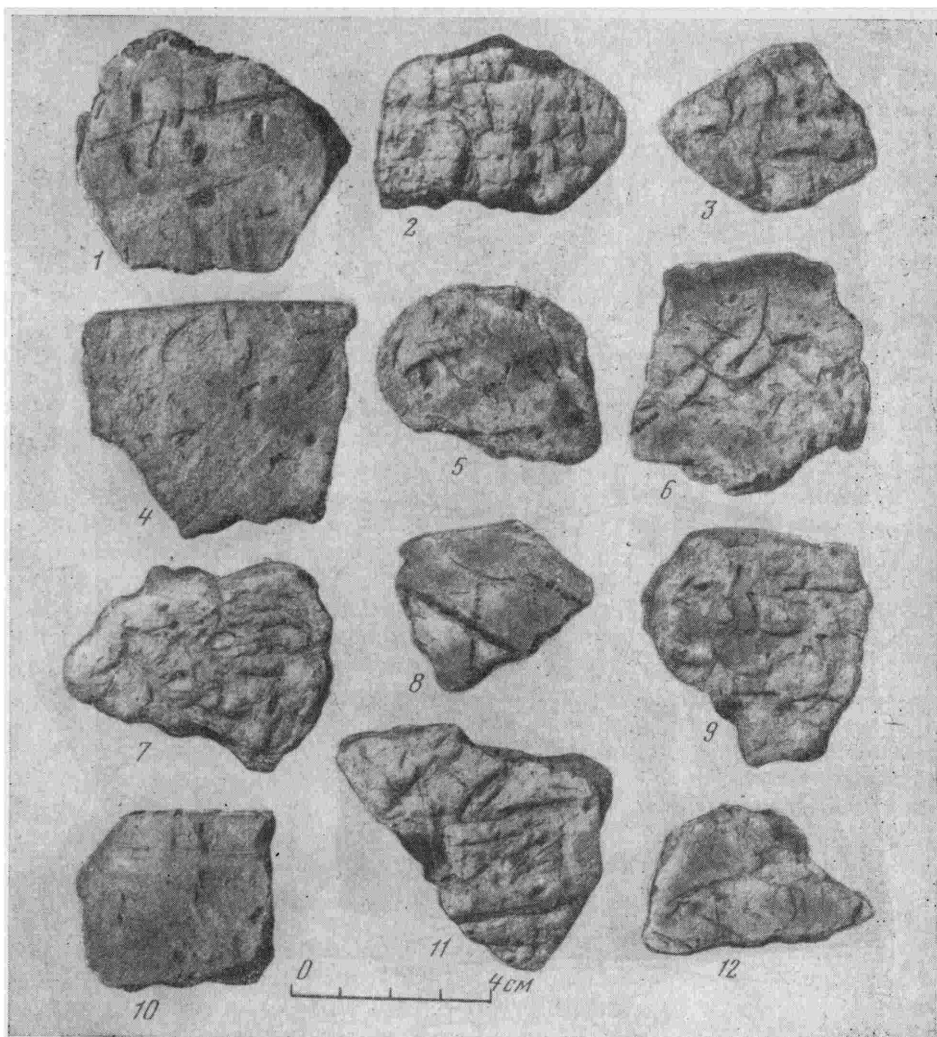

Рис. 2. Стоянка Старая Ясарка, керамика (1—12)

мергеля. Среди них имеются наконечники копий, скребки, ножи, ножевидные пластины.

Наконечники копий из кварцита имеют листовидную форму (рис. 3, 1, 4). Их размеры $9,5 \times 3,2$ и $? \times 5,1$ см. Один обработан двусторонней плоской ретушью по всей поверхности, второй — крутой ретушью с заломами. Оба наконечника были найдены в сломанном виде и склеены в процессе камеральной обработки. Кремневый наконечник копья имеет ромбовидную форму, обработан двусторонней плоской ретушью по всей поверхности. Его размеры $6,3 \times 3,2$ см (рис. 3, 15).

Два скребка из кварцита изготовлены из массивных подтреугольной формы отщепов и имеют округлый рабочий край, оформленный крутой

Материал	Скрепки	Скобели	Комбинированные орудия	Ножи	Ножевидные пластины	Наконечники копий	Отщепы с ретушью	Шлифовальные плитки	Обломки орудий
Кварцит	4		1	4	3	2	7	4	4
Кремень	1	1		2	2	1	2		

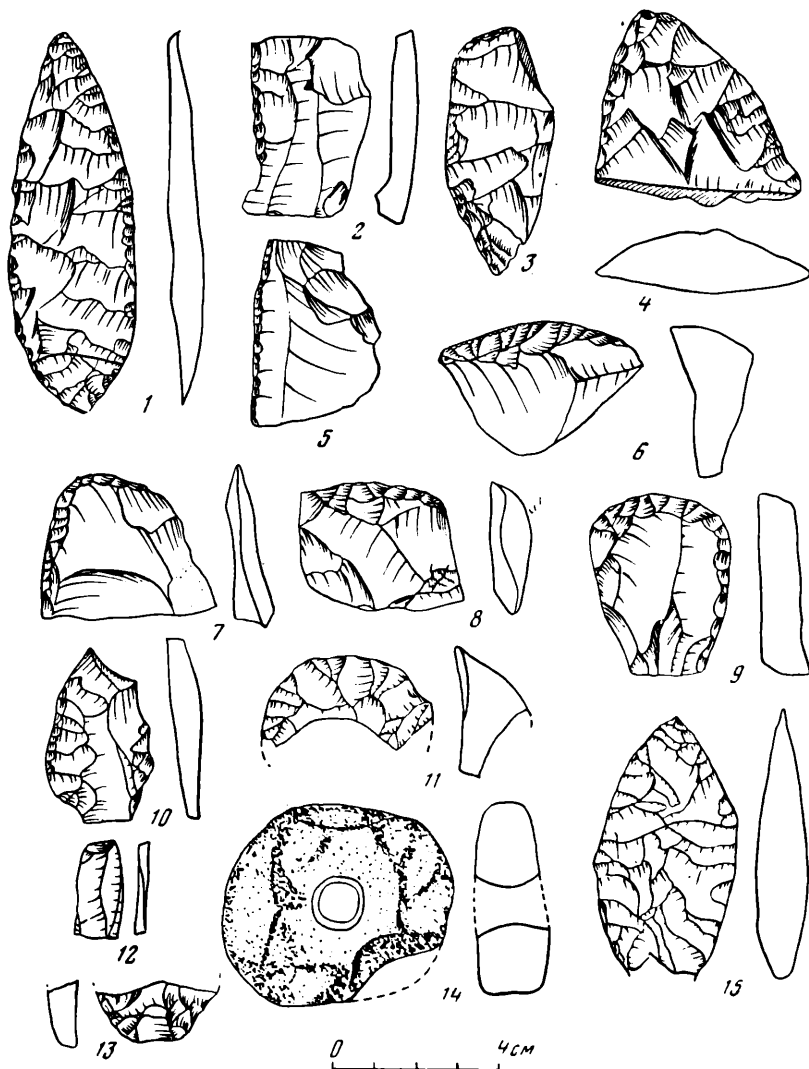

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Старая Яксарка

1—9, 13 — орудия из кварцита; 10—12, 15 — кремневые орудия; 14 — грузило из мергеля

плоской ретушью (рис. 3, 6). Их размеры $5 \times 3,2$ см. Два других скребка из кварцита оформлены на пластинчатых отщепах. У одного из них округлый рабочий край и затуплена крутой ретушью боковая сторона, рабочий край второго — на длинной стороне отщепа (рис. 3, 9, 8). Кремневый скребок изготовлен из отщепа и имеет круглый рабочий край, оформленный крутой плоской ретушью (рис. 3, 11). Один кварцевый скребок сочетается со скобелем (рис. 3, 7).

Пять ножей оформлены на пластинчатых отщепах и имеют ретушь по одному краю со спинки (рис. 3, 2, 5, 10). Один нож из кварцита ретуширован со спинки по всей поверхности, с брюшка — только по краю (рис. 3, 3).

Ножевидные пластины представлены в обломках и ретуши по краям не имеют. Их размеры колеблются от $4 \times 2,2$ до $1,5 \times 1$ см (рис. 3, 12).

Грузило из мергеля после предварительной обивки зашлифовано (рис. 3, 14). Сверление производилось с двух сторон. Размеры его $5,3 \times 5 \times 1,8$ см, диаметр сверлины 1,3 см на поверхности, 0,9 см внутри.

Для шлифовальных плиток, представленных обломками, использовался кварцит. Рабочая поверхность располагалась на одной или обеих сторонах.

Шлифованных орудий, кроме грузила, не обнаружено; возможно, это результат незначительной площади раскопа. Нет здесь также нуклеусов. По-видимому, на стоянке орудия изготовлялись из полуфабрикатов, заготовленных в другом месте. Следует отметить, что техника обработки кремневых и кварцитовых орудий одинакова, хотя последние выглядят несколько грубовато.

Описанное поселение было, вероятно, кратковременным, о чем свидетельствует небольшая мощность культурного слоя и бедность его находками, отсутствие долговременных и основательных очагов.

В материале, полученном при раскопках памятника, нет четких датированных признаков. Аналогичный каменный инвентарь широко распространен в эпоху бронзы в средней полосе европейской части СССР. Некоторые аналогии описанной керамике находятся в материалах памятников эпохи бронзы Среднего Поволжья: Сейминская дюнная, Паново городище. По общему облику каменного инвентаря и керамики стоянка Старая Яксарка с определенной долей вероятности может быть датирована серединой II тысячелетия до н. э.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Проблема формирования культуры сетчатой керамики в Восточной Европе уже много лет дискутируется на страницах археологических изданий. Еще А. А. Спицын, а позднее Б. С. Жуков выдвинули гипотезу, согласно которой культура сетчатой керамики возникла на основе ямочно-гребенчатого неолита¹. Постепенно эта гипотеза привлекла к себе большое количество сторонников. Ее позиции укрепились после исследований П. Н. Третьякова и Н. Н. Гуриной в Верхнем Поволжье и в Ленинградской обл., где было раскопано большое количество памятников переходного типа: Ворокса, нижние слои поселений у деревень Городище и Городок, Борань, Станок I и II, Щунга, Ватажка, Валгома, «Под Сопкой», Усть-Рыбежна II, Изсады и др. Кроме того, следует указать материалы поселений Ундва, Тамула, Лоона, Накамае и Ягала (поздний комплекс) в Эстонии, исследованных Л. Ю. Янитсом. На этих стоянках были найдены большие коллекции каменных орудий и сетчатая керамика, украшенная ямочно-гребенчатыми узорами. Сосуды имели яйцевидное дно, прямые стенки и венчик, слегка отогнутый наружу. Внешний вид этих сосудов близко напоминает изделия неолитических мастеров, причем в ряде случаев замечена имитация гребенкой сетчатого орнамента. На поселении Усть-Рыбежна II были обнаружены остатки двух округлых в плане полуземлянок диаметром 3,85 и 4 м, аналогичных постройкам на стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой.

Исследования довоенных и послевоенных лет выявили участие и иных этнокультурных образований в процессе формирования новой культуры. Археологи отмечали фатьяновские, поздняяковские, волосовские орнаментальные композиции на раннесетчатой керамике. В связи с этим была сформулирована точка зрения, согласно которой образование культуры сетчатой керамики связано с этнической интеграцией, происшедшей в лесной полосе европейской части СССР во второй половине II тысячелетия до н. э., что предполагает равнозначное участие носителей целого ряда археологических культур в образовании новой общности².

Однако волосовские традиции в виде отпечатков рамчатого штампа на сосудах с сетчатыми отрисками отмечены лишь на стоянке на оз. Тубос в поречье р. Мсты, некоторые поздняяковские и фатьяновские узоры

(треугольники из ямок с опущенными вниз вершинами, шнуровой орнамент) на сетчатой керамике известны только на верхневолжских поселениях: нижние слои городищ у сел Городища и Городок, стоянки Дикариха, на р. Вороксе и некоторые другие. Нам уже приходилось отмечать в связи с этим, что роль волосовцев, фатьяновцев, поздняяковцев в процессе образования культуры сетчатой керамики может рассматриваться не более как второстепенная, поскольку ограничивается передачей единичных орнаментальных мотивов на керамике на окраинах ареала ранних памятников этой культуры. Культура сетчатой керамики отличается от волосовских, фатьяновских, поздняяковских и т. п. древностей отсутствием могильников, украшений и оружия из металла, степенью развития металлургии, керамикой (форма сосудов, технология их изготовления и системы орнаментации) и, возможно, формой жилых построек (отсутствие четырехугольных полуземлянок). Таким образом, нам представляется, что гипотеза о формировании культуры сетчатой керамики на базе ямочно-гребенчатого неолита в настоящее время не может считаться поколебленной³.

Иногда приходится слышать возражения данной гипотезе, состоящие в том, что якобы между ямочно-гребенчатой и сетчатой керамикой имеется хронологический разрыв. Основанием для этого служат некоторые памятники Волго-Окского междуречья, где слои с ямочно-гребенчатой керамикой перекрываются горизонтами с волосовскими и поздняяковскими древностями, и лишь вслед за ними идут материалы, характеризующиеся наличием сетчатой керамики. По-видимому, эти возражения могут иметь место лишь для района Волго-Окского междуречья, поскольку к северу от Поволжья подобной чересполосицы не наблюдается. Стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой в Каргополье, на северо-западе европейской части СССР и в Прибалтике доживают вплоть до середины II тысячелетия до н. э. На этой территории нет памятников, свидетельствующих о хронологическом разрыве между ямочно-гребенчатой и сетчатой керамикой. Здесь обнаружены лишь отдельные волосовские стоянки и многие десятки поселений с ямочно-гребенчатой и сетчатой керамикой. В Ленинградской обл. памятников с материалами, чуждыми тем, что нас интересуют в данном случае, не обнаружено вовсе. Против существования хронологического разрыва между поселениями с ямочно-гребенчатой и сетчатой керамикой свидетельствует, как уже отмечалось, и наличие здесь памятников переходного типа, т. е. памятников, материалы которых, и в первую очередь керамика, носят черты и неолита, и эпохи палеометалла (Усть-Рыбежна II, Изсады, «Под Сопкой», Валгома и др.).

В связи с выказанными выше соображениями нельзя не затронуть сформулированную недавно в литературе гипотезу о возникновении сетчатой керамики на территории Латвии. Ее автор И. А. Лозе отмечала, что сетчатая керамика в Латвии генетически связана с сосудами аборского типа, которые представляют собой хронологическую модификацию местной традиции, корни которой — в керамике типа Пиестина и Оса⁴.

По мнению И. А. Лозе, развитие неолитических и эпохи раннего металла культур на территории Латвии шло следующим образом. Первоначально были известны памятники типа Оса, на основе которых сформировались древности, характеризующиеся стоянками типа Пиестина. Их материалы представлены орудиями труда из кости и, в меньшей степени, из камня. Керамика лепилась от руки из глины с примесью толченой раковины. Орнаментация древнейших керамических комплексов (Оса) бедная и представляет собой узоры из оттисков гребенки, сочетавшихся с редкими нарезными мотивами. Известны и геометрические композиции. Позже (Пиестина) технология изготовления керамики остается прежней, но усложняется ее орнаментация: гребенчатые и нарезные композиции сочетаются с рядами ямок, увеличивается значение геометрических узоров и т. п. В этот же период в Латвии появляются стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, обитатели которых, с точки зрения И. А. Лозе, не сыграли заметной роли в древней истории Латвии.

В дальнейшем на основе керамики типа Пиестина складывается аборский керамический комплекс, сближаемый с предшествующими ему материалами технологией изготовления сосудов, но отличающийся формой и орнаментальными мотивами, среди которых отмечаются отриски шнура, прочерченные линии, нарезки, ямки, кружки. На основе этого керамического комплекса и складывается сетчатая (текстильная) керамика и керамика «со сплошь покрывающими ее отрисками шнура», технология изготовления которой аналогична аборской. Шнуровая керамика с иной технологией изготовления рассматривается И. А. Лозе отдельно, как пришлая, чуждая перечисленным выше древностям.

Данная гипотеза не может не привлечь внимания. Однако вряд ли правильно придавать особое значение технологии изготовления керамики при определении этнокультурной принадлежности того или другого памятника. Примеси к глиняному тесту, аналогичные комплексам Оса, Пиестина и Абора, применялись и при изготовлении ямочно-гребенчатой керамики. Действительно, нельзя забывать, что в Прибалтике известны не один, а два хронологически различающихся комплекса ямочно-гребенчатой керамики — с примесью дресвы и с добавлением толченой раковины, причем последний является более поздним, что удается проследить по материалам стоянки Сарнате в Латвии и целому ряду поселений с территории Эстонии, где подобная керамика доживает до середины II тысячелетия до н. э.,⁵ т. е. до того времени, когда стоянки типа Пиестина уже не существовали.

Ямочно-гребенчатая керамика в восточной Прибалтике появилась скорее всего в IV—начале III тысячелетия до н. э. Она представлена серией фрагментов сосудов, изготовленных из глины с примесью дресвы, на стоянке Ягала в Эстонии (раннеолитический комплекс)⁶. Позднее традиционная технология изготовления ямочно-гребенчатой керамики в Прибалтике сохранилась, но ее орнаментация была значительно усложнена: кроме простейших сочетаний ямок и штампа, здесь появились сложные геометрические фигуры — ромбы, треугольники, всевозможные зигзаги, композиции из прочерченных линий и т. д.

Где-то в конце III тысячелетия до н. э. происходят изменения в изготовлении глиняного теста при лепке сосудов: вместо дресвы в качестве примеси используется размельченная раковина. Ямочно-гребенчатая керамика в Прибалтике существовала и в волосовское время, доказательством чему служат радиоуглеродные даты (позднейшие из них относятся к середине II тысячелетия до н. э. — Тамула, Вилла)⁷ и некоторые отзвуки влияния древних волосовцев — появление на ямочно-гребенчатой керамике отрисков рамчатого штампа, Т-образных венчиков сосудов и т. п.⁸

В это время население, изготавливавшее керамику типа Пиестина, исчезло (судя по датам C^{14} , это произошло во второй половине II тысячелетия до н. э.)⁹. Как же дальше развивались события?

Согласно радиоуглеродным датам, на рубеже первой и второй четвертей II тысячелетия до н. э. на территории Латвии появились памятники типа Абора¹⁰. Керамика с этих стоянок изготавливалась из глины с примесью толченой раковины. Она украшалась отрисками шнура, нарезками, кружками и ямками, расположенными, как правило, в верхней части сосуда. Сосуды имели плоские и округлые днища, прямые и S-образные венчики, выпуклые стенки. Эту керамику трудно связать с фрагментами сосудов стоянок Пиестина. Общим здесь являются примеси в глиняном тесте. Форма сосудов и орнаментальные композиции иные. Не следует забывать и о значительном хронологическом разрыве. Мы не беремся судить в настоящее время, как образовался керамический комплекс Абора. Скорее всего, этот вопрос следует решать в связи с появлением в Прибалтике культуры шнуровой керамики, с сосудами которой серию из Абора роднит сходная форма горшков, узоры из отрисков шнура и нарезок.

Интересны и скорченные погребения из могильника Абора, что очень напоминает обряд захоронения у племен — носителей культуры шнуровой керамики. Однако полнее осветить эту проблему сейчас затруднительно.

Неясна и дальнейшая судьба древностей типа Абора. И. А. Лозе предполагает, что они лежат в основе культуры сетчатой керамики. Эта гипотеза еще ждет серьезного обоснования, поскольку керамику типа Абора и раннесетчатую роднят главным образом одинаковые примеси к глиняному тесту, а также некоторые одинаковые элементы, заимствованные у культуры шнуровой керамики. Сетчатая керамика на стоянках Латвии лежит стратиграфически выше керамики типа Абора, т. е. относится к иному времени¹¹.

Не исключено, что искать истоки культуры сетчатой керамики следует в иных комплексах, в тех, где в одно и то же время сосуществовали бы элементы, из которых вырастает сетчатая керамика, и сама сетчатая керамика. Чрезвычайный интерес в данном случае представляют материалы стоянки Лагажа в Лубанской низменности¹². При ее раскопках была получена коллекция керамики, которую, как нам представляется, можно подразделить на два основных хронологических комплекса. Первый из них (рис. 1, 1—8; 2, 1—3) характеризуется сосудами с прямыми стенками, прямыми или отогнутыми венчиками, округлыми днищами и изготовленными из глины с примесью дресвы. Украшениями служили мотивы из оттисков гребенки (зигзаги, ряды коротких наклонно нанесенных отпечатков), нарезок (пересекающиеся линии, горизонтальные ряды, зигзаги) и ямок (горизонтальные ряды). Другими словами, перед нами обычная керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, аналогии которой можно найти на десятках поселений северо-запада СССР.

Второй комплекс (рис. 1, 9—19; 2, 4—8) включает фрагменты плоскодонных сосудов с прямыми и отогнутыми наружу венчиками, украшенными не только ямочно-гребенчато-нарезными узорами, но и оттисками шнура и сетчатыми отпечатками. По-видимому, второй комплекс керамики является более поздним. Это также ямочно-гребенчатая керамика, но относящаяся к финальной поре развития, ко времени, когда ее орнаментация крайне упростилась. Аналогичные комплексы мы находим на целом ряде поселений II тысячелетия до н. э. (Усть-Рыбежна II, Изсады, Валгома, Тамула и др.), керамика которых также украшалась упрощенными ямочно-гребенчатыми узорами. Так же как на стоянке Лагажа, ямочно-гребенчатая орнаментация на керамике перечисленных поселений сочетается с сетчатой. Это серьезный довод в пользу единства второго комплекса керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией и сетчатыми отпечатками стоянки Лагажа.

Наличие здесь фрагментов с оттисками шнура также не случайно. Знакомство с керамическими комплексами поселений типа Вороксы, у сел Городища и Городок на Волге, где ямочно-гребенчатая керамика с сетчатыми оттисками украшалась и некоторыми фатьяновско-поздняяковскими узорами (в частности, шнуrowыми), позволяет полагать, что и на стоянках типа Лагажа в Прибалтике фрагменты, украшенные отпечатками шнура, вряд ли стоит отчленять от общего керамического комплекса с раковинной примесью. Оттиски шнура здесь — отзвук влияния культуры шнуровой керамики на местную традицию в изготовлении и украшении посуды. Подобные факты (совместное залегание в одних горизонтах финальной, ямочно-гребенчатой керамики, а также сетчатой и с оттисками шнура) на материалах Эстонии в свое время отмечал Л. Ю. Янитс¹³.

Таким образом, нам представляется, что второй комплекс керамики со стоянки Лагажа отражает зарождение сетчатой орнаментации на ямочно-гребенчатой посуде, усложненное инфильтрацией некоторых особенностей, присущих культуре шнуровой керамики.

Рис. 1. Керамика поселения Лагажа

1—8 — с примесью дровы; 9—19 — с примесью толченой раковины

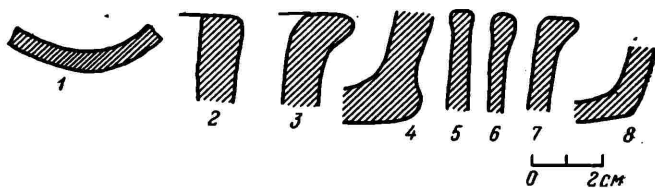

Рис. 2. Профили сосудов со стоянки Лагажа

1—3 — ранний комплекс;
4—8 — поздний комплекс

По-видимому, материалы поселения Лагажа наиболее верно отражают процесс формирования культуры сетчатой керамики в Лубанской низменности. Можно предположить, что подобные явления происходили по всей территории Латвии. Эта культура не связана с местным неолитом типа Оса—Пиестина. Ее формирование трудно объяснить и какой бы то ни было трансформацией культуры Абора, истоки которой и дальнейшие судьбы вряд ли могут считаться до конца выясненными. Сетчатая керамика возникла, скорее всего, на основе пришлого для Латвии ямочно-гребенчатого неолита, материалы которого претерпели ряд хронологических изменений. Кроме того, процесс был осложнен влиянием культуры шнуровой керамики.

История сложения сетчатой керамики на территории Латвии аналогична тому, что наблюдается в других районах лесной полосы европейской части СССР. Везде она формируется на базе ямочно-гребенчатого неолита, испытывая некоторое влияние тех или иных культур в различных областях этой огромной территории.

- ¹ *Спицын А. А.* Последний период каменного века в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, СПб., 1903, т. V, вып. 1; *Жуков Б. С.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. — *Этнография*, 1929, № 1.
- ² *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966, с. 125—144; *Бадер О. Н.* Культура с текстильной керамикой в Северо-Восточной Европе. — СА, 1966, № 2; *Он же.* У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе. — В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966; *Он же.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 74—79.
- ³ *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972, с. 128—129; *Он же.* Соотношение поздняяковских памятников и культуры сетчатой керамики. — КСИА, 1975, вып. 142.
- ⁴ *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза восточной Латвии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972, с. 19—21; *Loze I.* Petijums par bedstu kemmes keramikas kulturu PSPS Eiropas dalas mezu joslā. — Изв. АН ЛатвССР, 1975, № 2 (331), с. 137—140; *Ванкина Л. В., Загорский Ф. А., Лозе И. А.* Неолитические племена Латвии. — МИА, 1973, № 172, с. 210—217.
- ⁵ *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970, с. 120—124; *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустьях р. Эмайгы. Таллин. 1959, с. 135—138, 290—291; *Он же.* Неолитические памятники Эстонии и их хронология. — МИА, 1973, № 172, с. 205—206.
- ⁶ Фонды Исторического музея в Таллине.
- ⁷ *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 60.
- ⁸ *Третьяков В. П., Григорьев Г. П.* Некоторые вопросы неолита Прибалтики. — СА, 1968, № 4, с. 274—275.
- ⁹ *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология... , с. 60.
- ¹⁰ Там же. Фонды Института истории АН ЛатвССР.
- ¹¹ *Лозе И. А.* Поздний неолит... , с. 20.
- ¹² *Лозе И. А.* Стоянка Лагажа. — Изв. АН ЛатвССР, 1972, № 6; Фонды Института истории АН ЛатвССР.
- ¹³ *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита... , с. 32—53, 72—77.

М. Р. ПОЛЕСКИХ

АЛФЕРЬЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В 1972 г. в зоне затопления Сурского водохранилища (Пензенская обл., Пензенский район) отрядом Сурской экспедиции Института археологии АН СССР было раскопано Алферьевское поселение на площади 1364 кв. м¹.

Площадка селища — часть надлуговой террасы, выступающая в виде узкого и длинного мыса вдоль левого берега р. Суры. С речной стороны

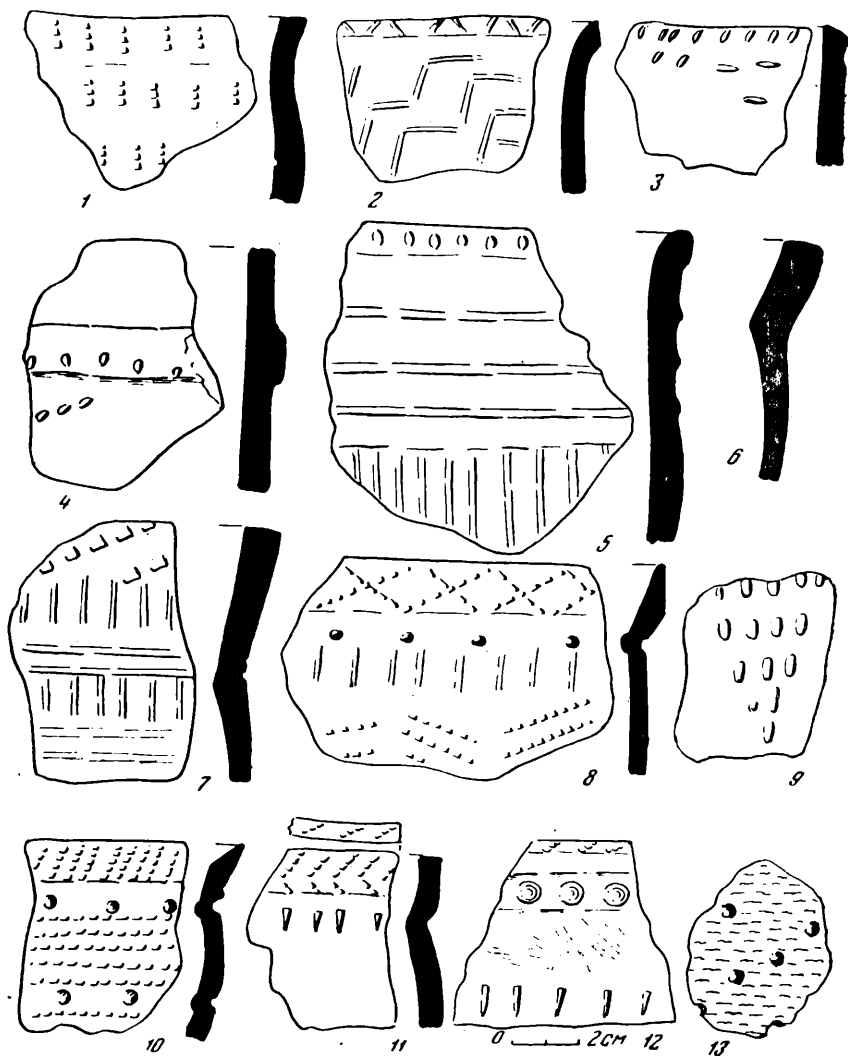

Рис. 1. Керамика с поселений
1—11, 13 — Алферьевское; 12 — «Красное Знамя»

площадка имеет крутой склон высотой 3,5 м, с противоположной ограничена по всей длине древней промоиной, ныне луговиной.

Хотя площадка сохранилась от разрушения весенними паводками Суры, все же культурный слой подвергся размыву, вследствие чего из суглинистого с подзолом почвенного слоя были вымыты легкие культурные остатки. Это подтверждается находками окатанных водой черепков, отсутствием гумуса. Воздействие размыва предопределило смещение культурных остатков.

Слой с находками залегает тотчас под дерновым покровом до глубины 35—40 см. Подстилающий слой — глина.

Материалы поселения в своей основной части относятся к срубной культуре развитой и отчасти поздней поры. Вместе с тем отчетливо выделяются керамические комплексы абашевской и поздняяковской культуры, а также культуры раннего железного века в ее начальном варианте.

Из общего числа первобытной керамики на долю срубной приходится 91,3%, поздняяковской — 5,3, абашевской — 0,4, раннего железного века — 3%. Стратиграфически разнородная керамика не разделяется, верхний пласт содержит 90% керамики, второй и начало третьего — 10%.

Черепки срубной культуры принадлежат баночным, единичные — ос-

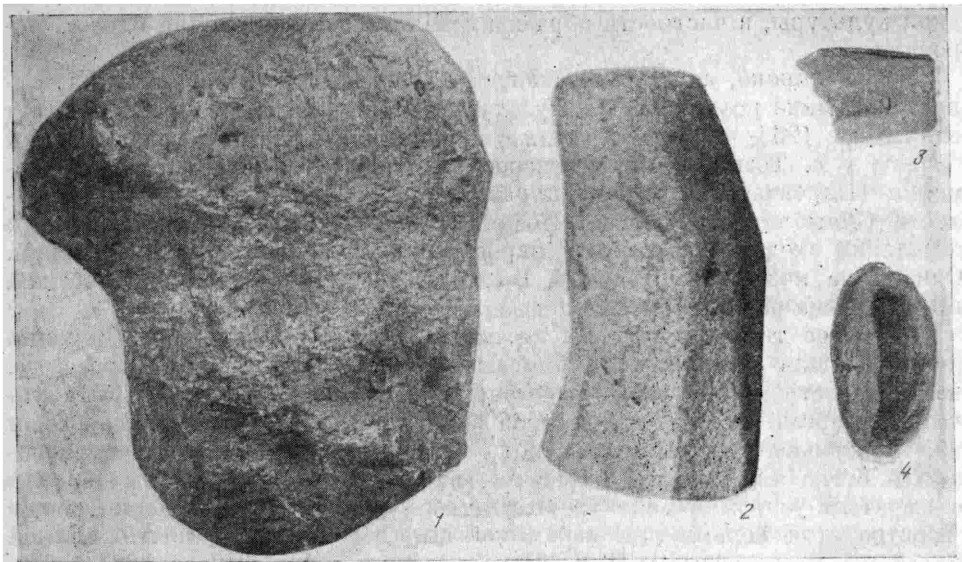

Рис. 2. Находки с Алферьевского поселения (1—4)

трореберным сосудам с прямым или отогнутым, иногда волнообразным краем, горшкам. Поверхности гладкие, в иных случаях — со штриховой зачисткой изнутри. Примесями к хорошо промешанному тесту служили песок, шамот, редко дресва и в отдельных случаях ракушка. Большая часть керамики орнаментирована, меньшая — гладкостенна. Всю орнаментку можно разделить на три-четыре группы — зубчатый, прочерченный, ямчатый узоры (рис. 1, 1—4), реже — комбинированный. Применялись гребенчатые оттиски в форме зигзагов, трех-четырёхзубчатый штамп; всюду преобладает мелкозубчатость. Среди прочерченных узоров выделяются: венчик с меандрами, крестовидный, веерообразный и др. (рис. 1, 2). В двух случаях есть орнаментация широким налипным валиком (рис. 1, 4), в одном случае венчик узкий, оттянутый, с ямчатым узором. Узоры из углублений разнообразны и по форме, и по сочетаниям.

Вместе со срубной керамикой найдено много пестов-терочников, массивная мотыга или молот из кварцита (рис. 2, 1). Оригинален пест — это использованный топор с незавершенной обработкой (сверлины) и, очевидно, обломанным лезвием (рис. 2, 2). К данному же комплексу следует отнести обломки литейных формочек, льячек, тигельки (рис. 2, 3—4).

Срубная керамика вполне аналогична керамике срубных поселений правобережья средней Волги и сопредельных территорий, но ближе керамике многих срубных поселений долины р. Узы (левый приток верхней Суры), раскопанных в последние годы Б. Г. Тихоновым².

Небольшим количеством керамики представлена на Алферьевском поселении абашевская культура. Характерные черты этой керамики — хорошо выглаженные поверхности; примеси — мелкий песок, редко шамот. Верх сосудов часто массивен, есть внутреннее ребро, горизонтальная желобчатость по верхней части сосуда, иногда мелкие ямки и параллельные бороздки (рис. 1, 5, 6). Встречено несколько черепков, сочетающих черты абашевской и срубной керамики (рис. 1, 7). Это неединственный случай обнаружения абашевской керамики в пределах Пензенской обл. Теперь здесь известны не только находки отдельных абашевских вещей (окрестности Пензы, Озименки Наровчатского района и др.), но и поселения, например Барковка, Красный Восток, Куракино III³. Все они с Алферьевским входят в выделенную А. Д. Пряхиным группу поселений Средневолжской абашевской культуры⁴. Надо еще прибавить, что алферьевская керамика во многом напоминает керамику донской абашев-

ской культуры, в частности образцы с Шиловского поселения близ г. Воронежа⁵.

Более широко, чем абашевская, в Алферьевском поселении представлена керамика поздняяковской культуры. Памятники этой культуры были открыты в 1963—1964 гг. в связи с нашими раскопками поселений эпохи бронзы у с. Тезиково-Михайловское, пос. Красный Восток, дюны Озименки (Наровчатский район) и разведками селищ на северо-западе области (Земетчинский район). Поздняяковская керамика с Алферьевского поселения сходна с керамикой наровчатских и земетчинских поселений. Однако на поселении Красный Восток более ярко, чем поздняяковская, представлена ранняя текстильная керамика⁶.

Наиболее типичны следующие особенности этой керамики. Черепки имеют гладкие поверхности, примеси — песок, шамот. Венчики отогнуты, часто приострены или плоско срезаны. Их внешняя сторона покрыта зубчатым узором. Шейка сосуда слабо выявлена, по ней и ниже идет один или несколько рядов ямок разной, чаще круглой формы, перемежающихся оттисками зубчатого штампа (рис. 1, 8—11). Встречены черепки с ямчатым узором в виде треугольников (рис. 1, 9). Бесспорно общее сходство этой керамики с керамикой многих поселений поздняяковской культуры, исследованных Т. Б. Поповой, в особенности поселений в бассейне Цны⁷.

Нет в Алферьевском поселении только орнаментации выпуклинками. Но она есть во всех упомянутых выше наровчатских и земетчинских местонахождениях, полностью сохранивших в керамике общие черты с алферьевской (рис. 1, 12).

К настоящему времени в Пензенской обл. разведан целый ряд поселений (северо-запад: Новая Пятина, Земетчинские, Наровчатские; юго-восток: Кададинские, Пензенские), относящихся к поздняяковской культуре или содержащих ее признаки. Сюда же надо присоединить поздняяковские поселения, открытые в последнее время в Мордовии (с. Аким-Сергеевка Zubово-Полянского района)⁸. Керамический материал с этих поселений аналогичен поздняяковской керамике с пензенских местонахождений. Поэтому есть основания для утверждения, что Верхнее Посурье и Примокшанье входят в зону поздняяковских памятников. Возможно, со временем здесь удастся выделить локальный вариант данной культуры.

Кроме керамики эпохи бронзы, на Алферьевском селище в небольшом числе встречена керамика с текстильными отпечатками (рис. 1, 13). Не исключено, что эта керамика имеет отношение к поздняяковской культуре на той стадии развития, когда, как полагают исследователи, на базе этой культуры складывается городецко-дьяковская культура⁹.

¹ В основу статьи лег доклад автора на секции энеолита и бронзы пленума Института археологии АН СССР в Самарканде в 1973 г.

² *Пряхин А. Д., Тихонов Б. Г.* Работы в зоне строительства Сурского водохранилища. — АО 1971 г. М., 1972, с. 76, 77; *Тихонов Б. Г., Полесский М. Р.* Работы Сурской экспедиции. — АО 1972 г. М., 1973, с. 94, 95.

³ *Пряхин А. Д.* Барковское поселение под г. Пензой. — АО 1972 г. М., 1973, с. 82; *Полесский М. Р.* Отчет о раскопках за 1968 г. — Архив ИА АН СССР, 1969 г.

⁴ *Пряхин А. Д.* Абашевские поселения в Поволжье. — В кн.: Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание: Тезисы. Казань, 1974, с. 15.

⁵ *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1974, с. 60, 61.

⁶ *Полесский М. Р.* Отчет о раскопках в 1964 г. — Архив ИА АН СССР, 1965 г.; *Трегьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966, с. 138.

⁷ *Попова Т. Б.* Племена поздняяковской культуры: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970, с. 171—173.

⁸ *Шитов В. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Мордовской АССР в 1970 г. — Архив АН СССР, 1971 г.

⁹ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 376.

ДРЕВНЕЯМНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КРУТОЯРОВСКИХ КУРГАНОВ

На правом коренном берегу р. Большой Караман, напротив села Крутоярровка Советского района Саратовской обл., расположена курганная группа, насчитывающая около трех десятков насыпей. В 1969 и 1971 гг. в этой группе исследовано 22 кургана, которые в основном содержали погребения сарматской культуры, однако девять погребений относились к эпохе ранней бронзы.

Курган 7. Насыпь кургана полушарной формы. Диаметр ее 19 м, высота 1 м. Под насыпью обнаружено пять погребений, из которых 1 и 5 относятся к сарматской культуре, остальные — к древнеямной.

В центральной части кургана обнаружена большая грунтовая неглубокая яма подквадратной формы, размерами 2,00×2,10—2,40 м и глубиной в грунте 0,80 м. Западная стенка нарушена могилой впускного погребения 4. В засыпке ямы встречены два маленьких черепка от лепного грубого глиняного сосуда. В изломе черепки черные, с примесью толченой ракушки. Наружная поверхность черепков серо-коричневого цвета, с полосами сглаживания мелкой гребенкой, внутренняя поверхность черная. В отвале земли около могилы найден круглый в плане усеченно-конической формы скребок из белого кремня, один край которого подправлен ретушью, и кремневый отщеп бело-кремового цвета (рис. 1, 2, 3).

Погребение 2 находилось в северо-восточном углу ямы. Костяк взрослого человека лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Кости ног отсутствовали, будучи срезанными впускным погребением 4. Сохранилась лишь бедренная кость правой ноги. Кость сдвинута к северной стенке, что произошло при устройстве впускного захоронения, так что первоначальное положение ног погребенного было вытянутым. Ориентирован костяк черепом на восток (рис. 1, 1). На правой лопатке и крестцовой кости найдены кремневый и кварцитовый отщепы (рис. 1, 4, 5).

Погребение 3 было расположено в юго-восточном углу ямы, почти параллельно предыдущему. Костяк взрослого человека лежал на спине, в вытянутом положении, черепом на восток (рис. 1, 1). Череп был слегка повернут влево к плечу. Руки лежали вдоль туловища, причем правая рука несколько согнута в локте наружу, а левая, наоборот, — внутрь. Левая нога была вытянута, а правая полностью срезана впускным погребением 4. Вещей не обнаружено.

Погребение 4 врезалось в яму предыдущих захоронений вплоть до ее дна. Могила, судя по выступающей за стенку выемке, имела овальную форму и длину 1,20 м. Погребенный лежал на спине, в скорченной позе, с согнутыми в коленях ногами, упавшими затем влево. Левая рука слабо согнута в локте, кисть — у таза. Правая рука согнута в локте под прямым углом, локтевые кости — на животе, кисть — на кисти левой руки. Погребенный был ориентирован головой на северо-восток (рис. 1, 1). За головой находилась кучка красной краски. Слева от костяка между грудной клеткой и локтевым сочленением левой руки найдены пять хорошо изготовленных и заполированных костяных бусин-нарезок и шесть костяных пронизок, украшенных по всей длине круговыми прочерченными линиями (реберчатые) (рис. 1, 6, 7). Около локтя левой руки находилась кость барана.

Курган 11. Насыпь кургана полушарной формы, диаметр ее 21 м, высота 1 м. Расположен курган в центре группы. Под насыпью открыто три погребения: основное (3) — ямное, два других — сарматские.

Погребение 3 было расположено в центре кургана. Над могилой находился слой золы. В засыпке могильной ямы встречались зола и куски

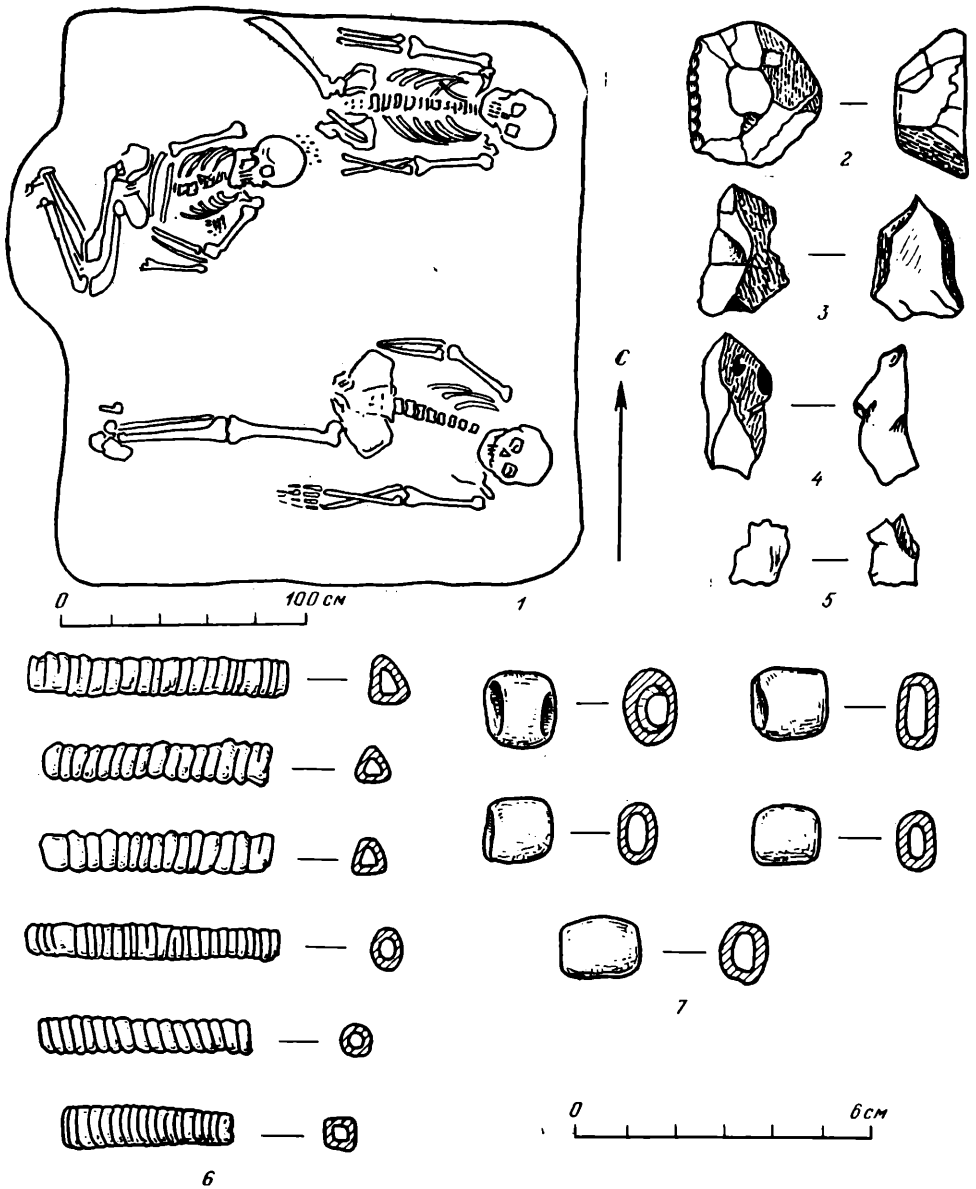

Рис. 1. Планы погребений и вещи из кургана 7

1 — план погребений 2, 3, 4; 2, 3 — кремневые скребок и отщеп из засыпки могилы; 4, 5 — кремневый и кварцитовый отщепы из погребения 2; 6, 7 — костяные бусы и пронизы из погребения 4

толстых плах от перекрытия. Могила имела овальную форму, длину 1,90 м, ширину 1,40 м и глубину в грунте 1,60 м. На дне ее лежал костяк взрослого человека на спине, в скорченной позе, черепом на север (рис. 2, 1). Правая рука была согнута в локте и кистью положена на тазовые кости. Левая рука согнута в локте и локтевыми костями откинута в восточную сторону к стенке. Ноги погребенного были сильно согнуты в коленях и позднее упали влево.

Рядом с левой рукой, частично прикрывая локтевые кости, лежали кости задних ног, таза и альчики коровы. Никаких вещей при погребенном не оказалось.

Курган 12. Расположен в восточном конце группы. Высота его 0,50 м, диаметр 10 м. Под насыпью исследовано три захоронения. Основное погребение 1 относится к ямной культуре, погребения 2 и 3 сарматские.

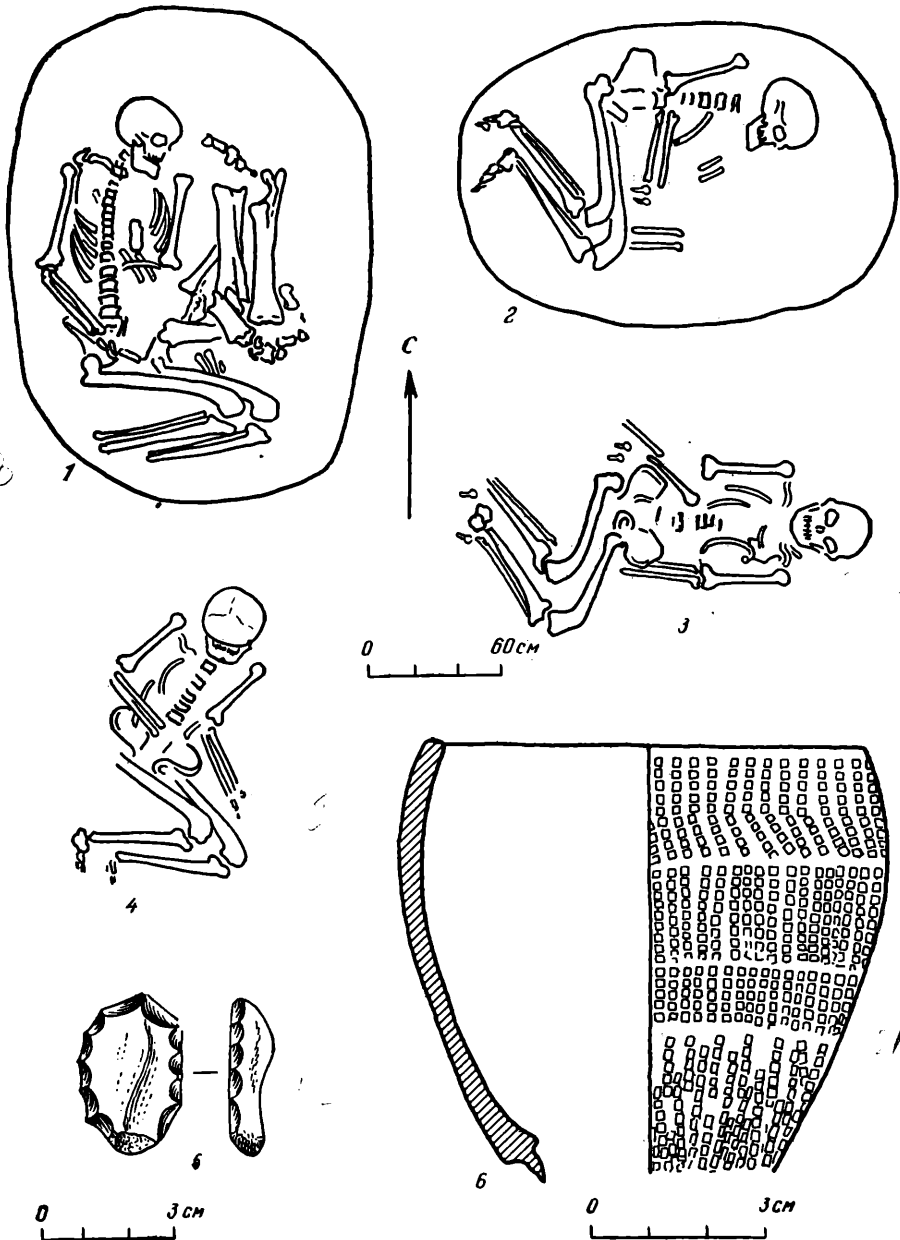

Рис. 2. Планы погребений и вещи из курганов

1 — курган 11, погребение 3; 2 — курган 19, погребение 2; 3 — курган 21, погребение 6; 4 — курган 21, погребение 5; 5 — кремневый скребок из погребения 1 кургана 12; 6 — глиняный сосуд из погребения 9 кургана 21

Погребение 1 находилось в центре кургана. От могильной ямы, имевшей овальную форму, сохранилась примерно половина (0,50 м), остальная часть срезана впускным сарматским погребением 2. Ширина могилы 0,60 м, глубина в грунте 1 м. Ориентирована яма по линии северо-восток — юго-запад.

В сохранившейся части могилы на дне обнаружены в естественном сочленении согнутые под острым углом коленям влево кости ног — бедренные и берцовые. Судя по их положению, погребенный лежал головой на северо-восток. У северной стенки найден кварцитовый скребок серого цвета (рис. 2, 5).

Курган 19. Полушарная насыпь имела диаметр 18 м и высоту 0,25 м. Под насыпью обнаружены два погребения, одно из которых среднесарматского времени.

Погребение 2 находилось севернее первого и частично перекрывалось юго-восточным его углом. В засыпке могилы встречались многочисленные мелкие куски перегнившего поперечного деревянного перекрытия. Яма имела овальную форму, длину 1,60 м, ширину 1,40 м, глубину в грунте 1,20 м.

На дне ямы, в северо-западной части, лежал в скорченной позе, на спине, слегка завалившись на левый бок, костяк взрослого человека, ориентированного черепом на восток (рис. 2, 2). Ноги погребенного были согнуты в коленях и позднее упали влево. Правая рука, согнутая в локте, локтевыми костями лежала поперек живота, левая, тоже согнутая, — локтем наружу, кисть ее находилась у голени левой ноги. Кости плохо сохранились. На дне прослеживался тлен от подстилки. Вещей при погребенном не было.

Курган 21. Диаметр насыпи 38 м, высота 1,90 м. Вокруг насыпи заметны следы совершенно заплывшего рва. Четыре из десяти исследованных в кургане погребений относятся к эпохе бронзы.

Погребение 5 находилось на древнем горизонте. Костяк взрослого человека лежал на спине, в скорченном положении, черепом на северо-восток (рис. 2, 4). Череп перевернут грызунами затылком кверху. Ноги были согнуты в коленях и упали влево. Кисть правой руки, согнутой в локте, находилась на левой тазовой кости. Левая рука, тоже согнутая в локте, была откинута в сторону и касалась кистью голени левой ноги. Вокруг костяка найдено несколько угольков. Вещей не было.

Погребение 6 было расположено на уровне древнего горизонта. Костяк взрослого человека лежал на спине, в скорченной позе, с согнутыми и упавшими влево ногами, черепом на восток (рис. 2, 3). Руки были вытянуты вдоль туловища. Скелет сильно потревожен грызунами: отсутствовали почти все ребра и многие позвонки, а лучевая и локтевая кости правой руки сдвинуты с места.

Земля вокруг костяка и сами кости были густо посыпаны красной краской. Вещей при погребенном не было.

Погребение 9 являлось основным и находилось в центральной части кургана в яме прямоугольной формы со слегка закругленными углами. Длинными сторонами яма была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Длина ямы 1,60 м, ширина 0,95 м, глубина в грунте 1,20 м. В засыпке встречены угольки, крупницы мела, а также почти все кости человеческого скелета, сосредоточенные в северо-восточном конце ямы. На дне обнаружены длинная кость ноги (в центре) и черепная крышка (в северном углу), а также остатки горшка и створки раковины беззубки.

Глиняный сосуд сохранился неполностью. Поверхность снаружи серо-коричневая, с темными пятнами. Черепок в изломе черный, с примесью толченой ракушки. Снаружи сосуд от венчика до дна орнаментирован полосами мелкозубчатого штампа. Диаметр венчика сосуда приблизительно 13,5 см, высота сохранившейся части боковины 13 см (рис. 2, 6).

Дно могилы было посыпано мелом и красной краской. Погребение разрушено. В северо-восточном конце могильной ямы прослеживался грабительский лаз.

Все исследованные в курганах у с. Крутояровка древнейшие погребения можно разделить на две хронологически близкие группы:

1. В прямоугольных ямах, в которых погребенные лежали в вытянутой позе, на спине, с протянутыми вдоль туловища руками. Ориентировка костяков восточная и северо-восточная. Красная краска, мел, уголь встречены только в погребении 9 кургана 21.

2. В овальных ямах, имевших деревянное перекрытие. Погребенные лежали в скорченной позе, на спине, с ногами, согнутыми в коленях и позже упавшими влево. Руки были согнуты и кистями покоились на жи-

воте, тазе, голенях или одна из них была откинута к стенке. Ориентировка преимущественно северо-восточная, но встречалась также восточная и северная. В некоторых могилах наблюдалось наличие золы или за головой погребенного посыпка красной краской. В двух могилах сохранились костные остатки заупокойной пищи (баран, корова).

Два погребения 5 и 6 кургана 21 были впускными на уровне древнего горизонта (рис. 2, 4, 3).

Погребения в прямоугольных ямах являлись в курганах основными. Впускные древнеямные погребения в этих курганах были совершены в овальных ямах. В кургане 7 погребение 4 в овальной яме частично разрушило захоронение в прямоугольной яме (рис. 1, 1). В курганах, где погребения в овальных ямах являлись основными, как правило, никаких впускных погребений древнеямной культуры не имелось.

В позднеямное время не столь широко практиковался обычай посыпки погребения красной краской. Только этим можно объяснить что в крутояровских погребениях красная краска встречена лишь трижды. Редки и случаи засыпки в могилу угольков и золы.

Могильный инвентарь погребения довольно беден и представлен глиняным сосудом, поделками из кремня, костяными украшениями.

Небольшой сосуд из погребения 9 кургана 21 сохранился неполностью (рис. 2, 6). Он вылеплен от руки и имеет баночную форму со слегка выпуклыми стенками и прямо срезанным венчиком. Дно сосуда не сохранилось и по остаткам закругления перехода стенки к дну трудно выяснить, было ли дно уплощенно-округлое или плоское. Такой формы сосуда известны в позднеямных погребениях Ровенских, Бережновских, Калиновских и других курганов¹. Они типологически сближаются с полтавкинской керамикой. На крутояровском сосуде несколько необычна сплошная от венчика до дна орнаментация вертикальными линиями мелкозубчатого штампа. Аналогичный орнамент на древнеямных сосудах нам неизвестен, но он широко в различных вариациях встречается на сосудах последующей полтавкинской культуры, что указывает на определенную преемственность керамической традиции.

Поделки из камня представлены кремневыми скребками с подретушировкой по краю, отщепами и сколами. Кремневый инвентарь микролитического облика известен в погребениях древнеямной культуры почти на всех этапах ее развития. Особенно близкими аналогиями крутояровским находкам являются кремневые изделия из позднеямных погребений, в частности из погребения 5 кургана 9 Второго Бережновского могильника².

Украшения составляют костяные бусы — нарезки и пронизки с поперечно-рубчатой поверхностью, обнаруженные в кургане 7, погребении 4. Бусы-нарезки (рис. 1, 7) имеют подквадратную форму, овальное сечение и большое отверстие. Их длина колеблется в пределах 10—15 мм, ширина 15 мм. Пронизы изготовлены тоже из трубчатых костей, имеющих в сечении округлую, подтреугольную и даже подквадратную форму. Длина предметов 34—53 мм, поперечное сечение 5—7 мм (рис. 1, 6). Аналогичные украшения встречаются не только в поздних памятниках древнеямной, но и в погребениях полтавкинской и катакомбной культур³. В древнеямных погребениях они известны на территории Украины (Никопольское курганное поле, курганы Мелитопольщины и Днепропетровщины)⁴ и Поволжья (курганы у с. Бородаевки, хут. Степана Разина)⁵.

Таким образом, по стратиграфическим особенностям, обряду захоронения и могильному инвентарю обе выделенные группы крутояровских погребений близки друг другу по времени, имеют характерные черты древнеямных памятников волжско-уральского региона и их можно отнести к позднему этапу древнеямной культуры, хронологически определяемому концом III—началом II тысячелетия до н. э.

- ¹ Мерперг Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, рис. 14 и 15.
- ² Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана. — МИА, 1960, № 78, с. 16, рис. 4, 4.
- ³ Мерперг Н. Я. Указ. соч., с. 69—70.
- ⁴ Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового века и предскифского времени в Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, № 115, с. 13, 33, 43, рис. 6, 7; Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1960, т. VIII, с. 95, рис. 73, 38, с. 143, рис. 105, 2; т. IX, с. 95, рис. 10, с. 105, рис. 3, 8, с. 106, рис. 4, 1 и др.
- ⁵ Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. — Учен. зап. Саратовского гос. ун-та, 1947, т. XVII, с. 130, рис. 87; Мерперг Н. Я. Раскопки в Нижнем Поволжье. — В кн.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, с. 86, рис. 4, 4.

В. Л. ДЕРЖАВИН, Б. Г. ТИХОНОВ

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Летом 1977 г. Александровский отряд Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР обследовал курганную группу, расположенную на северной окраине хут. Жуковского Новоселицкого района Ставропольского края. Эта группа насчитывала шесть курганов.

Курган 1, насыпь которого состояла из чернозема, имел в диаметре 42 м и высоту 1,30 м. Всего в нем обнаружено 20 погребений. Интересующее нас погребение (9) являлось впускным и находилось в 4,40 м от центра к северу. Могильная яма, ориентированная длинной стороной в направлении запад—восток, имела подпрямоугольную форму размером 2,10×1,65 м. Дно могилы находилось на глубине 2,60 м от вершины насыпи, но сам костяк лежал на глубине 2,37 м на черноземной подсыпке, имевшей прямоугольную форму (1,45×0,65 м) и также ориентированной в направлении запад—восток (рис. 1). В северной стороне ямы (за пределами подсыпки) на глубине от 2,40 до 2,60 м было найдено несколько небольших необработанных камней из песчаника неправильной формы и маленький фрагмент лепной керамики. Самый большой из камней имел размеры 0,3×0,25×0,08 м. Скелет мужчины 30—35 лет лежал на охристой подсыпке толщиной до 1 см на спине, в скорченном положении, головой на восток. Кисти рук покоились на тазовых костях, а ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, впоследствии завалились вправо. Весь костяк был покрыт тонким слоем коры. В районе ступней ног лежал плоский песчаниковый камень (0,10×0,15×0,03 м). Справа от коленей находился сосуд темно-серого цвета шаровидной формы со слегка уплощенным дном и залощенной поверхностью. Высота сосуда 12 см, диаметр венчика 9 см (рис. 3, 1). Рядом с ним лежала баранья лопатка. Еще несколько костей животного было обнаружено слева от грудной клетки покойного. Около локтей рук и в ногах, но уже за пределами черноземной подсыпки, были найдены четыре кремневых отщепы. Между локтем правой руки и грудной клеткой лежал терочник округлых очертаний и плоским основанием (рис. 3, 2), а рядом с ним — бронзовое тесло (рис. 3, 3) размером 0,3×4,5×8 см. Из этого же погребения происходит бронзовое четырехгранное шило длиной 4,8 см, заостренное с обоих концов (рис. 3, 4), но в ходе выемки заполнения из могильной ямы местоположение его было потревожено. Тесло, видимо, находилось в деревянном футляре, окрашенном охрой. В районе грудной клетки и с левой стороны черепа обнаружены два кольца-подвески с незамкнутыми концами из хрупкого пористого минерала белого цвета (рис. 3, 5). Диаметр их — 2,5 см. После снятия костяка в районе плеча найдена золотая подвеска в полтора оборота (рис. 3, 6).

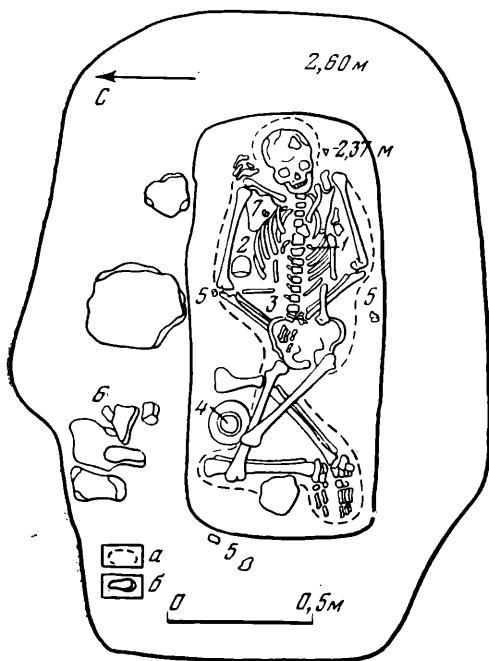

Рис. 1. Погребение 9, курган 1

- 1 — кольца-подвески;
- 2 — терочник;
- 3 — тесло;
- 4 — сосуд;
- 5 — кремневые отщепы;
- 6 — фрагмент керамики;
- 7 — золотая подвеска; а — граница охровой подсыпки; б — камень

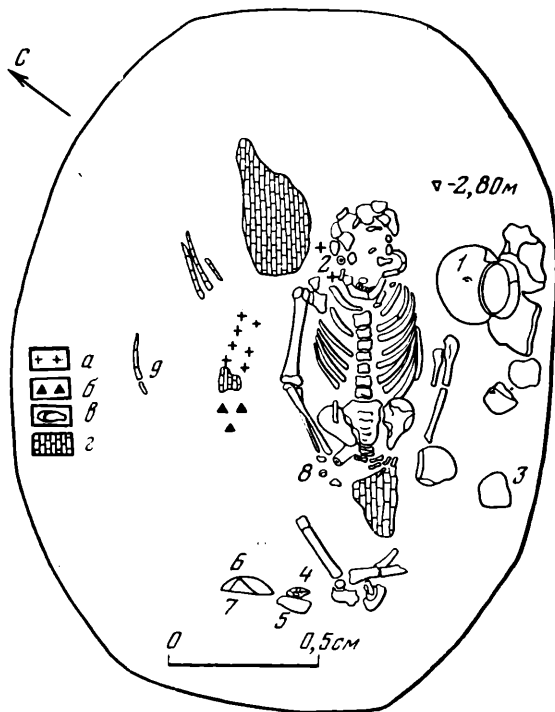

Рис. 2. Погребение 1, курган 2

- 1 — сосуд;
- 2 — золотое колечко;
- 3 — морская галька;
- 4 — кремневый наконечник;
- 5 — тесло;
- 6 — долото;
- 7 — каменный предмет;
- 8 — кремневый отщеп;
- 9 — рога животного;
- а — охра, б — угольки; в — камень; г — деревянный тлен

Курган 2 находился в 30 м к югу от кургана 1. Насыпь имела в диаметре 38 м, а перепад высот от наивысшей точки кургана к западу составлял 1,11 м, а к востоку — 1,78 м. Всего под насыпью было открыто четыре погребения. Как выяснилось в ходе раскопок, вокруг основного погребения (1) был возведен кромлех, но так как более половины насыпи было разрушено позднейшим скотомогильником (по рассказам местных жителей — в конце XIX в.), то он сохранился лишь в южной поле. Эта часть каменного кольца протяженностью 15 м и шириной 1—1,8 м была выложена из лежащих плашмя необработанных известняковых плит. Самая большая плита имела размеры 1,05×0,75×0,3 м. Высота кромлеха составляла 0,8 м, а основание его находилось на погребенной почве на глубине 1,80 м от вершины насыпи.

Погребение 1, основное, было обнаружено в юго-западном секторе кургана в 3,60 м от центра к западу и в 1,10 м от центра к югу на глубине 2,80 м от вершины насыпи (рис. 2). Заполнение могилы состояло из чернозема и мелких песчаниковых камней. Могила имела овальную форму (2,45×1,80 м) и длинной стороной была ориентирована в направлении северо-восток—юго-запад. Скелет мужчины 55—60 лет лежал ближе к южной стенке ямы на спине, головой на северо-восток. Переплетенные пальцы кистей рук покоились на тазовых костях. Ноги первоначально стояли коленями вверх, но затем распались в разные стороны, образуя как бы ромб. Стопы их тесно смыкались между собой. Под костяком прослеживался слой деревянного тлена толщиной до 2 см. Возможно, это были носилки. Под черепом и справа от костяка дно было

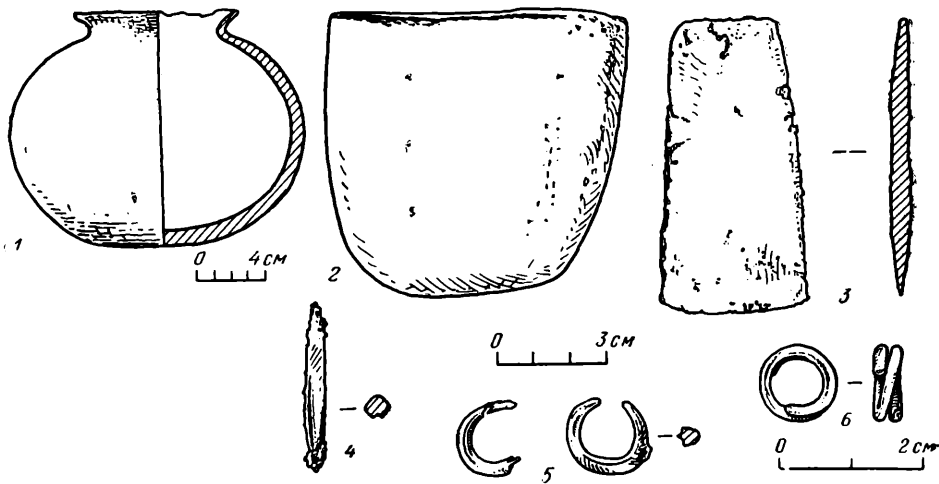

Рис. 3. Вещи из погребения 1, курган 2

1 — сосуд; 2 — терочник; 3 — тесло; 4 — шило; 5 — кольца-подвески; 6 — золотая подвеска

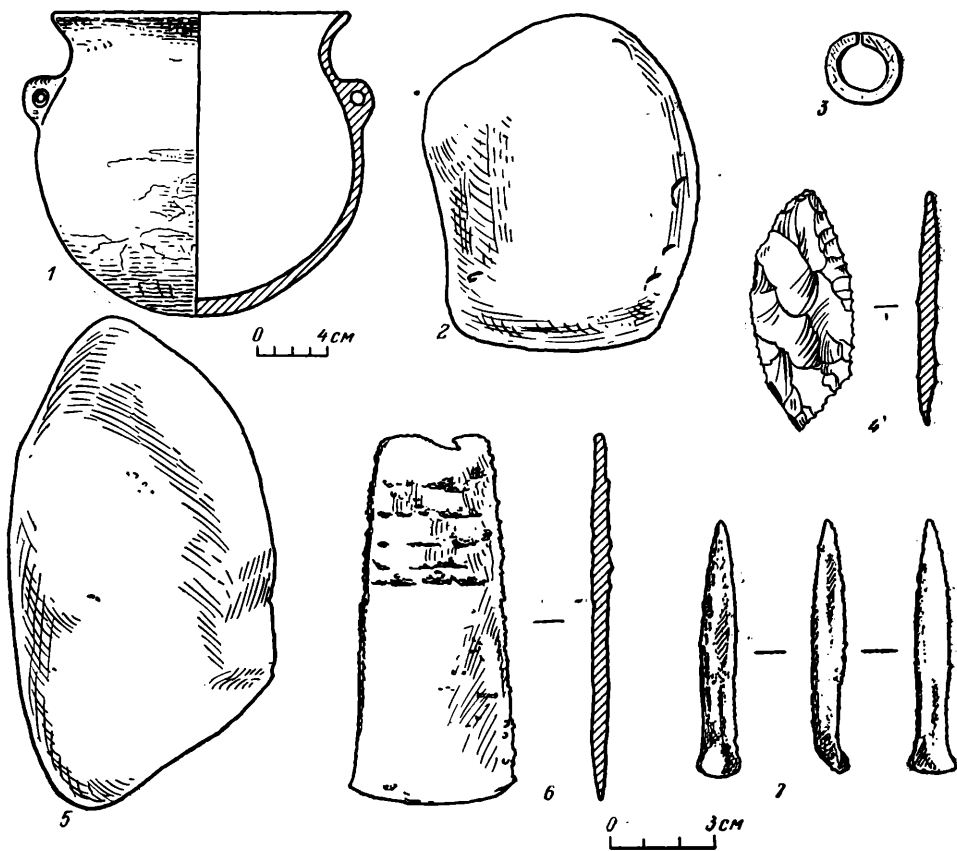

Рис. 4. Вещи из погребения 9, курган 1

1 — сосуд; 2 — морская галька; 3 — золотое колечко; 4 — кремневый наконечник; 5 — каменный предмет; 6 — тесло; 7 — долото

посыпано охрой. Здесь же было зафиксировано несколько угольков. Рядом лежали плохо сохранившиеся четыре рога дикого животного длиной до 20—25 см.

Слева от погребенного находился круглодонный шаровидный сосуд светло-коричневого цвета с хорошо залощенной поверхностью (рис. 4, 1). Несколько ниже венчика были два сквозных отверстия для подвешивания. Сосуд сделан из хорошо отмученной глины без примесей и хорошо обожжен. Высота его 16 см, диаметр венчика 17 см.

У южной стенки могилы, на 0,2 м выше дна ямы, лежали четыре небольших необработанных камня из песчаника и морская галька (рис. 4, 2). У правого виска было найдено плоское золотое колечко диаметром 2 см. окрашенное охрой (рис. 4, 3). Под правой бедренной костью лежал небольшой кремневый отщеп. В районе стоп ног были найдены следующие предметы: двустороннеобработанный листовидный наконечник из кремня длиной 6,5 см и шириной 3 см (рис. 4, 4); обработанный каменный предмет неизвестного назначения (рис. 4, 5); бронзовое тесло (рис. 4, 6) вытянутой формы (0,2×4×10 см); бронзовое долото (рис. 4, 7).

Инвентарь описанных выше двух погребений находит аналогии в новосвободненских комплексах¹. В то же время наличие в погребениях архаичных шаровидных сосудов с круглым и слегка уплощенным дном позволяет отнести это погребение ко второму этапу в развитии майкопской культуры² и датировать их последней четвертью III тысячелетия до н. э.

¹ Иссен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». — СА, 1950, XII.

² Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

В. М. БАТЧАЕВ, С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

НАХОДКА ОРИГИНАЛЬНОГО ТОПОРА В МАЙКОПСКОМ ПОГРЕБЕНИИ У с. ЛЕЧИНКАЙ

В 1974 г. 1-й отряд новостроечной археологической экспедиции Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института проводил охраняемые раскопки на восточной окраине с. Лечинкай Чегемского района Кабардино-Балкарской АССР¹. При этом здесь было исследовано 18 курганов, содержащих богатый и разнообразный материал эпохи ранней и средней бронзы². В настоящей публикации вводится в научный оборот одна из наиболее интересных находок 1974 г. — бронзовый топор из погребения 5 кургана VII.

Погребение 5 являлось основным³ и располагалось в центре кургана на глубине 70 см от уровня древнего горизонта. Прямоугольная в плане могильная яма (350×260 см) с круглыми углами, ориентированная с севера на юг, была заполнена булыжником и суглинистым грунтом темного серого цвета. Погребение оказалось почти полностью ограбленным. В нем удалось обнаружить беспорядочную грудку человеческих костей, несколько костей крупного рогатого животного (очевидно, остатки жертвенной пищи) и фрагмент раздавленного красноглиняного сосуда. Судя по количеству костей, здесь было захоронено не менее двух человек. Причем остатки одного скелета, отличавшегося сравнительно крупным размером и массивностью, могли принадлежать мужчине. Остальные, небольшие и грацильные, — скорей всего женщине или подростку. Отдельные участки могильной ямы, а частично и кости погребенных были окрашены охрой. В юго-западном секторе могилы был найден бесформенный осколок черного полупрозрачного обсидиана, а в северо-западном углу — массивный бронзовый топор.

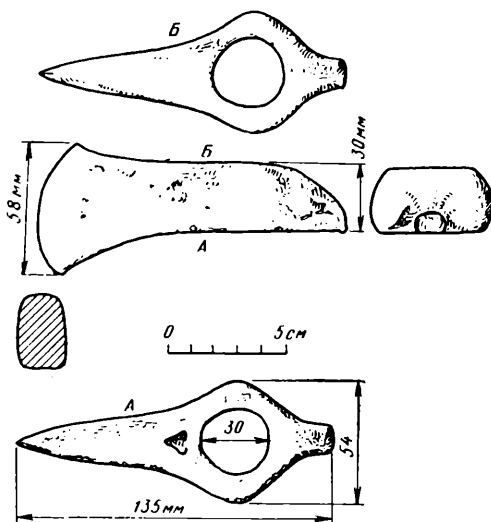

Рис. 1. Топор из погребения 5 кургана VII у с. Лечинкай

Самая интересная находка из этого погребения — металлический топор оригинальной формы. Длина топора 135 мм (рис. 1). При рассмотрении орудия в профиль (сбоку) хорошо заметны сильные скосы лезвия и задней стенки втулки. Контуры предмета симметрично расширяются от втулки к лезвию и как бы прогнуты. Втулка в профиль не выделена. Ниже для удобства изложения одну из сторон профиля назовем А, другую — Б.

При рассмотрении топора со стороны отверстия (в плане) четко выделяется массивная втулка. Ее ширина 54 мм. Диаметр круглого отверстия 30 мм как с той, так и с другой стороны предмета. Тыльная часть втулки сильно оттянута. Она образует тупой скошенный выступ. Одна поверхность топора (А) в плане уплощена, имеет углубление перед отверстием и небольшой прогиб у окончания выступа. Такие детали обычно говорят, что она несет следы усадки металла при отливке орудия. Другая поверхность (Б) округлая, выпуклая и не имеет следов усадки металла.

В сечении клин орудия имеет сужающуюся, неправильно овальную форму. Одна его сторона плоская, более широкая, чем другая. Последняя имеет округлые очертания. Бока клина выпуклые и округлые. Втулка в сечении обладает также выпуклыми и округлыми боками. С одной стороны у выступа заметно углубление или вмятина. Следов подковки в этом месте не заметно. Вероятно, такое углубление тоже след усадки металла при его застывании в форме. Высота втулки 30 мм. Лезвие орудия еще сохранило острую заточку. Его длина 58 мм.

Скошенный выступ на задней стенке втулки топора, напоминающий молоток, является одной из своеобразных деталей его формы. Этот признак позволяет, на наш взгляд, сравнить его прежде всего с закавказскими клевцами эпохи ранней бронзы (рис. 2, 5). Единственный топор-молот из погребения майкопской культуры у станицы Воздвиженской имеет другое строение клина и выступа втулки (рис. 2, 4). Закавказские клевцы эпохи ранней бронзы обладают принципиально близким строением, хотя и различаются между собой размерами и пропорциями форм⁵. Они распространены в междуречье Куры и Аракса, в южной Грузии и Армении. По данным А. А. Мартиросяна и А. О. Мнацаканяна, восемь из них найдено в составе Приерванского клада и семь случайно⁶.

Если развернуть лечинкайский топор выступом вниз, то он становится весьма близок клевцу из Тианетского района Грузии как по очер-

Принадлежность погребения 5 к кругу памятников майкопской культуры, представленной в центральном Предкавказье комплексами ее позднего, новосвободненского этапа, не вызывает особых сомнений. В пользу такой интерпретации комплекса говорят детали погребального обряда: захоронения покойного в обширной, впущенной в материковый грунт могильной яме, которая приближается в плане к квадрату, наличие в ней жертвенной пищи и красной краски. Такие черты весьма характерны для указанных комплексов⁴. С керамикой из этих погребений находит аналогии и сохранившийся во фрагментах красноглиняный сосуд из погребения 5, изготовленный из хорошо отмученной глины довольно хорошего обжига.

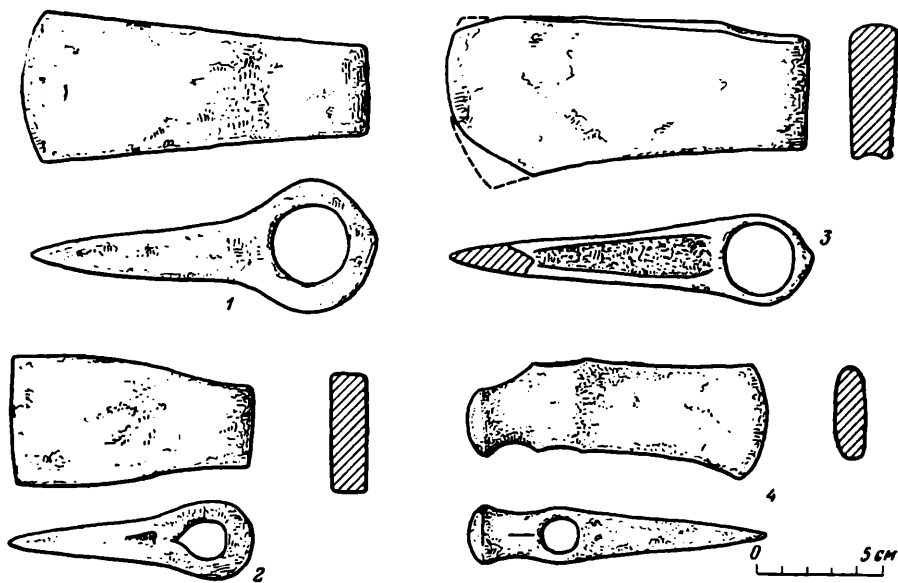

Рис. 2. Топоры майкопской культуры и закавказский клевец

1—3 — основные виды майкопских топоров (1 — Майкопский курган, группа 1; 2 — с. Чегем II, погребение 5, курган 21, группа 2; 3 — станция Анастасьевская, группа 3); 4 — станция Воздвиженская; 5 — клевец из Приереванского клада

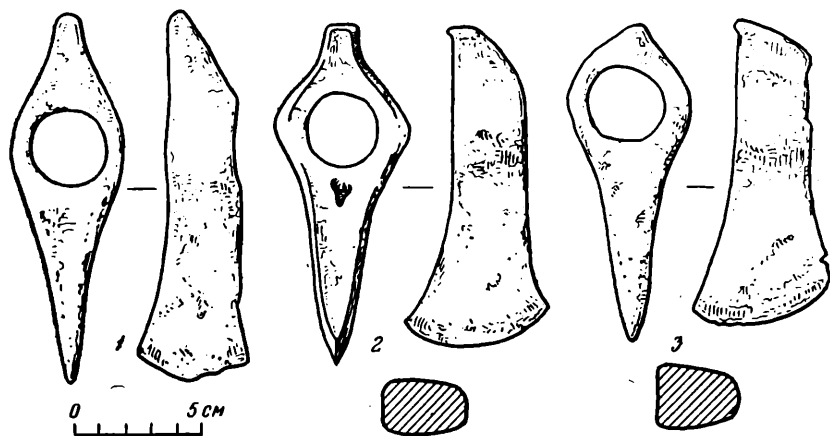
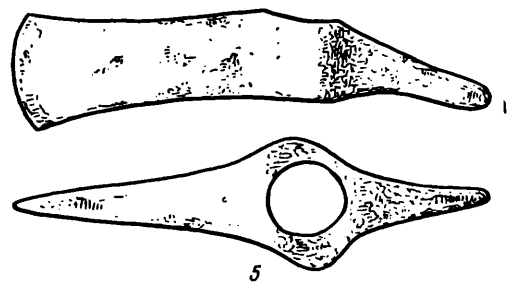

Рис. 3. Закавказский клевец и топоры майкопской культуры

1 — клевец из с. Тианети; 2 — топор из с. Лечинкай, кургана VII, погребение 5; 3 — случайная находка у г. Пятигорска

таниям, так и по размерам (рис. 3, 1, 2). С другими закавказскими орудиями его особенно сближают такие детали, как выступ на втулке, округлые бока клина и втулки. Этими же признаками, судя по публикации, обладают и клевцы Приереванского клада⁷. Видимо, такое сходство между кабардино-балкарским топором и клевцами междуречья Куры и Аракса не случайно. Оно позволяет предполагать близкие традиции производства их форм. Исходя из приведенных аналогий, мы можем допустить, что рассматриваемый топор насаживался на рукоять, как клевец. Скошенный выступ втулки находился при этом снизу. Форма оттянутого назад верхнего края лезвия могла быть следствием сработанности или подправки. Подобная конфигурация рабочей части орудия нередко давалась топорам или клевцам после перезаточки. В качестве примера можно упомянуть тот же клевец из Тианети и майкопский топор из кургана 3 у станции Костромской⁸.

Среди многочисленных топоров майкопской культуры находка из Лечинкай почти не имеет параллелей⁹. Ее выделяют скошенный выступ на втулке, необычная ширина этой детали в плане, выпуклые, овальные бока корпуса орудия и неправильно овальное сечение клина (рис. 1; 2, 1—3). Лишь один топор обнаруживает к рассматриваемому орудию удивительную близость. Он случайно был найден у г. Пятигорска в 1965 г. (рис. 3, 3). До находки топора в Лечинкае он не находил точных соответствий в майкопском материале и поэтому был условно отнесен одним из авторов настоящей статьи к топорам первой майкопской группы, так как сближался с ними размерами плана втулки и симметрией расширения корпуса к лезвию¹⁰. При его сопоставлении с публикуемым орудием хорошо видны такие же сильные скосы лезвия и задней стенки втулки. Совпадает и неправильно овальное сечение клина (рис. 3, 2, 3), столь не свойственное топорам других майкопских групп (рис. 2, 1—3). На задней стенке втулки пятигорского топора также имеется выступ, но менее четко выраженный. Близки и размеры топоров.

Спектральный анализ показал, что топор из Лечинкай изготовлен из металла 1-й майкопской группы, по Е. Н. Черных¹¹, так же как и орудие из-под Пятигорска¹².

Оригинальность форм двух рассматриваемых топоров по сравнению с остальными предметами этой категории майкопской культуры позволяет говорить, что их формы отражают распространение среди ее племен нового, неизвестного ранее вида топоров, обладающего своими специфическими признаками. Поэтому мы считаем возможным выделить их в отдельную группу орудий. Исходя из основных особенностей форм этих изделий при сравнении с другими майкопскими топорами, их можно определить как топоры с неправильно овальным сечением клина и скошенным выступом на втулке.

Однако, несмотря на ряд перечисленных выше признаков, сближающих их с клевцами из Закавказья, эти два предмета все же своеобразны и отличаются от них. Так, топор из Лечинкай обладает более коротким и узким в плане выступом втулки по сравнению с классическими формами клевцов из Приереванского клада или других случайных находок. А выступ на втулке пятигорского топора еще меньше. Возможно, такие черты говорят о их производстве в среде майкопских племен из мышьяково-высоконикелевой бронзы. Способ отливки рассматриваемых топоров был характерен для эпохи ранней бронзы Кавказа. Их отливали в открытую снизу литейную форму, о чем говорят следы усадки металла на брюшке топоров и форма сечения клина.

Погребение 5 кургана VII, раскопанное у с. Лечинкай, относится к терскому ареалу майкопской культуры, как упоминалось выше. Находка в нем публикуемого топора является пока единственным аргументом для датировки таких орудий примерно последней четвертью III тысячелетия до н. э. по А. А. Иессену¹³. Их аналогии с закавказскими клевцами не противоречат этому, но и уточнить дату не могут. Все клевцы в Закавказье найдены случайно. Обнаруженные с ними тесла в Приереванском

кладе имеют плоско-выпуклое сечение¹⁴. Они не находят прямых аналогий по этому признаку среди комплексов эпохи ранней бронзы на Кавказе. Датировка закавказских клевцов периодом куро-араксинской культуры основана на предположении Б. А. Куфтина о том, что они входят в ряд комплексов орудий III тысячелетия до н. э.: топоров-кирок, топоров-молотов, аккадских боевых топоров с пирамидальным обухом времени стелы Нарамсина, VI слоя Тепе-Гавра, майкопского погребения в кургане у станицы Воздвиженской¹⁵. Однако ни в Анатолии, ни в Иране среди памятников III тысячелетия до н. э. топоров-клевцов, подобных закавказским, нам неизвестно. Таким образом, находка из Лечинка является пока единственным близким им орудием, найденным в культурноопределимом комплексе.

Лечинкайская находка и близкий ей топор из-под Пятигорска, видимо, являлись редким видом орудий, имевших хождение среди племен майкопской культуры. Они отличаются от других типов топоров, найденных в ее погребениях, имеют черты сходства с клевцами из Закавказья, но в то же время своеобразны. Совпадение деталей их форм с клевцами весьма примечательно. По всей вероятности, оно отражает существовавшие в эпоху ранней бронзы связи между литейщиками Закавказья, отличавшимися такие орудия, и древними кузнецами, которые распространяли свои изделия в среде племен майкопской культуры.

¹ Руководитель отряда И. М. Чеченов, заместитель В. М. Батчаев.

² Предварительную публикацию лечинкайских комплексов см.: *Чеченов И. М., Батчаев В. М.* Курганы эпохи бронзы у с. Лечинкай. — АО 1974 г. М., 1975, с. 130—131; *Они же.* Основные итоги раскопок курганов эпохи бронзы у села Лечинкай. — В кн.: V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докл. Махачкала, 1975, с. 12—13; *Они же.* Новые находки древнейших каменных стел в Кабардино-Балкарии. — Там же, с. 15—16; *Они же.* Курганы эпохи бронзы у с. Лечинкай в Кабардино-Балкарии. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов: Тезисы докл. конф. Киев, 1975, ч. 1, с. 102—104.

³ Кроме того, в насыпи кургана были выявлены впускные погребения: два майкопских и два принадлежавших северокавказской культуре.

⁴ *Мишаев И. М., Бегрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 15—16; *Бегрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Раскопки курганов эпохи бронзы в зоне строительства Чегемской оросительной системы в 1973 году. — В кн.: IV Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докл. Орджоникидзе, 1974, с. 20—21; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 270—284; *Чеченов И. М., Батчаев В. М.* Основные итоги раскопок..., с. 12—13.

⁵ *Абесадае Ц.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, табл. V, 118—121, VIII, 169, 186.

⁶ *Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О.* Приреванский клад древней бронзы. — КСИА, 1973, вып. 134, с. 122.

⁷ Там же, с. 124, рис. 47, 5—11.

⁸ ОАК за 1897 г., с. 16, рис. 59.

⁹ *Корневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры. — СА, 1974, № 3, с. 17, рис. 3, с. 20, рис. 6, с. 23, рис. 8.

¹⁰ *Корневский С. Н.* Находка бронзового топора у г. Пятигорска. — СА, 1972, № 3, с. 337, 338, рис. 1.

¹¹ Анализ № 13328: Cu — основа, Sn — 0,01%, Pb — 0,01%, Sb — 0,01%, As — 2%, Fe — 0,25%, Ni — 0,15%, Mn — 0,015%, Au — 0,003—0,01% (*Черных Е. Н.* История древней металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 36—40).

¹² *Корневский С. Н.* Находка бронзового топора..., с. 337.

¹³ *Иесен А. А.* Майкопская культура и ее датировка. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, с. 19—20.

¹⁴ *Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О.* Указ. соч., с. 122.

¹⁵ *Куфтин Б. А.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — Вестн. Гос. Музея Грузии, Тбилиси, 1944, вып. XII—V, с. 300—303.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЧАСТИ ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА АЛТЫН-ДЕПЕ В 1974 г.

В десятом полевом сезоне на Алтын-депе XIV отряд Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции, руководимый В. М. Массоном, продолжил многолетние раскопки поселения¹. В данной заметке, носящей характер предварительной информации, освещены результаты работ на одном из новых объектов, получившем очередной номер 13 и расположенном на холме в 75 м к западу от тригопункта, находящегося на самой высокой точке поселения. Вскрытию подверглись остатки сырцовых строений в верхнем слое памятника.

В пределах исследованной площади в этом слое отмечено два строительных периода. Существование верхнего засвидетельствовано очагом на круглой сырцовой платформе, прослеженном на поверхности холма, а также небольшими выклинивавшимися участками стен, сохранность которых в глубину не превышала 5—10 см. Основные усилия были направлены на изучение лежащего ниже строительного периода. Здесь в общей сложности на площади около 250 кв. м обнаружены остатки 20 помещений (рис. 1). Все помещения вскрыты на глубину 0,50—0,70 м до уровня нижнего пола, перекрывавшего руины предыдущего слоя. Количество промазок полов колеблется от двух до пяти. Стены помещений сложены из прямоугольного сырцового кирпича и, как правило, оштукатурены изнутри двумя или тремя слоями штукатурки с примесью самана, достигающей толщины 5 см.

В планировке помещений данного комплекса выделяются три узких коридорообразных помещения (1, 2 и 3). Их площадь, промежуточное положение между группами помещений, расположенных справа (4, 5, 6, 7) и слева (8, 9, 10, 11), а также система проходов указывают на то, что именно функции коридора они и выполняли. В пользу этого предположения свидетельствует и большее количество промазок полов (пять), чем в примыкающих к ним с обеих сторон помещениях. Видимо, позднее возведения комплекса проход из помещения 2 в помещение 3 был ликвидирован узкой, неправильно ориентированной стенкой-перегородкой, сложенной в один кирпич, что, возможно, позволяло комплексу из помещений 3, 4, 5, 6 и 7 функционировать как отдельному дому.

Систему проходов, соединявших помещения 4, 5, 6, 7, проследить не удалось, но, исходя из архитектурно-планировочного решения, можно предположить, что эти помещения либо были соединены между собой в анфиладу, либо все имели выходы в коридор, как помещение 4, соединенное с коридором проходом шириной 0,70 м с порогом и подпятником. В этой группе помещений по площади и наличию очага выделяется помещение 7. Наличие второго очага, впоследствии превращенного в хозяйственную яму, углубленную на 0,30 м ниже пола, предполагается в помещении 4. Необходимо отметить, что стенка ямы были выложены фрагментами стенок хумов. Пространство к северо-востоку от вышеуказанных помещений не исследовано полностью. Тем не менее общая стена, ограничивающая их с северо-востока, предполагает, что данный комплекс в этом направлении замкнут. Контрфорсы, укреплявшие с северо-запада внешнюю сторону стены помещения 7, подтверждают этот вывод.

Проход шириной 0,60 м с порогом и подпятником позволял пройти из коридора 1 в прямоугольное помещение 8, соединенное в свою очередь с двором, получившим предварительный номер 20. Помещения 9 и 10 первоначально представляли собой, вероятно, единое целое, с выходом во двор помещения. Впоследствии оно было подвергнуто перестройке и разделено на две части стеной-перегородкой, сложенной из одного продольно положенного кирпича. Этот вывод подтверждается как отличной от основной ориентировкой стены-перегородки, так и наличием отдель-

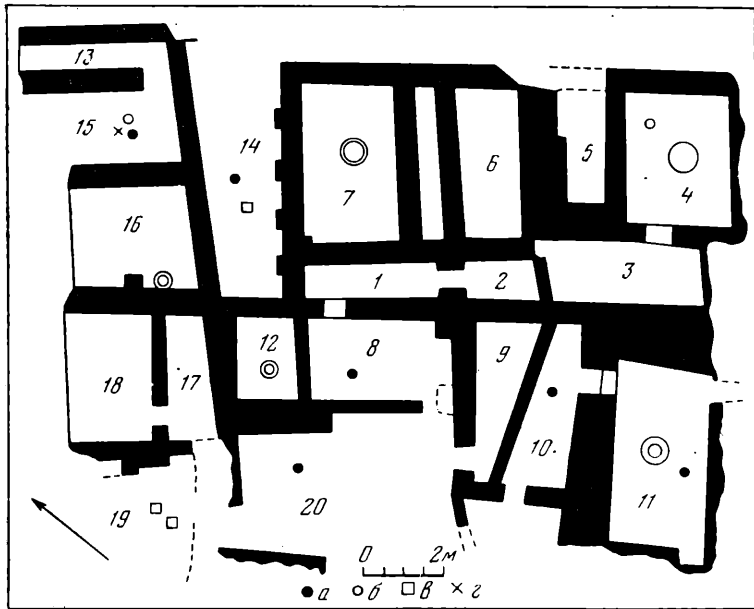

Рис. 1. План исследованной части раскопа 13

a — пряслица; *б* — колеса от моделей повозок; *в* — фигурки животных; *г* — бронзовый серп

ного входа в помещение 10. Помещение 10 связано проходом с тщательно оштукатуренным изнутри помещением 11, в центре которого расположен очаг на круглой сырцовой платформе. По-видимому, к этой же группе следует отнести помещение 12 с круглым очагом, тонкие сырцовые стенки которого почти не обожжены вследствие редкого использования. С запада—юго-запада к стенам помещений 8 и 12 пристроена дополнительная стена, отделявшая их от двора.

О функциональном назначении и взаимосвязи группы помещений 14, 15, 16, 17, 18 и 19 делать какие-либо заключения на данном этапе исследования преждевременно. Архитектурно-планировочное решение по раскопанной части жилого комплекса остается неясным и в настоящее время не позволяет отнести его ни к большесемейным домам, зафиксированным на памятниках этого времени², ни к домам с отдельным двором, принадлежащим одной семье³.

В заполнении и на полах помещений, а также в культурных напластованиях двора обнаружены целые керамические сосуды и фрагменты сосудов. Все сосуды изготовлены на гончарном круге, без видимых примесей, хорошего обжига, в основном не орнаментированы (рис. 2). Среди них представлены миски (рис. 2, 1—4), чаша с закругленным венчиком (рис. 2, 6), вазы на ножке (рис. 2, 8, 10), ваза на высокой полой внутри ножке (рис. 2, 14), кубки (рис. 2, 17, 18, 20) и горшковидные сосуды (рис. 2, 15, 16, 19). Внешняя поверхность неорнаментированной керамики, как правило, покрыта светлым ангобом, как считалось прежде, или, по мнению Э. В. Сайко, просто корочкой, образованной в результате выпаривания влаги при обжиге сосудов в гончарной печи⁴. Исключением являются два кубка (рис. 2, 18, 20), внешняя поверхность которых покрыта красной краской. Один из горшковидных сосудов (рис. 2, 19), обнаруженный в заполнении помещения 12, представляет собой явный керамический брак, что, по-видимому, не помешало ему находиться в употреблении. Его внешняя и внутренняя поверхности зеленоватого оттенка, на плечиках две вмятины, еще одна вмятина — в нижней части сосуда, профилировка венчика не ясна. Свидетельством брака являются многочисленные находки как целых сосудов, так и их фрагментов зеленоватого оттенка близ гончарных печей и внутри них в квартале ремесленников

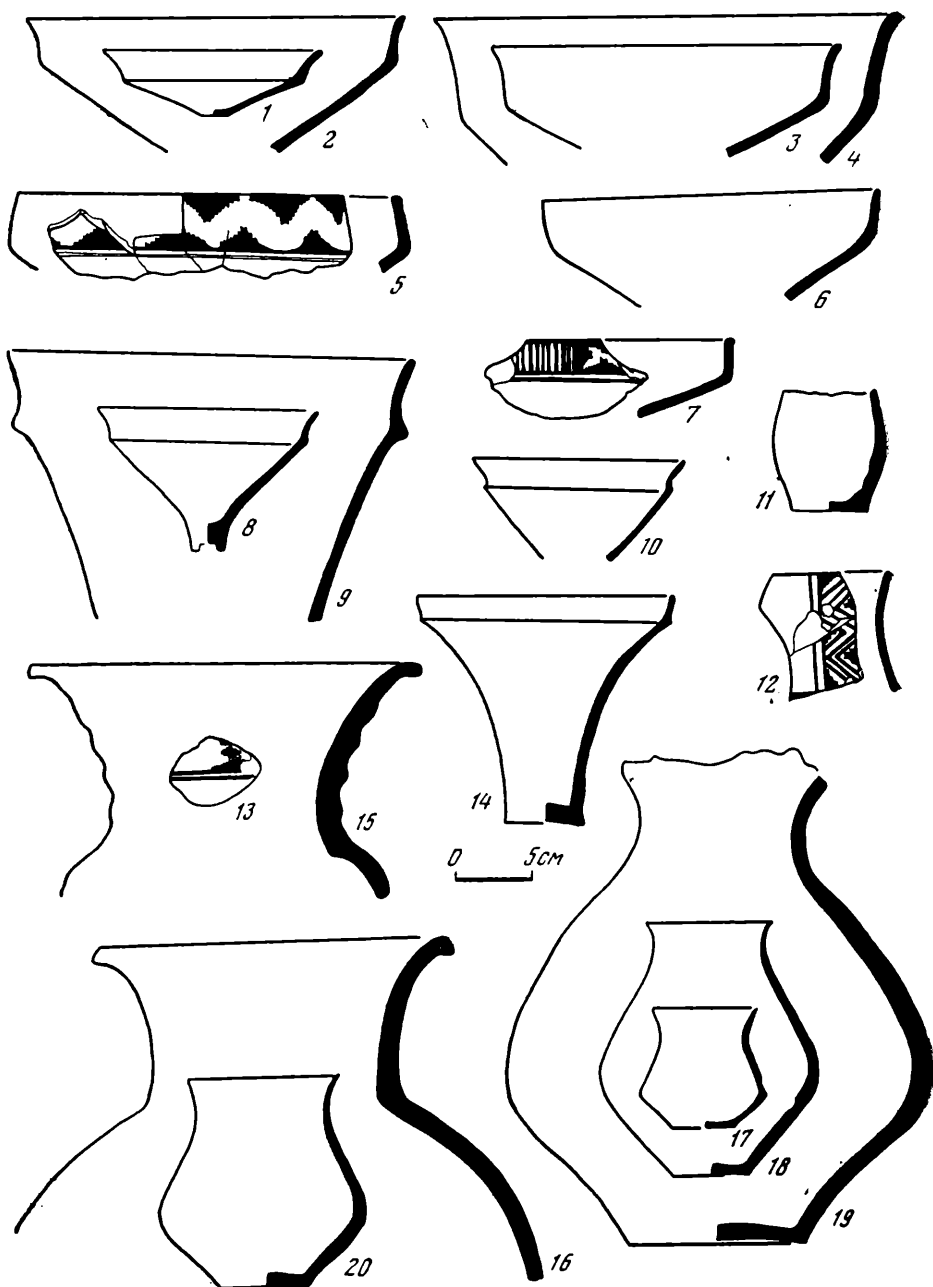

Рис. 2. Керамика, обнаруженная в комплексе (1—20)

на Алтын-депе. Зеленоватый оттенок появляется, по-видимому, в результате более длительного, чем необходимо для технологического процесса, обжига.

Орнаментированная керамика представлена значительно меньшим количеством экземпляров и лишь фрагментами (рис. 2, 5, 7, 12, 13). Орнамент нанесен коричневой или черной краской на белый и красный фон внешней поверхности сосудов.

Помимо керамики, в пределах раскопанной площади обнаружены и некоторые другие виды древнего инвентаря. Так, в заполнении помещений 4, 12, 19 найдены фрагменты лепной обожженной зооморфной терракоты (рис. 3, 1—3). Два из них (рис. 3, 1, 3), судя по сохранившейся части холки и выделенному защипом подгрудку, вероятнее всего, изобра-

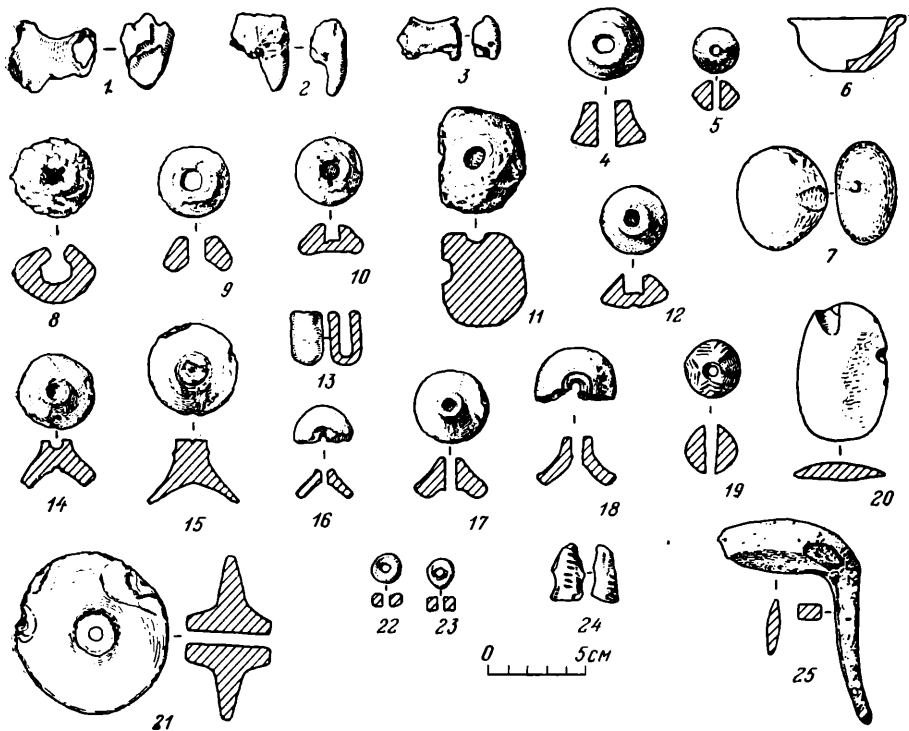

Рис. 3. Предметы из помещений и двора (1—25)

жали бычков. Видовую принадлежность третьего, обнаруженного в помещении 19, по сохранившейся задней части определить не удалось.

Из помещений 1, 10, 12 и заполнения двора извлечены предметы, изготовленные из камня (рис. 3, 4—7), причем материалом для изготовления первых трех — пряслица в форме усеченного конуса с отверстием, сужающимся к основанию, биконической бусины и косметического сосудика — служил тальк⁵. Терочник овальной формы, найденный в заполнении помещения 1, сделан из белого известняка.

Довольно многочисленны находки пряслиц из белой меловидной породы (рис. 3, 8—12). Прежде всего необходимо отметить, что формы этих пряслиц напоминают формы лепных керамических и подразделяются на два вида: 1) усеченно-конические; 2) биконические. Отверстия в них либо сквозные, либо просверлены не до конца. Сверление, вероятно, производилось полой трубочкой, о чем свидетельствуют неглубокие канавки на краю отверстия (рис. 3, 10, 12). То обстоятельство, что канавки прорезаны только наполовину диаметра отверстия, предполагает и иной вариант их образования — применение веретена с небольшим выступом на конце для ликвидации проскальзывания. В культурных напластованиях двора обнаружен предмет из той же меловидной породы цилиндрической формы со слегка выпуклым дном и несквозным отверстием (рис. 3, 13). Функциональное назначение его не ясно, хотя и можно было бы предположить использование его как пряслица. Глиняные пряслица подразделяются на два вышеупомянутых вида (рис. 3, 14, 16—19). Все они лепные, обожженные, как правило, со сквозным отверстием, проткнутым до обжига. Исключение представляет один экземпляр, отверстие которого лишь намечено с двух сторон (рис. 3, 14). Единственное в керамической серии биконическое пряслице в верхней своей части с четырех сторон украшено прочерченным орнаментом в виде «елочки». Необходимо отметить еще одну отличительную его черту — суживание отверстия к основанию, что, как указывалось выше, наблюдается также и на пряслице из талька. Оба они обнаружены на нижнем полу помещения 10, в его севе-

ро-восточном углу. Здесь же в непосредственной близости от пряслиц найдены две лепные обожженные керамические бусины округлой формы с проткнутыми до обжига отверстиями (рис. 3, 22, 23).

В числе находок представлены лепные глиняные колеса от моделей повозок. Два из них, обнаруженные в заполнении помещений 15 (рис. 3, 21) и 4, обожжены. Третье, необожженное, открыто в напластованиях двора.

По-видимому, впервые при раскопках памятников этого времени южной Туркмении открыт лепной обожженный специально изготовленный керамический предмет, эллипсоидный в плане и линзовидный в разрезе (рис. 3, 20). На его торцовых и одном из боковых краев невооруженным глазом прослеживаются следы сработанности. По заключению Н. Н. Скакун, посмотревшей предмет под биноклем, он применялся как шпатель при изготовлении керамических сосудов на гончарном круге.

В заполнении помещения 15 найден еще один представляющий интерес предмет, на сей раз металлический (рис. 3, 25). Линзовидная в разрезе его рабочая часть располагается почти под прямым углом к прямоугольному в разрезе черешку, сужающемуся к концу. Заостренный конец рабочей части не сохранился. По внешнему виду и черешку для насадки рукояти это изделие более всего напоминает серпы того времени. Но отсутствие близких аналогий в доступной автору нашей и зарубежной археологической литературе не дает полной уверенности в определении функции орудия. В данный момент невозможно определить и место производства подобных изделий, так как оно могло быть изготовлено и на самом Алтын-депе и импортировано сюда.

В подъемном материале в пределах границ раскопа найден лепной обожженный глиняный предмет неизвестного назначения (рис. 3, 24). Края его обломаны, нижняя торцовая часть вогнута и залощена, одна боковая сторона украшена шестью засечками, нанесенными ногтем.

Время функционирования комплекса определяется главным образом на основании аналогий к обнаруженной здесь керамике. Прежде всего рассмотрим соотношение керамики, открытой в данном комплексе, с находками предыдущих лет на Алтын-депе. Так, в результате работ 1969 г. в помещении 32 на раскопе 7 при расчистке коллективного погребения был обнаружен керамический комплекс, датируемый В. М. Массоном временем раннего Намазга V. В нем преобладают неорнаментированные кубки, подобные найденным в рассматриваемом комплексе (рис. 2, 17, 18, 20)⁶. Здесь также открыты миски, весьма сходные по форме с нашими (рис. 2, 3, 4)⁷.

Некоторые из сосудов, обнаруженных в комплексе, близки по форме сосудам, извлеченным А. В. Ганялиным во время раскопок 1959—1961 гг. на холме «вышки» Алтын-депе и широко датируемым им временем Намазга V⁸.

Ножка сосуда, найденная на нижнем полу помещения 11 (рис. 3, 15), идентична ножке вазы, опубликованной В. М. Массоном и относимой им также ко времени Намазга V⁹.

Ряд параллелей в формах прослеживается в керамике, извлеченной при раскопках зданий А и Б и VI яруса шурфа на Намазга-депе в результате исследований Б. А. Литвинского¹⁰.

Наличие в комплексе расписной керамики с орнаментом, характерным для позднего Намазга IV, позволяет предположить, что фундаментом для этого строительного периода служили постройки, относящиеся ко времени Алтын 4 по стратиграфии Алтын-депе. Исходя из этого и учитывая то, что наиболее ранние аналогии керамике данного комплекса прослеживаются в керамике, датируемой временем раннего Намазга V (по стратиграфии Алтын-депе — слой Алтын 3), его функционирование можно предварительно отнести к этому времени.

Дальнейшие раскопки объекта, по-видимому, позволят уточнить ряд выводов, предположительность которых в большей степени обусловлена ограниченным характером работ.

- ¹ *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 165—190; *Он же.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. — СА, 1974, № 4, с. 3—22.
- ² *Литвинский Б. А.* Намазга-тепе. — СЭ, 1952, № 4, с. 37; *Массон В. М.* Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966, с. 165.
- ³ *Кнышов В. И.* Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-депе. — КСИА, 1971, вып. 127, с. 18—22.
- ⁴ *Сайко Э. В.* Технологическая характеристика керамики развитой бронзы из Алтын-депе. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1972, вып. IV, с. 145.
- ⁵ Тальк — карбонатная порода с магнетитом. Определение произведено во Всесоюзном геологическом институте.
- ⁶ *Массон В. М.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, 1970, рис. 7.
- ⁷ Там же, рис. 8.
- ⁸ *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-депе. — СА, 1967, № 4, рис. 4.
- ⁹ *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, рис. 8.
- ¹⁰ *Литвинский Б. А.* Намазга-тепе. — СЭ, 1952, № 4, рис. 5 и 6.

Г. И. КОРНЮШИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В КЫЗЫЛКУМАХ

В 1968 г. я был в г. Зарафшане, что находится в Бухарской области Узбекской ССР в районе Центральных Кызылкумов. Обследуя в окрестностях города горный хребет Тамдытау, я обнаружил в 2 км от г. Зарафшана следы древнего поселения.

В 1974 г. снова удалось побывать в тех местах и опять мое внимание привлек открытый ранее древний памятник.

Поселение расположено в горной котловине, площадь которой примерно 400×400 м. В центре котловины поднимается пологий холм, а к югу, северу и востоку от него идет понижение к окружающим котловину сопкам. По южному понижению проходит сухое русло ручья (сай). Вдоль этого сая на протяжении около 200 м распространена лепная и гончарная керамика. Такая же керамика есть и в северном от центрального холма понижении. Северная и восточная части котловины заняты развеваемыми барханскими песками. В восточной стороне поселения около сая, в местах свободных от песка, прослеживаются круги из положенных на землю крупных камней, как бы контуры жилищ диаметром до 5 м. Около этих контуров наблюдается наибольшее скопление керамики и других вещей.

В километре к востоку от поселения за железной дорогой находится долина другого большого сая. В этом большом саяе и малом саяе, проходящем через древнее поселение, постоянного водотока нет. По ним протекает вода, вероятно, только после редких в этих местах ливней или во время весеннего таяния снега. В современных условиях родников и других постоянных естественных источников воды кругом нет на десятки километров. Растительность обычная пустынная.

На поселениях мною собрана лепная керамика, украшенная орнаментом зубчатого штампа «в елочку» (рис. 1, 1, 2), тонкими черточками «в елочку», проведенными острым инструментом (рис. 1, 3, 4), насечками по венчику и др. Много черепков без орнамента (рис. 1, 5, 6, 7). Есть сквозные проколы стенок в верхней половине сосудов.

Керамика прочная, хорошего обжига, в изломе однослойная, цвет поверхностей темный, серый и желтоватый. В тесте примесь шамота, ракушки, растительных остатков, которые при обжиге выгорели, отчего черепки получились ноздреватыми. Сосуды плоскодонные, баночной и горшковидной формы.

Кроме керамики, были подобраны массивные каменные молоты, шесты шарообразной формы диаметром до 8—9 см (рис. 1, 8), обломок

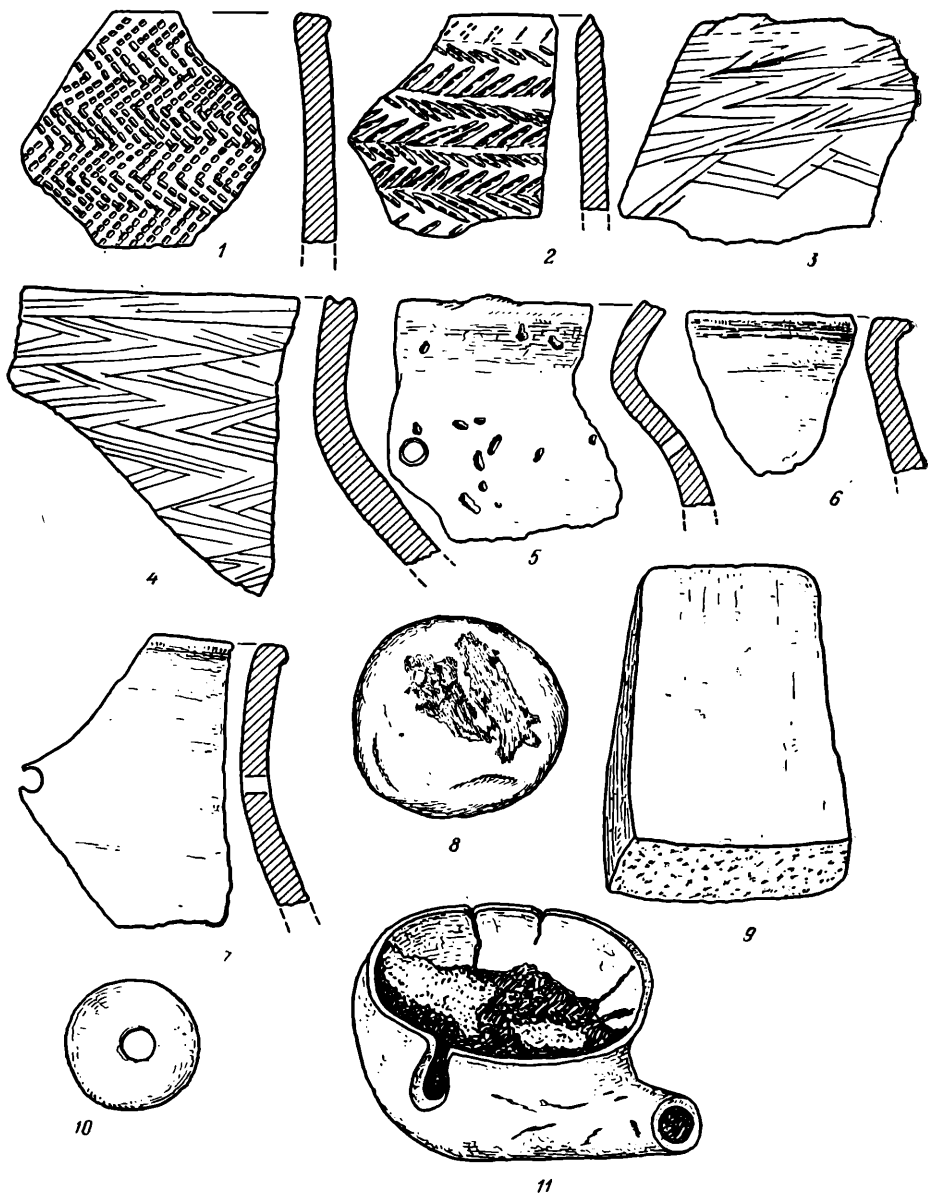

Рис. 1. Поселения эпохи бронзы у г. Зарафшана

1—7 — фрагменты лепной посуды; 8 — каменный пест; 9 — обломок зернотерки; 10 — пряслиц из черепка; 11 — тигель-лячка

зернотерки (рис. 1, 9), пряслица из черепка (рис. 1, 10) и белого камня, изделия и отщепы из белого кремня. Найден керамический тигель-лячка. Тигель, диаметром 15 см, толстостенный, с округлым дном, с втулкой, в которой есть отверстие для ручки, и сосочком (рис. 1, 11). К дну тигля прикипел шлак с зеленой окисью меди¹.

На поселении встречается более поздняя гончарная керамика красного цвета, хорошего качества, изготовленная из хорошо отмученной глины без примесей.

Лепная керамика, аналогичная зарафшанской, есть в музеях Самарканда и Бухары. Она датируется археологами Средней Азии III тысячелетием до н. э. и относится к тазабагыябской культуре эпохи бронзы.

¹ Весь материал передан в горком КПСС г. Зарафшана для будущего городского музея.

ПОСЕЛЕНИЯ С ЛИНЕЙНО-НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ В БАССЕЙНЕ р. ТОБОЛ

Впервые комплекс находок с линейно-накольчатой керамикой был выявлен К. В. Сальниковым при раскопках поселения Боборыкино II на р. Исети в окрестностях г. Шадринска. Особенности керамики и каменного инвентаря, а также стратиграфические данные позволили ученому выделить раннебронзовый этап в Южном Зауралье и датировать его рубежом III и II тысячелетий до н. э.¹ Инвентарь боборыкинской культуры составляет плоскодонная посуда, украшенная геометрическими узорами преимущественно в верхней части. Характерна прочерченно-накольчатая техника исполнения узора, при полном отсутствии орнаментации гребенчатым штампом, свойственным для керамики лесного Зауралья. Каменный инвентарь, по мнению исследователя, также оказался своеобразным и отличался микролитичностью. Характерны пластины со скошенным притупленной ретушью краем и пластинки с выемкой, а также скребки на отщепах. К. В. Сальников полагал, что боборыкинская культура принадлежит пришлому населению и сложилась в более южных районах, но на базе родственной зауральскому неолиту.

Позднее к боборыкинской проблеме неоднократно обращалась Л. Я. Крижевская, однако по-прежнему анализировался материал фактически одного поселения боборыкинского типа. По мнению последней, типологически боборыкинское поселение наиболее близко стоянке Кошкино V на р. Тобол, Кокую II и Одино на р. Ишим. «Являясь в определенной мере своеобразными, боборыкинские памятники в то же время входят, на наш взгляд, в более широкий круг родственных памятников Обь-Иртышского бассейна, имеющих общую неолитическую подоснову»². Л. Я. Крижевская приходит к выводу, что боборыкинская культура сформировалась в Ишимско-Иртышском бассейне, западная граница ее проходит по Исети и Тоболу. Объединение в один круг совершенно различных памятников Боборыкино II и Одино, еще в большей степени уводит нас от решения таких важных вопросов, как происхождение и территория распространения боборыкинской культуры.

Керамика со стоянки Кошкино V (Белозерский район Курганской обл.) действительно близка боборыкинской, в то же время Л. Я. Крижевская допускает более раннее время для ее существования. В керамике кошкинского типа больше неолитоидных черт: сохраняется наплыв на внутренней стороне венчика, характерен волнистый узор при отсутствии сложных геометрических, в большей степени использовался прием «отступающей палочки» в орнаментации посуды. Многолетние раскопки уральских археологов и экспедиции Курганского пединститута под руководством Т. М. Потемкиной в районе Нижнего и Среднего Притоболя подтвердили мнение о существовании двух типов керамики с линейно-накольчатым орнаментом: кошкинского и боборыкинского, которые, видимо, генетически связаны между собой и второй из которых является более поздним³.

Памятники кошкинского типа представлены стоянками и поселениями, среди которых есть и чистые комплексы жилищ. Наиболее северными являются памятники на Андреевском озере у г. Тюмени. Они расположены на боровой террасе южного берега и занимают невысокие (до 2 м) всхолмления или песчаные дюны. Раскопано четыре жилища с керамикой кошкинского типа. Все они имеют подпрямоугольную в плане форму. Одно жилище (8×8 м) исследовано в 1975 г. под руководством В. Д. Викторовой⁴, другое — на участке XV (6×6,4 м) в 1976 г. под руководством В. Т. Ковалевой и Н. В. Баранкина⁵.

На левом берегу Тобола исследованы стоянка Кошкино V, расположенная на первой надпойменной террасе у д. Кошкино⁶, и поселение Охотино, расположенное в 1 км к северу от д. Охотино (Белозерский район Курганской обл.)⁷⁻⁸. На стоянке Кошкино V обнаружен однородный комплекс керамики и единичные изделия из камня. Поселение Охотино является также однослойным памятником, причем культурный слой толщиной 30—35 см залегает под мощным слоем плотного грунта. Находки представлены изделиями из камня и керамикой, большая часть которой орнаментирована гребенчатым штампом (поздний неолит), вместе с ней присутствует керамика с линейно-накольчатый орнаментом — кошкинского типа. На правом берегу Тобола керамика кошкинского типа найдена на поселении Ново-Шадрино 1 (Упоровский район Тюменской обл.), расположенном на мысовидной дюне второй надпойменной террасы, на поселении Лисья Гора (в 8 км к юго-западу от г. Кургана) и Усть-Суерской II стоянке (Белозерский район), расположенной на первой надпойменной террасе в 7 км к востоку от с. Усть-Суерское⁹. Самые южные памятники с керамикой этого типа расположены на юге Курганской обл., на границе с Северным Казахстаном. Это стоянки Убаган I, III, VII и другие, расположенные на высоком обрывистом берегу р. Убаган при впадении ее в Тобол¹⁰.

Керамика кошкинского типа изготовлена из глиняного теста с примесью песка и памота. Поверхность его тщательно заглажена, иногда черепки имеют красноватый оттенок. Толщина стенок от 0,5 до 1,2 см. По форме это круглодонные сосуды с прямыми или наклонными внутренними стенками, встречаются и сосуды с плоским дном (рис. 1, 6, 8). Венчики у большинства сосудов округлые или уплощенные, у некоторых имеется наплыв с внутренней стороны (рис. 2, 14), с внешней иногда имеется скос или воротничок. Орнамент на посуде выполнен исключительно палочкой с заостренным концом по методу «отступающей палочки» — более 50% всех узоров (рис. 1, 1—4), путем прочерчивания — около 30% и ямочных наколов — около 20%. Для большинства сосудов этого типа характерна сильная разреженность узора, простота его. Из элементов узора преобладают горизонтальные линии — до 50% всех узоров, волна — около 30%, наклонные и вертикальные линии. Более сложный узор, состоящий из треугольных зон, вертикальных столбиков, встречается единично.

Вместе с этой керамикой на поселениях встречаются немногочисленные изделия из камня. Наиболее полное представление о наборе каменных орудий для памятников этого типа дает жилищный комплекс поселения на участке XV Андреевского озера. Жилище оказалось хорошей сохранности, культурный слой ничем не нарушен, в заполнении котлована найдены орудия, изготовленные на пластинах из светло-серого и розового кремня, кварцита, туфопорфирита. Это наконечник стрелы подтреугольной формы с черепком (рис. 2, 1), острие со стороны брюшка обработано ретушью. Две провертки, одна из них сломана по острию (рис. 2, 2), а вторая — с асимметричным вытянутым жалом, оформленным притупляющей ретушью по правому краю, напоминает пластину со скошенным краем (рис. 2, 3); скребки, большинство которых изготовлено на отщепях (рис. 2, 9) и два — на пластинах (рис. 2, 5, 6); вкладышевые орудия (рис. 2, 10, 11), ножи на длинных пластинах (рис. 2, 13).

Памятники боборыкинского типа локализируются на той же территории; часто на стоянках со смешанным слоем керамика кошкинского и боборыкинского типов встречается вместе (Ново-Шадрино 1, Лисья Гора, Усть-Суерская II стоянка и др.). Только в одном случае — на участке XV Андреевского озера — жилище боборыкинского типа прорезало кошкинское, что позволило зафиксировать более ранний возраст последнего. Кроме того, памятники боборыкинского типа известны в бассейне р. Иски (Нижне-Тавдинский район Тюменской обл.) по раскопкам М. Ф. Косарева — поселение Байрык 1 Д, Байрык VI и др.¹¹ На Андреевском озере раскопано около 20 жилищ боборыкинского типа,

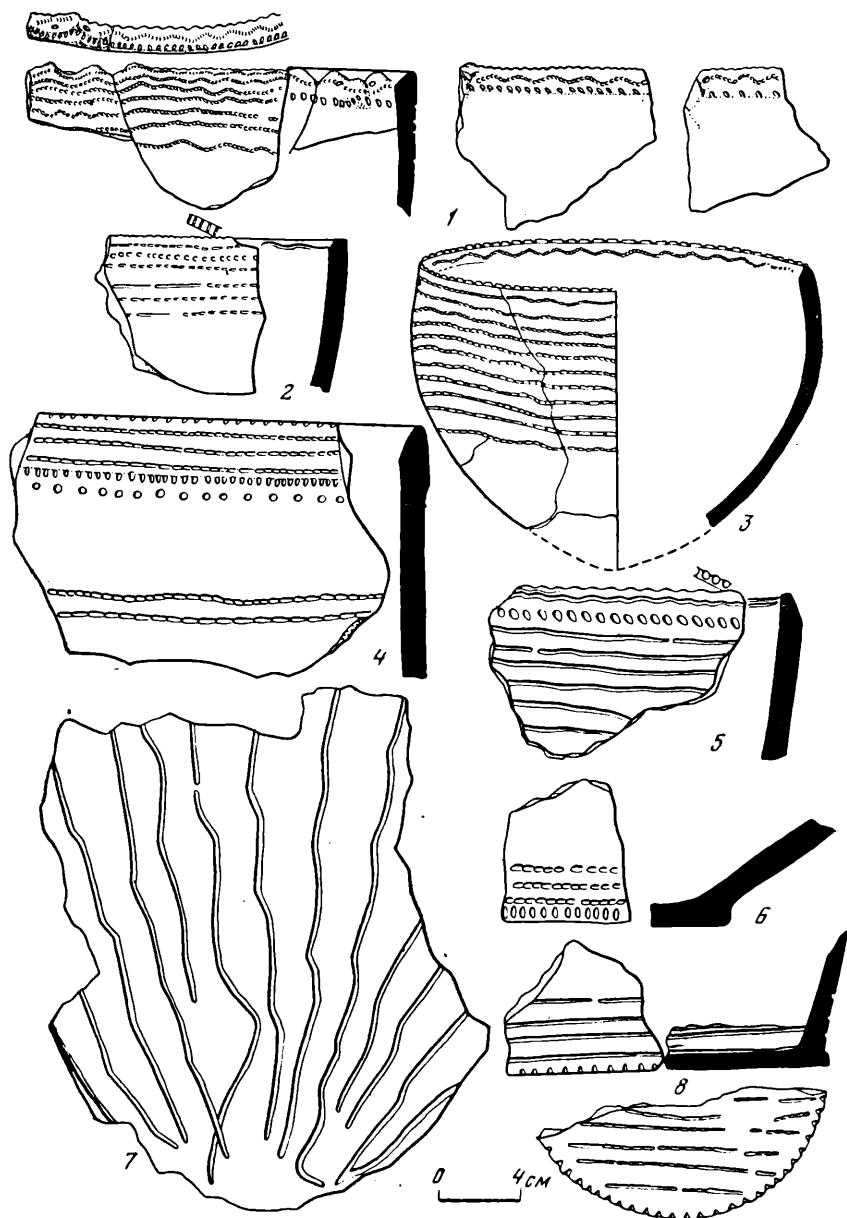

Рис. 1. Керамика кошкинского типа

1, 2, 4—8 — Андреевское озеро; 3 — поселение Лисья Гора

два жилища на поселении Боборыкино II (раскопки К. В. Сальникова в 1958 г.), жилище на поселении Ташково 1 (бассейн р. Исеть) в Каргапольском районе Курганской обл. (раскопки свердловских археологов в 1977 г.). Большинство жилищ имеют подчетыреугольную в плане форму, но известны и жилища, имеющие овальную или многоугольную форму котлованов¹².

Посуда боборыкинского типа довольно разнообразна как по форме, так и по орнаментации. По-видимому, преобладают плоскодонные горшки и банки, но встречаются сосуды остро- и круглодонные. Плоские днища имеют по краям своеобразный наплав (рис. 3). Орнамент выполнялся тем же инструментом — палочкой с округлым концом, но преобладают прочерченные узоры — до 50%, «отступающей палочкой» — не более 20% и ямочными вдавлениями — до 30%. На большинстве сосудов узор рас-

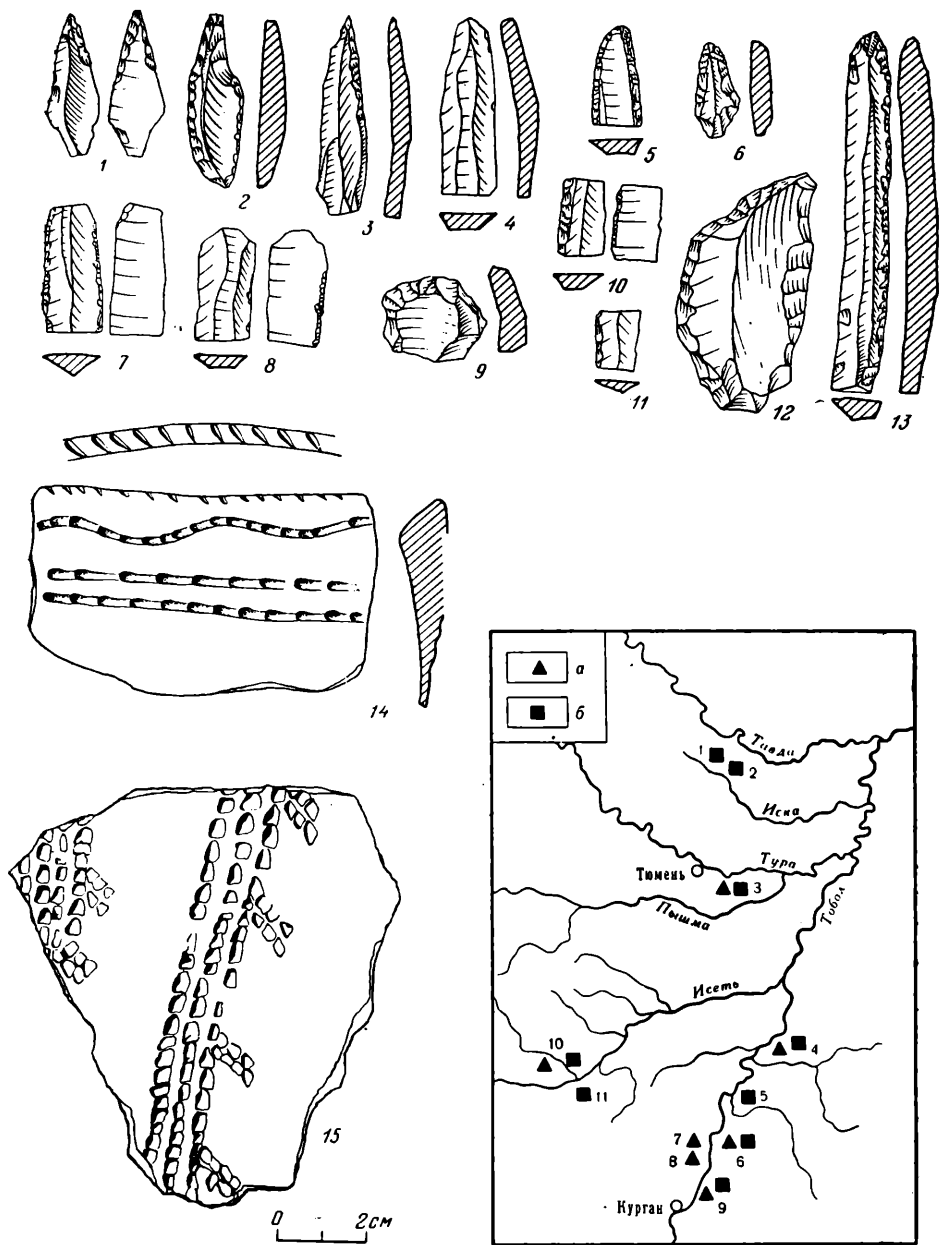

Рис. 2. Поселения с линейно-накольчатой керамикой

1—13 — каменные изделия; 14 — фрагмент сосуда, стоянка Усть-Суерская II; 15 — фрагмент сосуда боборыкинского типа, Андреевское озеро; 16 — схема расположения основных памятников: а, — кошкинского типа, б — боборыкинского типа
 1 — Байрык I; 2 — Байрык IV; 3 — Андреевское озеро; 4 — Ново-Шадринская 1; 5 — Вороний мыс; 6 — Усть-Суерская II; 7 — Кошкино V; 8 — Охотино; 9 — Лисья Гора; 10 — Боборыкино II; 11 — Ташково 1

полагается только в верхней и придонных частях. Есть сосуды и без орнамента или с одним горизонтальным пояском из ямочных вдавлений и с насечками по верхнему краю. Лишь на нескольких сосудах узор спускается до дна. Из элементов узора преобладают горизонтальные линии и различные комбинации из них (например, сгруппированные по несколько штук). Они составляют до 50% всех узоров, волнистые линии составляют около 10%, зигзаги — 30%. Остальные 10% составляют такие более редкие и сложные элементы, как ромбическая сетка, тре-

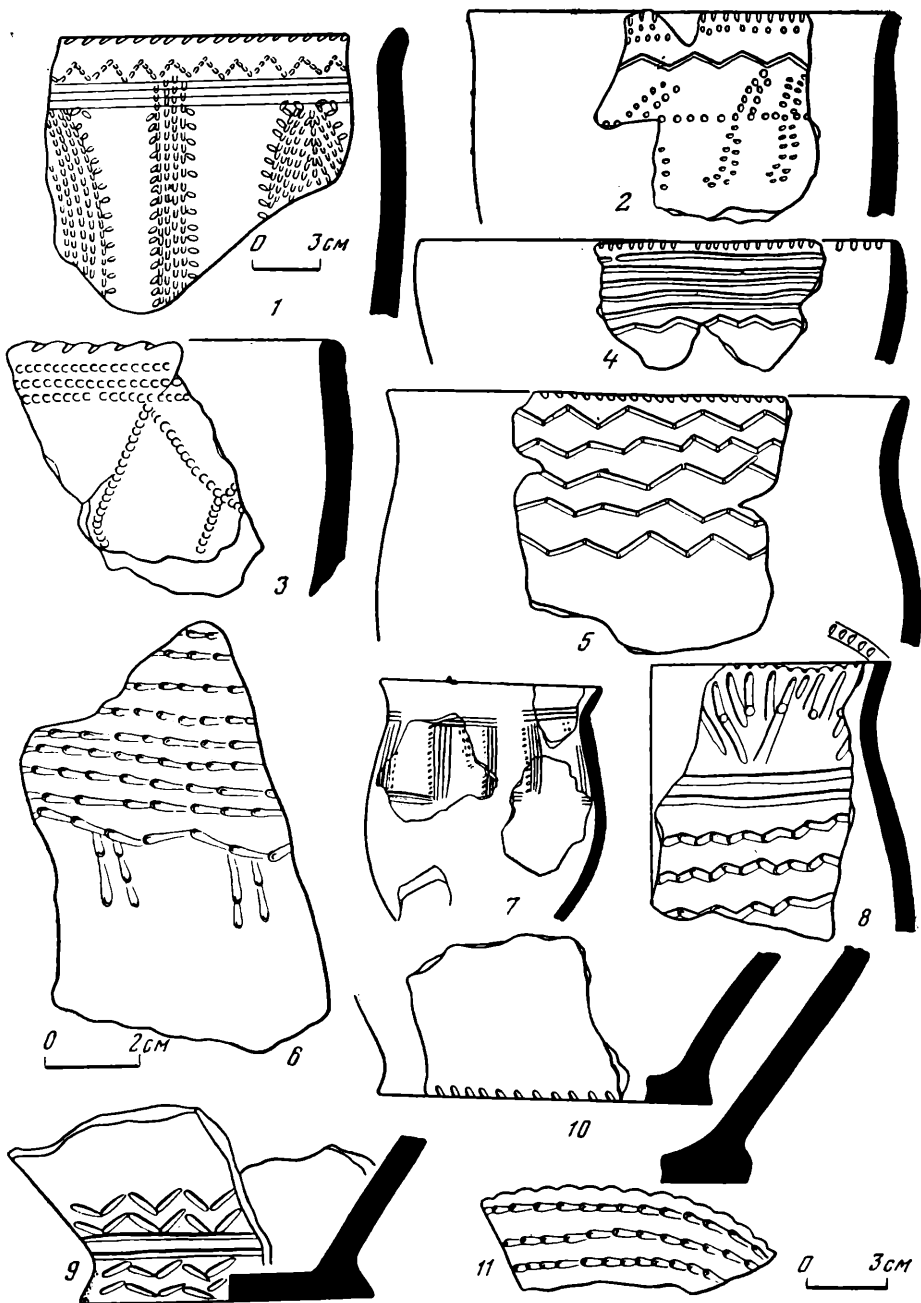

Рис. 3. Керамика боборыкинского типа

1 — поселение Ново-Шадрино I; 2—5, 8, 9 — Андреевское озеро; 6, 11 — Лисья Гора; 7 — сосуд сероглазовской культуры Северного Прикаспия; 10 — Усть-Суерская II стоянка

угольники, ромбы, наклонные линии, взаимопроникающие треугольные зоны и др. Каменные орудия из боборыкинских жилищ выполнены на пластинах и представлены наконечниками стрел, скребками, встречаются резцы и резчики, ножи, проколки, сверла, шлифованные орудия (топоры, тесла).

Описанные выше два типа керамики имеют много общего. Для них характерны одни и те же приемы орнаментации без применения гребенчатого штампа, но для более раннего из них характерно преобладание приема «отступающей палочки», а для боборыкинского — прочерченных

узоров. Композиция орнамента на посуде того и другого типов довольно проста, узоры разрежены и состоят из небольшого количества элементов. На кошкинской посуде больше волнистых линий, взаимопроникающих треугольных зон, а на боборыкинской появляются зигзаги, ромбы и ромбическая сетка, иногда довольно сложный узор в виде вытянутых треугольников или вертикальных столбиков, обрамленных бахромой (рис. 3, 1), разветвленных столбиков (рис. 2, 15) и др. Различия же их наблюдаются в форме. Для кошкинского типа характерны остро- и круглодонные сосуды с прямыми стенками, иногда сохранение наплыва на внутренней стороне венчика. Плоскодонные сосуды только появляются. Для боборыкинской керамики характерно разнообразие форм, но преобладает плоскодонная, хорошо профилированная посуда. Технику орнамента и композицию узоров можно считать преемственной — от более ранней кошкинской к более поздней боборыкинской. Постепенно исчезают волнистые линии, отмирает прием орнамента «отступающей палочкой», основной особенностью орнамента становится довольно развитой геометризм. Типологические и стратиграфические данные позволяют считать боборыкинские комплексы более поздними, но в то же время генетически близкими кошкиским.

Вопрос о месте описанных комплексов среди культур Зауралья остается по-прежнему проблематичным. Ранее было высказано мнение, что керамику кошкинского типа можно отнести к заключительному этапу неолита Зауралья¹³. Однако анализ керамических комплексов позднего неолита и энеолита убеждает в том, что для собственно зауральской керамики нехарактерна сильная разреженность узора в сочетании с плоским дном. Следует также заметить, что на заключительном этапе неолита для Среднего Зауралья были характерны две орнаментальные традиции: гребенчатая, которая резко преобладает на всех памятниках, и линейно-прочерченная — это орнамент, выполненный прочерчиванием округлой палочкой, раздвоенной палочкой или нанесенный двузубым штампом.

Н. П. Кипарисова, характеризуя поздненеолитическую керамику Среднего Зауралья, выделила два типа: с гребенчатым орнаментом и волнисто-прочерченным, причем волнистые линии, выполненные прочерчиванием палочкой, никогда не сочетаются с оттисками гребенки¹⁴. Эту же особенность отметили В. Ф. Старков для северных стоянок Зауралья¹⁵, а Л. Я. Крижевская — для Миасского Приозерья¹⁶. В то же время на позднем этапе зауральского неолита прием орнамента «отступающей палочкой» совершенно нехарактерен.

Отсутствие стратиграфических данных и абсолютных дат не позволяет нам решить вопрос о соотношении памятников кошкинского и сосновоостровского типов. Возможно, на позднем этапе неолита параллельно существовали две различные традиции в орнаментации посуды, которые развивались преемственно по отношению к развитому неолиту Зауралья, сочетающую орнаментацию гребенчатым штампом с прочерченной и отступающей техникой. В керамике кошкинского типа можно отметить целый ряд признаков, сближающих ее с керамикой развитого неолита Зауралья. Это техника нанесения, элементы и композиция узоров, сохранение наплыва на внутренней стороне венчика, рельефное изображение медведя и др. Появление же плоского дна можно объяснить влиянием юга. Однако не исключено, что памятники кошкинского типа оставлены пришлым населением. Локализация их вдоль основной магистрали — р. Тобол, связывающей лесные и степные племена, подтверждает эту точку зрения.

Возможно, поселения с линейно-накольчатой керамикой появляются в самом конце неолита и некоторое время сосуществуют с поселениями сосновоостровского типа, постепенно вытесняя их. Наибольшее сходство, на наш взгляд, керамика кошкинского типа имеет с кельтеминарской, керамикой культуры Бекбеке, выявленной на территории Восточного Прикаспия¹⁷.

Керамика боборыкинского типа сформировалась на базе кошкинской, в то же время связи с южными районами, по-видимому, еще более усиливаются. Если керамика боборыкинского типа не имеет аналогий в комплексах Зауралья и Западной Сибири, то с керамикой сероглазовской культуры северных районов Прикаспия она имеет некоторое сходство (рис. 3, 1, 7). Для сероглазовской керамики, как и для боборыкинской, характерна орнаментация сосудов по верхней половине различным по композиции геометрическим узором, который нанесен прочерчиванием, наколом и приемом «отступающей лопаточки»¹⁸.

Многokrатные стратиграфические наблюдения не позволяют датировать боборыкинские комплексы временем позднее рубежа III и II тысячелетий до н. э. или даже концом III тысячелетия до н. э. В то же время они являются более поздними, чем памятники Северо-Восточного Прикаспия, на которых керамика с линейно-накольчатый орнаментом встречается в сочетании с микролитическим каменным инвентарем.

Таким образом, исследование памятников с линейно-накольчатый орнаментом в Притоболье позволяет очертить территорию боборыкинской культуры. Видимо, можно считать кошкинские комплексы более ранним ее этапом. Происхождение этой культуры, вероятно, связано с миграцией населения из южных районов, в частности Северного Прикаспия. Вопрос о роли зауральского населения в сложении боборыкинской культуры предстоит еще решить.

Формирование в Зауралье новых культур в переходное время от неолита к бронзовому веку говорит о сложных экономических и этнических процессах. Это время характеризуется значительным прогрессом в развитии производительных сил, более интенсивными становятся традиционные формы занятий — охота и рыболовство, возможно, именно в это время появляются зачатки производящей экономики: скотоводство, металлургия. Происходит этническая дифференциация населения, более интенсивно осуществляются связи с населением других районов, особенно южных, увеличивается плотность населения, усложняется социальная организация общества.

¹ Сальников К. В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. — КСИА, 1961, вып. 85; *Он же*. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. — СА, 1961, № 2; *Он же*. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. — АЭБ. Уфа, 1962, т. 1.

² Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977, с. 94.

³ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры. — В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.

⁴ Викторова В. Д. Раскопки по берегам Андреевского озера. — АО 1975 г. М., 1976.

⁵ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. Новые памятники на оз. Андреевском. — АО 1976 г. М., 1977.

⁶ Крижевская Л. Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, вып. 3, с. 155—156.

⁷⁻⁸ Потемкина Т. М. Отчет об археологических разведках на территории Курганской обл. в 1966 году. — Архив ИА АН СССР, № 3370.

⁹ Потемкина Т. М. Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской обл. в 1970 году. — Архив ИА АН СССР, № 4189, 4189а.

¹⁰ Потемкина Т. М. Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской обл. в 1973 году. — Архив ИА АН СССР, № 4999.

¹¹ Косарев М. Ф. Отчет о полевых работах Западносибирской экспедиции Института археологии АН СССР летом 1973 года. — Архив ИА АН СССР, № 5214.

¹² Ковалева В. Т. Боборыкинское поселение. — АО 1975 г. М., 1976; *Александренко Н. А., Викторова В. Д., Панина С. Н.* Раскопки жилищ на IX и XII участках южного берега Андреевского озера. — АО 1975 г. М., 1976.

¹³ Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры, с. 28—29.

¹⁴ Кипарисова Н. П. О культурах лесного Зауралья. — СА, 1960, № 2, с. 11.

¹⁵ Старков В. Ф. Неолитические памятники Нижнего Приобья. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 157.

¹⁶ Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968, с. 124.

¹⁷ Крижевская Л. Я. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия. — МИА, 1972, № 185.

¹⁸ Мелентьев А. Н. Памятники сероглазовской культуры. — КСИА, 1975, вып. 141.

СТОЯНКА МАЛЫЙ БАРАШЕК I В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

В 1974 г. Западносибирской экспедицией Института археологии АН СССР во время работ в Нижнетавдинском районе Тюменской обл. была частично раскопана стоянка Малый Барашек I. Она располагалась на одном из островов оз. Шапкуль, в его заболоченной части. Остров довольно узкий, шириной до 500 м, вытянут в длину на 1,5 км. Положение стоянки приурочено к наиболее пониженному участку суходола, где берег незаметно сливается с поверхностью болота. Здесь прослеживается шесть жилищных впадин диаметром от 7 до 15 м и глубиной от 0,7 до 1 м. Они группируются на площади 64×36 м, что, вероятно, соответствует размерам поселения. Стоянка сильно заросла деревьями, кустарником и подлеском, причем преобладают деревья крупных размеров. Это в значительной мере затруднило раскопки и не позволило изучить памятник с максимальной полнотой.

Раскопками вскрыто одно из жилищ, располагавшееся на самом краю берега. Мощность культурного слоя достигает в этом месте 85—90 см, доходя в отдельных случаях до 1—1,5 м. Четкие очертания жилища в виде контура темноокрашенных углистых остатков сгоревших стен шириной от 25 до 125 см обозначились на глубине 70 см. На глубине 80 см эти контуры стали более широкими (до 2,25 м) и не столь яркими. Не исключено, что это остатки нар. Жилище имело прямоугольную форму длиной примерно 8 м и шириной не менее 6 м и было опущено в материк на 0,5 м.

Перекрывавший жилище культурный слой имел бурю окраску и был насыщен остатками костров. По составу находок он значительно отличался от комплекса жилища. Последний характеризуется очень выразительной керамикой шапкульского типа периода энеолита. Она представлена тонкостенными хорошо обожженными сосудами с приотстренными донцами и слегка отогнутыми наружу венчиками. Примесь теста — мелкий песок. Основная особенность орнамента керамики шапкульского типа заключается в применении миниатюрного (обычно трехзубого) гребенчатого штампа, которым наносились наколы («отступающий штамп»), по виду близко напоминающие так называемый ложный шнур липчинской керамики. Сами узоры также близки липчинским. Среди них имеются взаимопроникающие треугольники (рис. 1, 1—3), чередующиеся зоны полых и заштрихованных геометрических фигур, ряды прямых и ломаных линий и др. Небольшая часть керамики украшена прямыми отпечатками мелкого гребенчатого штампа, а также ложношнуровым орнаментом, правда несколько иного вида, чем на липчинской керамике. Характерным элементом орнамента является вертикальный и горизонтальный разделительный поясок в виде «змейки» или рядов мелких овальных ямок.

Керамика других типов в заполнении жилища практически отсутствует за исключением 40 фрагментов тонкостенных сосудов с отогнутыми венчиками и слегка намеченной шейкой. Керамика орнаментирована рядами наклонных отпечатков узкого гребенчатого штампа, на шейке и тулове — пояски из мелких ямок (рис. 1, 4). Керамика имеет поздний облик, и ее появление в жилище энеолитического времени может быть объяснено тем, что она помещалась в яме, прорезавшей культурный слой от самого верха. Аналогичная керамика в виде 11 фрагментов одного сосуда была найдена в верхних слоях поселения.

Слои, непосредственно перекрывавшие жилище, характеризуются присутствием следующих керамических групп.

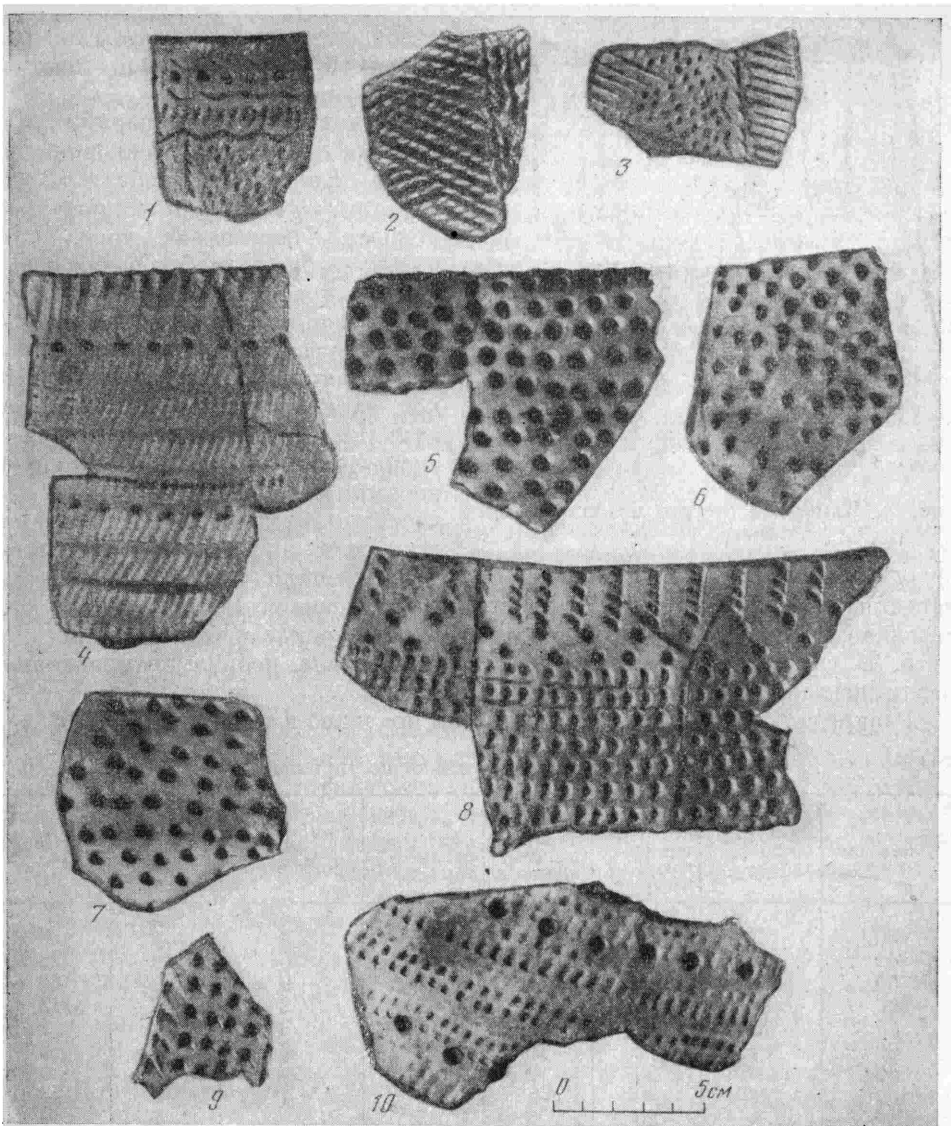

Рис. 1. Керамика стоянки Малый Барашек I (1—10)

1. Остродонная керамика с ямочным орнаментом. Сосуды украшены сплошь рядами круглых ямок, употребление гребенчатого штампа не зафиксировано (рис. 1, 5—7).

2. Толстостенная керамика с прямыми венчиками и слегка раздутым туловом (донца не обнаружены), украшенная глубокими вдавлениями полулунного штампа и рядами ямок на шейке и тулове (рис. 1, 8). По типу нанесения орнамента керамика близка керамике с ямочной орнаментацией.

3. Прямостенная керамика со слегка отогнутыми наружу и приостренными венчиками (донца не обнаружены), украшенная гребенчато-ямочной орнаментацией. Орнамент довольно прост, он заключается в монотонном чередовании зон ямок (в два или три ряда) и поясков, составленных из наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Преобладают ямки ромбической или треугольной формы. В последнем случае ямки нанесены широкой заостренной палочкой и имеют вид глубоких наколов (рис. 1, 9).

4. Плоскодонная керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией (рис. 1, 10). Керамика украшена рядами вертикальных или наклонных

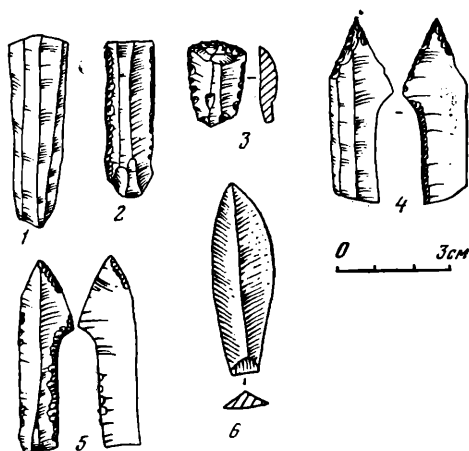

Рис. 2. Каменные орудия из заполнения жилища (1—6)

отпечатков гребенчатого штампа, поверх которых нанесены пояски из круглых ямок.

Положение этой керамики в слое не совсем ясно: основная ее масса залегала на глубине 70 см вместе с ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой, хотя, судя по форме, она является более поздней. Одновременность этих трех типов керамики не подтверждается другими данными. В частности, ряд однослойных памятников, таких, как Шапкуль VI, Ипкуль IX, содержали только плоскодонную гребенчато-ямочную керамику. Близкая керамика известна и в Прииртышье, где она встречается в верхних слоях стоянки Бичили I. Особенности залегания этой керамики на стоянке Малый Барашек I свидетельствуют, вероятно, о некоторой смешанности слоев, перекрывавших жилище.

5. В самом веру культурного слоя залегала неорнаментированная керамика периода позднего железного века.

Распределение керамики по глубинам показано в таблице.

Распространение керамики по глубинам

Глубина, см	Шапкульского типа	Тонкостенная гребенчато-ямочная	С полулунными вдавлениями	С ямочным орнаментом	С ямочно-гребенчатым орнаментом	Гребенчато-ямочная плоскодонная	Без орнамента
30	7	2	2	2	3	2	30
40	20	3	5	7	15	1	28
50	32	6	7	27	9	7	20
60	25	3	23	13	2	1	13
70	75	3	19	15	3	85	1
80	97	2	10	9	2	1	3
90	78	20	2	1	—	1	—
100	21	—	—	2	1	—	—
Свыше 100	58	20	7	3	—	5	—
Всего	413	59	75	79	35	103	95

Почти все каменные изделия связаны с заполнением жилища. Они изготовлены из различных пород камня: яшмы, песчаника, зеленокаменной породы и талька.

Из яшмы изготовлены две ножевидные пластинки без ретуши (рис. 2, 1), три пластинки с односторонней ретушью (рис. 2, 2), концевой скребок на коротком сечении пластинки с крутой высокой ретушью на рабочем конце (рис. 2, 3) и два наконечника стрел с боковыми выемками.

Оба наконечника довольно массивные, вытянутые. Один из них изготовлен на широкой ножевидной пластинке неправильного трапециевидного сечения (рис. 2, 4). Длина его 5 см, ширина у пипа 1,8 см, ширина черешка 1,3 см, длина черешка 2,5 см. Черешок обработан мелкой односторонней ретушью со стороны брюшка, а острие — частичной двусторонней ретушью. Торцевая часть черешка не имеет обработки ретушью. Второй наконечник изготовлен на длинной пластинке треугольного сечения. Длина его 5 см, длина черешка 3 см, ширина пипа 1,5 см, ширина черешка 1,1 см. Черешок обработан односторонней ретушью со стороны спинки, а острие — мелкой противоположащей ретушью. Торцевая часть черешка не имеет обработки ретушью (рис. 2, 5).

Из зеленокаменной породы сделана заготовка шлифованного наконечника стрелы (?) (рис. 2, б), из мелкозернистого песчаника — два небольших точильца, а из талька — фрагмент какого-то орудия в виде стерженька с частыми кольцевыми канавками. Помимо этого, в жилище было найдено два яшмовых и три зеленокаменных отщепа.

Вообще каменный инвентарь жилища стоянки Малый Барашек I характеризуется ярко выраженной пластинчатой яшмовой индустрией, что, видимо, присуще для шапкульских стоянок Нижнего Притоболья и что является выражением традиции этого региона, идущей еще от времени развитого неолита.

В слоях, перекрывавших жилище, найдены две ножевидные пластинки без ретуши (яшма), пластинка с краевой односторонней ретушью (яшма), нож на ножевидной пластинке (яшма), скребок на отщепа и семь отщепов без обработки (четыре яшмовых и три зеленокаменных). Помимо этого, на глубине 30—60 см обнаружено 15 керамических рыболовных грузил, сохранившихся в виде фрагментов. Они имели сигаровидную форму с бортиками на концах.

Переходя к общим выводам, отметим, что, несмотря на некоторую перемешанность верхних слоев, основной вывод по памятнику ясен: остродонная ямочная и гребенчато-ямочная керамика залегала выше керамики шапкульского типа. Вполне вероятно, что эти три группы керамики существовали в эпоху раннего металла: шапкульская керамика — в период энеолита, а ямочная и ямочно-гребенчатая — ранней бронзы.

Публикуя ямочную и ямочно-гребенчатую керамику (в том числе и с полудунными вдавлениями) стоянки Ипкуль I, авторы статьи указывают, что она залегала вместе с керамикой липчинского типа, которую мы обычно связываем с периодом энеолита.¹ Можно допустить, что липчинская культура, какое-то время существовавшая одновременно с шапкульской, в конце периода продвинулась в район Притоболья, где вступила в контакт с культурой ямочной и ямочно-гребенчатой керамики.

¹ Косарев М. Ф., Потемкина Т. М. Поселение Ипкуль I. — СА, 1975, № 4, с. 177.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

АФАНАСЬЕВСКИЙ КУРГАН У с. ВОСТОЧНОГО НА ЕНИСЕЕ

Среди могил афанасьевской культуры встречаются как индивидуальные, так и коллективные. Последние редки на Алтае, но в Минусинских степях составляют около 30% по отношению к индивидуальным, содержащим погребения взрослых людей и подростков старше десятилетнего возраста. Как правило, коллективные могилы являются центральными в ограде. В них захоронено от двух до девяти человек. Совершены они одновременно, доказательством чего является размещение костяков в яме и расположение вещей. При большом количестве погребенных их укладывали по всему дну ямы тесно, почти вплоты, но без смещения одного другим (Афанасьева гора, могилы 24, 41; Сыда I, ограда 4, могила 2; Черновая VI, ограда 4, могила 2). При меньшем их укладывали в одной половине ямы, а вещи ставили для всех в другой (Афанасьева гора, могила 6; Карасук III, ограда 1, могила 1, ограда 2, могилы 1, 2; Тесь II, ограда 10; Сергов улус 1965 г.; Красный яр I, ограды 7, 8). Подобное расположение вещей как бы свидетельствует о равноправии погребенных. Поэтому коллективные могилы принято рассматривать не как усыпальницы каких-либо особых лиц с сопровождающими их подчиненными или членами семьи, а как могилы типа братских, куда хоронили одновременно несколько умерших, возможно членов одного рода¹. Ни коллектив-

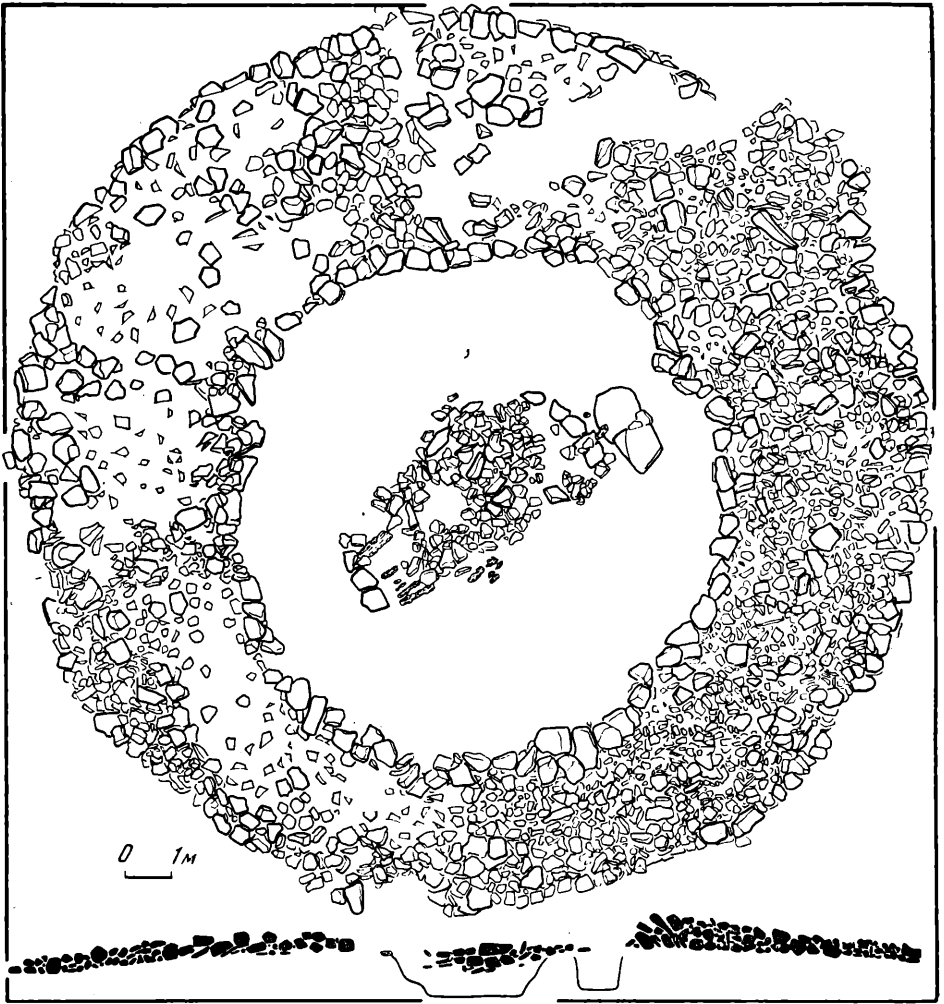
ные, ни индивидуальные могилы, не отражают отчетливого имущественного неравенства между погребенными. Однако это еще не говорит об однородности афанасьевского общества, поскольку в первобытных обществах социальное начало превалировало над экономическим, а социальные связи играли большую роль, чем имущественное неравенство, бывшее функцией социального². Анализ всех раскопанных в Минусинских степях афанасьевских могильников показывает, что социальное расслоение в этом обществе, видимо, уже началось. Критериями здесь может служить само наличие инвентаря, число сосудов с пищей, размеры погребальных камер, наконец, находки ритуальных сосудов — курильниц или круглых корчаг, употреблявшихся, очевидно, для общественных трапез. Но и курильницы, и корчаги найдены не только в индивидуальных, но и в коллективных могилах, где похоронены «равноправные» члены рода и никаких особенностей, говорящих о привилегированности одного из погребенных, не наблюдается. Последнее обстоятельство заставило нас лишь крайне осторожно и предположительно говорить о возможности зарождения у афанасьевских племен функциональной дифференциации и начале разграничения культовой и «светской» власти³. Раскопанный автором в 1976 г. курган у с. Восточного на Енисее подтверждает наличие социального неравенства у афанасьевцев и делает эти предположения более обоснованными.

На правом берегу Красноярского водохранилища, между горами Тураном и Тепсеем, в 3 км от нового села Восточного находится большой каменный курган. Вблизи нет других памятников, да и сам курган до затопления местности был перекрыт землей и выглядел естественным холмом. После образования водохранилища курган оказался на берегу залива, ежегодно в летние месяцы заполнявшегося водой. Через несколько сезонов вода смыла земляной холм, под которым оголилась каменная насыпь значительных размеров.

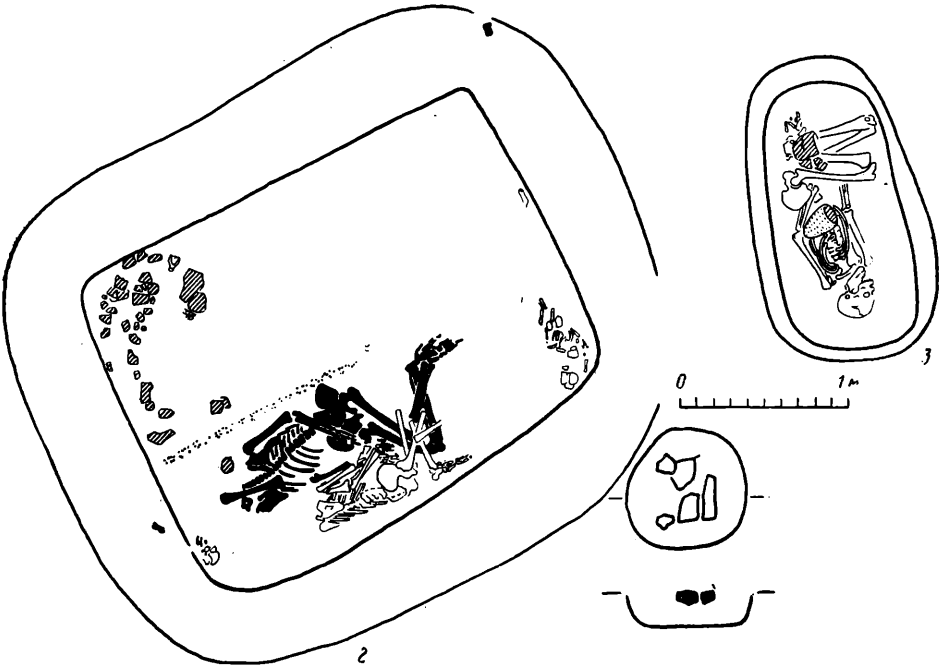
Курган представлял собой широкую ограду-кольцо, внутри которой были сооружены две могилы. Сохранившаяся часть ограды, наибольшей высотой 55—70 см, сложена из двух—пяти массивных необработанных камней и блоков средними размерами 70×40×20 см. Выше этого основания ограда, очевидно, первоначально была надстроена ровными плитами песчаника, валявшимися вокруг нее в виде развала. Первоначальная высота ограды достигала не менее 2 м, внешний ее диаметр 20 м, ширина 4,5—5 м. Обе стенки (внешняя и внутренняя) сложены из ровно подогнанных плит, кольцо между ними заполнено беспорядочно набросанными камнями разного размера и формы (рис. 1). Пространство внутри ограды было выложено камнями в несколько рядов, а сверху облицовано черепицеобразно уложенными плитами. Отдельные участки каменного купола сохранились близ северо-восточной и юго-западной стенок.

Могила 1 была расположена почти в центре ограды. Она представляла собой обширную грунтовую яму глубиной 95—100 см от древней поверхности, с неровными пологими стенками. Размеры ямы по верху 370×310 см, по низу 270×205 см. Ориентирована она длинными сторонами по линии запад—юго-запад—восток—северо-восток. Дно неровное. Яма была перекрыта бревнами, положенными вдоль ее длинных стенок на уровне древней поверхности и закрывающими не только яму, но и ее борта на длину до 1,5 м. Концы бревен были обложены большими плоскими плитами. Поверх бревенчатого покрытия лежали камни развалившегося надмогильного сооружения (рис. 2). На северо-западной части покрытия, под камнями, на бревнах, найдена черепная крышка косули. В заполнении ямы на разных глубинах в северной половине встречены кости косули (часть голени, две правые фаланги разных ног, скакательный сустав), зайца (часть бедра), птицы (лучевая кость), а также фрагменты афанасьевской керамики. На дне ямы в южной половине лежали скелеты двух взрослых людей и двух младенцев, а в северной были раз-

Рис. 1. Планы ограды-кольца у с. Восточного (1) и могил 1 и 2 (2, 3)

1

2

Рис. 1.

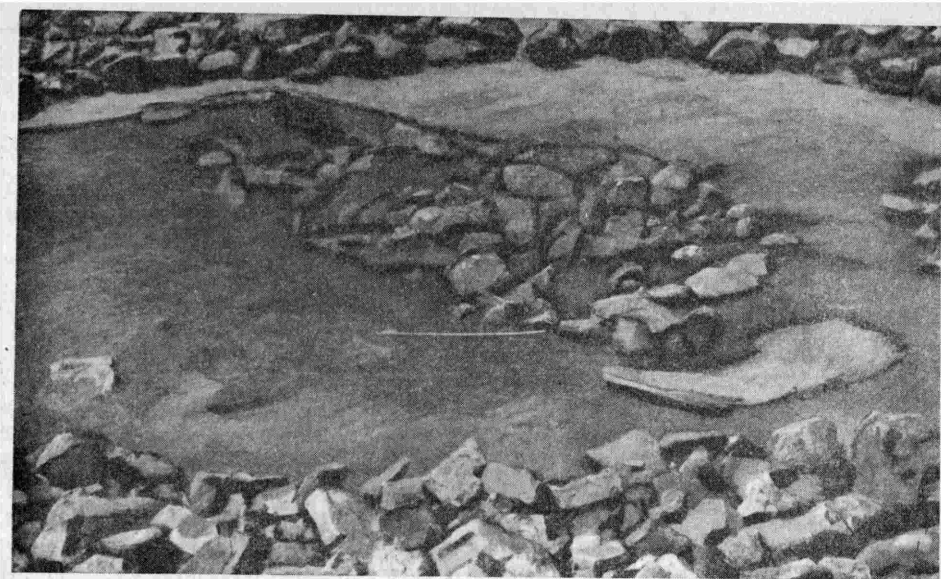

Рис. 2. Остатки надмогильных сооружений: камни поверх бревен, закрывавших могилу 1, и плита покрытия могилы 2

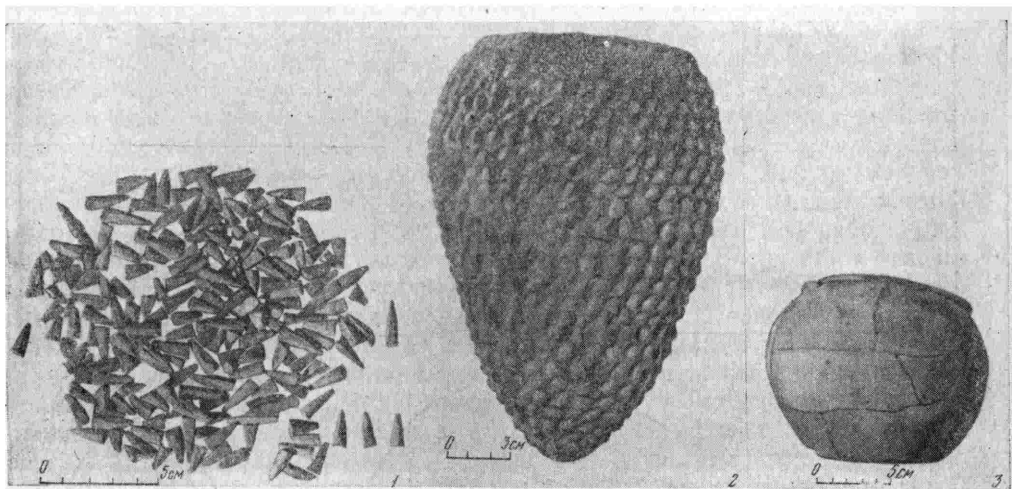

Рис. 3. Роговые стерженьки-гвоздики из могилы 1 (1) и сосуды из могилы 2 (2, 3)

бросаны черепки раздавленной глиняной корчаги и два фрагмента верхней челюсти косули. Все найденные в могиле фрагменты косули могли принадлежать одной особи.

Первый скелет лежал ближе к середине ямы и принадлежал мужчине 50—60 лет. Погребенный был положен на спину с согнутыми в коленях ногами, впоследствии упавшими направо, головой на запад—юго-запад. Череп отсутствовал, правая рука была вытянута вдоль тела, левая чуть согнута в локте и лежала на тазе. Вдоль всего туловища, слева и чуть выше последнего, лежало около 200 костяных гвоздиков. Они доходили до стоп скелета, но были не сразу замечены. Гвоздики расположены группками по три-четыре, в один-два ряда; все обращены остриями к северной стенке ямы, шлифованы, разного размера. Они, видимо, украшали какой-то длинный предмет, точнее, его верхнюю часть.

Второй скелет лежал у южной стенки и принадлежал женщине того же возраста. Погребенная была ориентирована головой на запад—юго-

запад. Череп отсутствовал. В процессе разложения труп сместился: скелет сильно повернут на левый бок, так что весь позвоночник повернут наружу. Первоначальное положение установить трудно, но, судя по костям ног, лежавшим поверх упавших ног мужчины, женщина была положена, видимо, также на спину, с согнутыми в коленях ногами, но в пол-оборота, прислоненной к стенке ямы. Вещей при ней не было.

Третий и четвертый скелеты принадлежали младенцам в возрасте до одного месяца и были положены в юго-западном и юго-восточном углах ямы, т. е. в головах и ногах взрослых, черепом почти на юг. Сохранность скелетов плохая. Вещей не обнаружено. Незначительная площадь, отведенная погребенным, объясняется тем, что в северную половину ямы было поставлено, очевидно, много несохранившихся или похищенных грабителями вещей.

У юго-восточного края ямы прослежено пятно углистой земли диаметром 70 см и глубиной 15—20 см. В нем находились камни и две сожженные косточки.

Могила 2 была расположена между основной могилой и восточной стенкой ограды и представляла собой овальную грунтовую яму размерами 180×110 см по верху и 160×80—65 см по низу, глубиной до 100 см. Она была закрыта большой сломанной плитой размерами 200×110 см и ориентирована длинными стенками на юг с небольшим отклонением к востоку. Бревна покрытия основной ямы упирались на просевшее каменное покрытие могилы 2. Следовательно, вторая могила была сооружена если не раньше, то одновременно с первой. Могила не ограблена. На дне лежал скелет мужчины 50—60 лет, положенного на спине, с ногами, согнутыми в коленях, головой почти точно на юг. На его стопах стоял круглодонный сосуд, второй сосуд, остродонный, яйцевидной формы, помещался поверх живота. На месте левого уха лежала спиральная серьга из белого металла, аналогичная найденной в могильнике у с. Потрошилова.

Курган у с. Восточного, расположенный вдали от родового кладбища, выделялся из всей серии известных афанасьевских памятников. Ближайшие к нему афанасьевские могильники находятся в нескольких километрах (Тепсей VIII, Малиновый Лог). Он значительно монументальнее обычных: ширина его ограды 5 м при принятых стандартах 50—100 см, первоначальная высота ограды более 2 м при обычной высоте до 1 м. Для него использованы массивные плиты и блоки. По подсчетам М. П. Грязнова на сооружение могильного холма рядового афанасьевского кургана употреблялось до 30—50 куб. м земли, а на ограду — 20—25 куб. м камня, на что требовалось потратить до 60 и более человеко-дней тяжелого труда. Сооружение описываемого кургана соответственно требовало значительно больших коллективных усилий.

Курган ограблен, видимо, в древности, так как сильно разграблена половина ямы, где стояли вещи, и практически не потревожены человеческие скелеты. О том же косвенно свидетельствует и найденный под камнями надмогильного сооружения череп козули. Неизвестно, была ли голова вместе с другими частями козули положена в могилу или оставлена на покрытии. По определению Н. М. Ермоловой, при тризне из головы козули был извлечен мозг, а позже сохранившиеся остатки ткани у основания рогов обглоданы собакой. Значит, независимо от того, выпрыгнули ли ее из могилы грабители или обнажили при разборке надмогильного купола, ограбление произошло до того, как на голове козули полностью истлели ткани.

Помимо сильно раздавленной корчаги, стоявшей в углу ямы, в заполнении найдены черепки еще нескольких сосудов, форма которых не устанавливается. Осталось неясным, какие еще находились вещи и была ли курильница. Удивительно, что при столь значительном разграблении могилы предмет, лежавший вдоль мужского скелета, не был взят грабителями. Более того, они, очевидно, до него вообще не дотрагивались. Между тем это было, по всей вероятности, уникальное изделие, от которого со-

хранился органический тлен и белые роговые гвоздики, расположенные двумя полосами длиной приблизительно 160 см. Предмет начинался за черепом и кончался у стоп ног. Гвоздики просмотрены в экспериментально-трассологической лаборатории ЛОИА АН СССР Н. Н. Скакун. Согласно трассологическому анализу, они имеют форму миниатюрных стерженьков длиной 1, 1,5 и 2 см. «Стерженьки» изготовлены и заострены с помощью металлического инструмента. Острые концы сильно смяты, заглажены, верхняя плоскость «шляпки» залощена, а на некоторых из них видны следы охры. По характеру следов износа «стерженьки» могли использоваться в качестве декоративных гвоздиков при получении орнаментов, они забивались на определенную глубину и торчавшие шляпки отпиливались (рис. 3, 1). Судя по слабой залощенности «шляпок» гвоздиков, изделие было новым или мало употреблялось.

Таким длинным узким в виде палки предметом, окрашенным охрой и орнаментированным роговыми белыми гвоздиками, мог быть жезл. Своими размерами он похож на деревянный ритуальный жезл с Берега Маклая, которым старейшины передавали силу своего колдовства и который скрывали в мужском доме от взоров женщин и детей. Жезл имеет резное навершие, окрашенное белой и красной краской⁴. В последующих сибирских культурах известны каменные окуневские жезлы и бронзовые навершия от тагарских.

В связи с нашей интерпретацией предмета небезынтересно рассмотреть случаи находок роговых гвоздиков еще в пяти афанасьевских могилах. Три могилы полностью разграблены, гвоздики найдены в количестве от двух до четырех штук, ни их первоначальное положение, ни предмет, который они украшали, не устанавливаются. Но можно отметить, что во всех этих могилах присутствовали скелеты мужчин зрелого или пожилого возраста (Карасук III, ограда 1, могила 2; Тепсей VIII, ограда 2 или 3; Красный яр I, ограда 13, могила 1). В менее потревоженной могиле у с. Малые Копены часть гвоздиков найдена в заполнении ямы, а другие лежали одной линией слева, вдоль спины взрослого человека. Расположение гвоздиков позволяет предполагать, что они украшали предмет типа жезла, тем более что бытовые вещи (два сосуда и пест) были расположены в другом месте — у головы погребенного (М. Копены II, ограда 3, могила 3). В неограбленной могиле 54 на р. Карасук гвоздики лежали кучкой слева от костей скелета мужчины 50—60 лет (Карасук III, ограда 2, могила 1). Этот погребенный, как и еще двое в той же могиле, был похоронен вторично. Его тело первоначально находилось в другом месте, а после полуразложившиеся части были собраны в узел и положены в могилу. Голова же хранилась отдельно, видимо консервировалась. Она осталась непотревоженной и у левого ушного отверстия сохранилась серебряная серьга. Кучка гвоздиков была расположена значительно ближе к костям скелета, чем к груде сосудов, помещенных вдоль западной стенки ямы. Очевидно, гвоздики украшали не бытовой, а ритуальный предмет, принадлежавший именно этому погребенному. В верхней части гвоздики были запачканы охрой, лежали тесно, остриями внутрь, диаметр кучки составлял менее 10 см. Значит, они орнаментировали по окружности очень небольшой по диаметру предмет, окрашенный охрой. Таким предметом могло быть навершие деревянного жезла. Заканчивая описание могил с роговыми гвоздиками, укажем, что в них, как и в Восточном, среди сосудов были корчаги.

Таким образом, хотя использование роговых гвоздиков для украшения бытовых предметов встречается у сибирских народов, есть основания предполагать, что афанасьевцы орнаментировали ими более редкие ритуальные изделия вроде жезлов, чем объясняется редкость находок декоративных гвоздиков.

Монументальностью кургана, его необычным расположением вдали от территории родового кладбища, наличием в нем корчаги и жезла не исчерпываются наблюдения, позволившие говорить, что в нем похоронен не рядовой человек, а старейшина с женой, родоначальник.

Удивляет захоронение новорожденных в их могиле. Как правило, детей младенческого возраста афанасьевцы хоронили за пределами ограды или внутри нее, в отдельных неглубоких ямках. Значительно реже вместе со взрослыми, рядом с ними; здесь же новорожденные были положены в противоположных сторонах ямы, за головой и ниже ног взрослых, хотя имелось достаточно места, чтобы положить их рядом у любой из стенок. Не исключено, что имеется определенная символическая связь между захороненными новорожденными и людьми старческого, по тем временам, возраста, которые не могли являться их прямыми родителями.

Не совсем понятно отсутствие черепов у взрослых погребенных при непопавшем скелетов, за исключением некоторого смещения костей грызунами. Либо грабители чрезвычайно осторожно вытащили головы, либо трупы были похоронены обезглавленными, что вероятнее. В первом случае головы, очевидно, имели богатые украшения, во втором — их не положили, чтобы использовать с ритуальными целями, для чего где-то консервировали, высушивали и хранили отдельно. Но так или иначе, это еще одно доказательство привилегированности похороненных.

Вторая могила кургана была расположена близко к первой и имела все признаки так называемых дополнительных афанасьевских могил, сооруженных не в центре, а между основной ямой и оградой. Она была настолько небольшая, что сосуды с пищей пришлось положить прямо на стопы и живот погребенного. Ее закрывали плиты, а не бревна, и она была ориентирована не по ритуалу. Погребенный в ней мужчина лежал как бы в ногах «старейшины». Создается впечатление, что этот человек был похоронен для сопровождения в загробный мир более знатного. Правда, серебряная серьга, обнаруженная на черепе, — находка достаточно редкая для афанасьевских курганов, — не позволяет с уверенностью говорить о зависимости положения второго погребенного. Раскопанный курган свидетельствует о появлении особо монументальных погребальных сооружений, видимо, для старейшин-вождей племени в Минусинских степях еще с энеолитической афанасьевской культуры.

¹ Максименков Г. А. Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — источник изучения семейных и общественных отношений. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири: Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974, вып. 4, с. 10—11; Вадецкая Э. Б., Грязнов М. П. Афанасьевская культура. — В кн.: История Сибири. Новосибирск, 1968, т. 1, с. 164.

² Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 59—62.

³ Вадецкая Э. Б. Отражение общественных отношений и социальной дифференциации в погребальных памятниках афанасьевской культуры Енисея. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1976, вып. 21.

⁴ Басилов В. Н. Мужские дома в Бонгу. — СЭ, 1977, вып. 6, с. 96, рис. 3.

Ю. С. ГРИШИН

О НЕКОТОРЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА В БУРЯТСКОЙ АССР

В последнее время в литературе опубликованы сведения об интересных погребениях из отдельных районов Бурятской АССР, по времени в целом связанных с эпохой бронзы¹. К сожалению, в основном данные об этих могилах напечатаны в местных изданиях, нередко малоизвестных для широкого круга исследователей, и, кроме того, вопросы их достаточно обоснованных, более точных, ограниченных во времени датировок (и соответственно этому места среди других одновременных забайкальских памятников), оставлены открытыми или нуждаются в пересмотре. Указан-

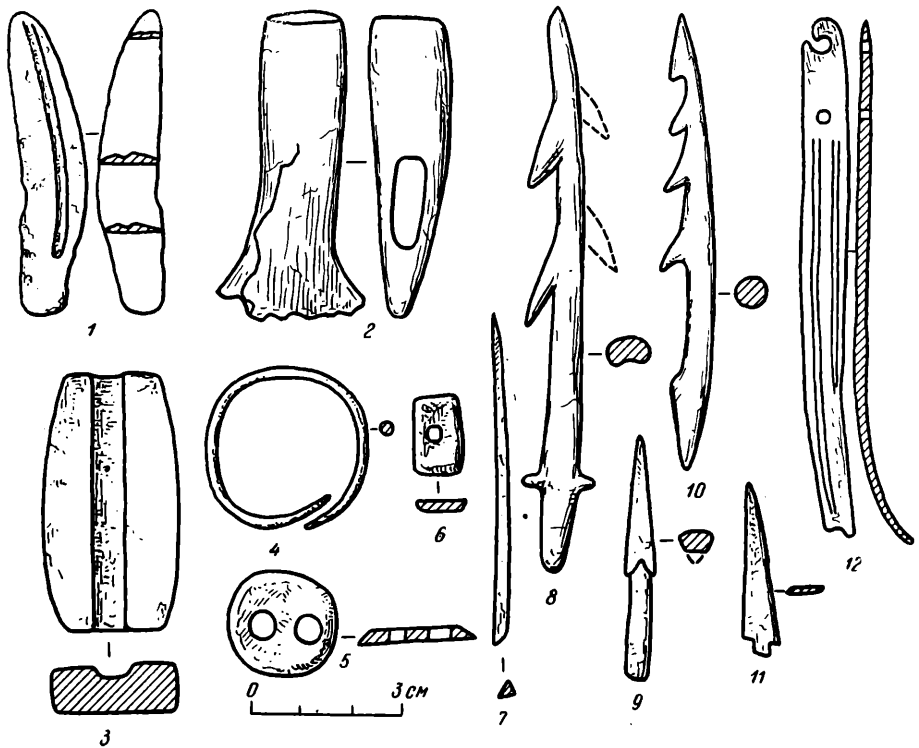

Рис. 1. Погребальный инвентарь

1 — бронзовый нож из могилы у Еравненских озер; 2—12 — вещи из могильника в местности Онкули

ные обстоятельства требуют хотя бы краткого анализа рассматриваемых памятников с целью решения данных вопросов.

Одна группа этих могил была обнаружена на левом берегу р. Ины, в местности Онкули, недалеко от места ее впадения в р. Баргузин. На поверхности котловин выдувания здесь встречались скопления предметов и человеческих костей из разрушенных погребений. При этом четко были зафиксированы три погребения (два из которых лишь с частичными разрушениями) с интересным материалом и своеобразным обрядом захоронения².

В погребении 1, слегка занесенном песком, от скелета сохранились отдельные кости нижних и верхних конечностей, причем об их первоначальном положении судить трудно. Они лежали на поверхности в скоплении древесного угля, но следов обжига не имели. Вместе с костями были найдены нередко обожженные узкие концевые роговые накладки на лук, кремневый наконечник стрелы треугольной формы, с двумя выступающими симметричными жальцами, бронзовый изогнутый нож с закругленным концом насада, по всей длине которого идет валик, половинка выпрямителя древков стрел из мелкозернистого песчаника, роговой игольник и три роговых наконечника стрел, два из которых трехгранные черешковые и один округлый в сечении с расщепленным на две части основанием (рис. 1, 3, 9). Помимо того, в стороне от этих вещей был найден обломок верхнего конца гарпуна.

В погребении 2 на поверхности находилась часть черепа, по которому и была обнаружена могила. Остатки скелета лежали в ней в беспорядке, за исключением берцовых костей, судя по которым покойник был ориентирован головой на восток. При этом череп лежал вниз лицевыми костями, нижняя челюсть отсутствовала. У костяка и под ним были зафиксированы следующие изделия: два явно охотничьих втульчатых роговых наконечника стрел (для охоты на пушных зверей) в виде муфточки округлого сечения и с суживающимся тупым концом, два других пло-

ских роговых наконечника стрел с длинным плоским черешком, круглая роговая плоская бляшка с двумя круглыми отверстиями, слегка изогнутый роговой гарпун с четырьмя зубцами с одной стороны и небольшим овальным уступчиком в основании, у суженного заостренного насада, другой гарпун прямой с двумя сохранившимися зубцами, расположенными с одной стороны, и двумя выступами-шпеньками в основании в виде перекрестия, отделяющего несколько суженный насад, роговая проушная колотушка³, роговая пластина с четырьмя парными параллельными бороздками и двумя круглыми отверстиями на сохранившемся одном конце, клык кабана (рассыпавшийся на кусочки), бронзовый проволочный браслет с приостренными разомкнутыми концами, поделка из рога изюбра конусовидной формы, со слегка закругленным узким концом, типа лопила, две половинки выпрямителя древков из мелкозернистого песчаника и следы дерева с некоторым количеством трухи (рис. 1, 4, 5, 8, 10, 11).

Границы могильной ямы погребения 3 фиксировались по скоплению углей на поверхности почвы, частично скрытых землей, под которыми прослеживались остатки обгоревшей бересты. Само могильное пятно, ориентированное на северо-восток — восток, имело размеры 3,3×0,6 м. При этом характер расположения остатков угля дает основания полагать, что яма была перекрыта берестой и жердями, положенными вдоль. В восточной части углистого слоя были обнаружены мелкие кусочки раздробленных трубчатых костей животных, не поддающихся определению. Погребенный, ориентированный головой на восток, находился в западной части могильной ямы, на глубине 0,55 м. Он лежал на спине, с черепом, повернутым лицом влево. Левая рука была вытянута вдоль туловища, а правая согнута и кистью лежала на плече. Тазовые кости были смещены вправо, а кости ног, за исключением правой бедренной кости, лежавшей наискось, поперек ребер, отсутствовали.

В этой могиле также были обнаружены проушная колотушка и плоская роговая пластина с двумя дырчатыми отверстиями и четырьмя парными параллельными бороздками, аналогичные найденным в предыдущем погребении, а также подпрямоугольная костяная бляшка, с подквадратным отверстием в центре, видимо, игольник из трубчатой кости животного, три перламутровые цилиндрические бусинки и роговое трехгранное в сечении шило с тонко заостренным концом и косо обломанным основанием, лежавшее на астрегале козла (рис. 1, 2, 6, 7, 12).

Помимо вещей, найденных в погребениях, на площади, примыкавшей к могилам, был собран ряд различных предметов, в основном аналогичных зафиксированным в могилах: плоские роговые наконечники стрел, обломок роговой пластины с отверстием, а также четырехгранный роговой стержень с обломанным концом и какой-то фрагмент керамики.

Исследователь этих погребальных памятников Е. А. Хамзина оставила вопрос о датировке их открытым, указав на то, что в них были обнаружены такие одновременные изделия, как песчаниковые выпрямители древков стрел, характерные для китойского времени, гарпуны уже глазковских типов и, кроме того, отдельные медно-бронзовые изделия⁴.

Прежде чем определять их общую датировку, следует поставить вопрос о возможности одновременности данных погребений в пределах одной эпохи. По такой специфической особенности погребального обряда, несомненно общего для них, по заключению автора⁵, как наличие деревянных покрытий, остатки которых в виде дерева или углей, причем иногда с костями домашних животных (являющихся скорее всего следствием погребальных тризн), сохранились, да и восточной ориентировке погребенных (где представляется возможным это установить), они могут быть признаны однотипными. Наличие же ряда аналогичных форм погребального инвентаря, в том числе таких своеобразных (и к тому же происходящих, судя по всему, из других оставшихся неисследованными погребений, поскольку они были найдены на территории могильника), как отмеченные роговые колотушки или роговые пластины, позволяет

также с достаточной долей уверенности признать одновременность рассмотренных могил и, видимо, всего могильника в целом.

В вопросах хронологического определения рассмотренных погребений следует исходить прежде всего из хорошо датированных наиболее поздних предметов погребального инвентаря. Таковыми, несомненно, являются медно-бронзовые изделия, обнаруженные в первой и второй могилах. Это изогнутый нож с продольным односторонним валиком, подобные которому имеются в памятниках хорошо датированной по радиоуглеродному методу Усть-Мильской культуры соседней Якутии конца II—I тысячелетий до н. э., а также проволочный браслет с заходящими друг за друга концами, аналогичный некоторым происходящим из карасукских погребений Южной Сибири⁶. При этом следует отметить, что бронзовый нож отлит в односторонней литейной форме, что является более характерным для сибирских изделий карасукского времени, нежели последующих эпох⁷. Что же касается песчаниковых выпрямителей древков стрел, подобных найденным в китойских прибайкальских погребениях, то известный исследователь последних А. П. Окладников указывал лишь на то, что они впервые появляются в них и к тому же распространяются на более обширной территории в памятниках уже бронзового века⁸. Отмеченные же костяные гарпуны вполне могли бытовать и в более позднее время. Недаром Н. Н. Диков указывал на наличие отдельных изделий этого рода даже в памятниках культуры плиточных могил, бытующих в Забайкалье на протяжении почти всего I тысячелетия до н. э.⁹ Вообще же длительное переживание целого ряда форм изделий, обычных для более ранних эпох, начиная с периодов неолита и ранней бронзы, является характерной чертой культуры плиточных могил Забайкалья (что уже давно отмечалось исследователями)¹⁰. В ее погребениях можно встретить и отдельные вещи, близкие по форме к некоторым предметам из рассматриваемых здесь могил (некоторые костяные наконечники стрел, бляхи и игольники)¹¹. Тем более данное явление могло относиться и к памятникам предшествующего времени. Таким образом, исходя из вышесказанного, имеются достаточно веские основания для отнесения рассмотренных погребений к карасукскому времени (XIII—VIII вв. до н. э.), несмотря на наличие в них некоторых архаичных форм изделий.

Изучая данные погребальные памятники, следует остановиться еще на одном важном обстоятельстве. Их своеобразная конструкция с грунтовыми могильными ямами, перекрытыми деревянным настилом, по имеющимся данным, находит близкие аналогии в наиболее ранней группе могил известного Фофановского могильника, которые М. М. Герасимов и Е. Н. Черных склонны сближать в целом ряде отношений с китойскими памятниками Ангарского бассейна и датировать финальной стадией неолита¹². При этом ими отрицается какая-либо культурная преемственность фофановских могил этой группы с последующими фофановскими глазковскими погребениями как по особенностям погребального обряда, так и по погребальному инвентарю¹³. Правда, и в составе погребального инвентаря рассмотренной здесь и ранней фофановской групп погребений можно отметить лишь единичные аналогии (костяные острья, украшения в виде клыка кабана), но следует учитывать очень большой хронологический разрыв между ними (по крайней мере не менее 500 лет между началом и концом II тысячелетия до н. э.), а также то обстоятельство, что пока сравниваются лишь единичные их памятники (три и семь могил соответственно). Исходя из приведенных данных, есть основания полагать, что описанные онкульские погребения вместе со значительно более ранними фофановскими принадлежат какой-то одной группе населения, длительно обитавшей рядом с другими племенами (судя по фофановским могилам эпохи бронзы) в наиболее западных, по всей видимости лесных или же лесостепных, районах Забайкалья, непосредственно примыкавших к восточному побережью Байкала.

В более же восточных лесных и лесостепных районах Забайкалья, по имеющимся данным, к настоящему времени не зафиксированы столь

разнородные погребальные памятники. Наиболее же значительные раскопки, предпринятые Л. Г. Ивашиной на Еравнинских озерах, находящихся в переходной области между таежной и степной зонами, судя по всему, свидетельствуют о явной связи и преемственности между выделенными ею поздненеолитическими погребениями и могилами бронзового века¹⁴. Правда, здесь также связь обнаруживается главным образом в области однообразной конструкции погребальных сооружений (каменные могильные кладки над небольшой земляной присыпкой покойника) и только отчасти погребального инвентаря (кремневые листовидные с выемкой в основании наконечники стрел, отщепы и костяные остря). Однако следует учитывать, что сравниваются между собой лишь единичные по количеству погребения (шесть и одно). При этом в хронологическом отношении представляется несомненно более правомерным датировать указанное единственное погребение бронзового века не временем до середины II тысячелетия до н. э., как оно определено¹⁵, а подобно вышерассмотренным онкульским могилам — карасукским временем. Ведь в нем вытянутого на спине покойника, с юго-восточной ориентировкой, сопровождал, помимо каменного листовидного наконечника стрелы с выемкой в основании, языковидного скребка, отщепов, клыка кабана, костяного остря из расколотой кости животного, фрагмента костяного наконечника стрелы, также и бронзовый нож, по форме аналогичный найденному в погребении 1 в Онкулях (рис. 1, 1). При этом в отличие от последнего он имеет и такой важный признак многих забайкальских ножей карасукского типа, как продолговатый (хотя и узкий) желобок вдоль лезвия, а произведенный спектральный анализ его металла показал значительное содержание олова (3,5%), также характерное прежде всего для забайкальских карасукских ножей¹⁶. Таким образом, данное погребение может быть уверенно отнесено к карасукскому времени.

К сожалению, пока еще довольно слабо изучены памятники бронзового века Забайкалья, в особенности его северных районов, лежащих за поясом основного массива степей. Тем не менее происходящие отсюда рассмотренные новые материалы погребальных памятников позволяют в какой-то мере судить о сложном процессе исторического развития проживавшего здесь древнего населения.

- ¹ Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях (Долина реки Баргузин). — В кн.: Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974, вып. 6, с. 234—244; Ивашина Л. Г. Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья. — Изв. Сибирского отделения АН СССР (Сер. общественных наук). Новосибирск, 1975, вып. 1, с. 98—101.
- ² Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях, с. 234—244.
- ³ Это орудие типа колотушки, а не топор, как считает Е. А. Хамзина. В пользу этого говорит отсутствие выделенного лезвия и расположение проуха со стороны, считающейся лезвийной (см.: Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях, с. 238).
- ⁴ Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях, с. 243—244.
- ⁵ Там же, с. 241.
- ⁶ Федосеева С. А. Новые данные о бронзовом веке Якутии. — В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970, с. 134—137, рис. 1, 2; Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии. — В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975, с. 46—49; Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. — САИ, М., 1971, вып. В3—12, с. 27.
- ⁷ Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы, с. 37.
- ⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950, ч. I, II, с. 363.
- ⁹ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 37—42, 60; Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975, с. 63—64.
- ¹⁰ Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья. — Тр. Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа, Л., 1941, вып. 1, с. 303, 308.
- ¹¹ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья, табл. X.
- ¹² Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 23, 32, 45.
- ¹³ Там же, с. 47.

- ¹⁴ *Ивашина Л. Г.* Материалы археологической разведки в Еравнинском районе Бурятии. — Изв. Сибирского отделения АН СССР. Сер. общественных наук. Новосибирск, 1972, вып. 2, с.60—65; *Она же.* Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья, с. 98—101.
- ¹⁵ *Ивашина Л. Г.* Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья, с. 101.
- ¹⁶ *Гришин Ю. С.* К вопросу о древней добыче олова в Забайкалье. — КСИА, 1968, вып. 114, с. 10—11.

В. И. ДЬЯКОВ

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ДОЛИНЕ р. САМАРГИ

Археологическое изучение Приморского края поставило проблему установления границы распространения древних культур на указанной территории. Значительный интерес поэтому представляют северные районы края, археология которых практически не изучена: сведения касаются распространения средневековых городищ.

В свое время В. К. Арсеньев пытался определить границу распределения древностей на севере Приморья, опираясь главным образом на результаты своей знаменитой экспедиции 1908—1910 гг. Он пришел к выводу, что севернее мыса Сосунова археологических памятников нет¹.

Необходимость проверки сведений, имеющих более чем полувековую давность, способствовала организации Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР экспедиции на крайний северо-восток Приморского края. Работы, проведенные в сентябре 1974 г., дали первые факты о распространении древних стоянок севернее границы, отмеченной В. К. Арсеньевым².

Река Самарга (протяженность более 200 км) — одна из крупнейших водных артерий восточных склонов хребта Сихотэ-Алинь. Было обследовано около 170 км ее долины (от Красного утеса до морского побережья). В связи со спецификой района, не имеющего дорог, отряд начал работу с верховьев реки, постепенно спускаясь на плоту к ее устью.

Самарга I. Памятник расположен на правом берегу р. Самарги (около 150 км от устья), в 100 м выше впадения ручья Одуи и крупного левого притока р. Дагды.

Шурф I. На берегу старого русла, возвышающегося на 3—4 км над уровнем реки, в шурфе, на глубине 0,20 м от современной дневной поверхности, обнаружена раздробленная трубчатая кость и небольшой плоский в сечении топорик из алевролита. В плане орудие трапециевидной формы, сужено к обушку. Рабочая часть оформлена рядом крупных двусторонних сколов и подправлена ударной ретушью. В средней части сохраняется естественная поверхность. Длина — 8 см, наибольшая ширина в нижней части — 6 см, у обушка — 3,5 см. Толщина — 0,8 см. Ближайшие выходы алевролита обнаружены в 2—3 км ниже по течению реки.

Шурф II. В 30 м к югу от шурфа I возвышается небольшая терраса, ограниченная с южной стороны маленьким безымянным ручейком, впадающим в Самаргу. Здесь был обнаружен сероватый культурный слой, располагавшийся непосредственно под дерном, и сделаны первые находки керамики. В данном месте был разбит небольшой разведочный раскоп площадью 3×4 м, ориентированный длинными сторонами в направлении восток—запад, включая площадь, вскрытую шурфом.

Горизонтальная зачистка позволила выявить следы круглого кострища диаметром 0,65 м, расположенного на стыке квадратов 2—3А—Б. Кострище слабо прослеживалось по серовато-пепельному слою, перемешанному с суглинком. В заполнении очажной ямы, имеющей вид

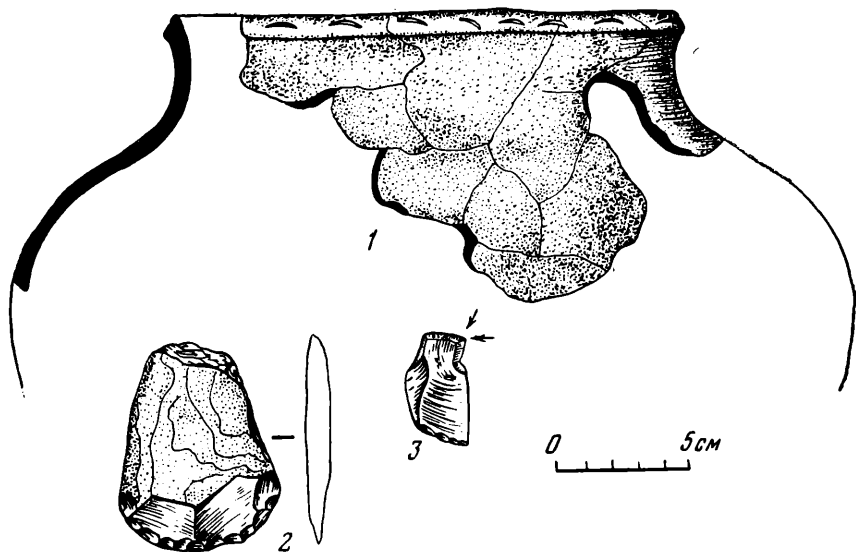

Рис. 1. Керамика и каменные изделия стоянки Самарга I (1—3)

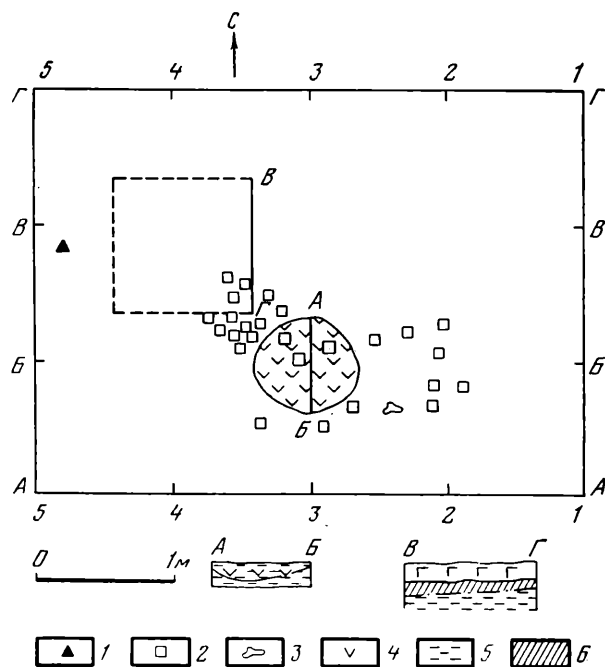

Рис. 2. Стоянка Самарга I, шурф

- 1 — резец;
- 2 — керамика (фрагмент);
- 3 — кость;
- 4 — зола;
- 5 — суглинок;
- 6 — культурный слой

односторонне выпуклой линзы, встречено много мелких угольков и три неорнаментированных фрагмента керамики. Толщина очажной линзы достигала, вероятно, 0,12 м, но отчетливо зольник прослеживается лишь на 4—5 см. Находки располагались на одном уровне и концентрировались в районе очага. Квадраты 1—3А—Б: россыпь мелких фрагментов керамики от одного плоскодонного сосуда. Сосуд ручной лепки, крупный, широкогорлый с шаровидным туловом, скошенный наружу венчик имеет приостренную кромку. Небольшой валик, наложенный на скошенную часть венчика, образует характерный воротничок, по которому нанесен орнамент в виде слабо наклонных и горизонтальных ногтевых вдавлений, повторяющихся через 1—1,5 см. Другого орнамента на сосуде нет. Цвет черепков темно-коричневый с серым оттенком, в тесте примесь

мелких камней и песка. Обжиг слабый. Толщина стенок 0,5—0,6 см. Диаметр венчика 19 см (рис. 1, 1). Квадрат 2А: среди фрагментов керамики обнаружен эпифиз кости животного. Квадрат 4Б: орудие из желтого кремня. На крупном сколе, имеющем в сечении треугольные очертания, двумя фасадами оформлен угловой резец. Характерно, что желвачная корка на верхней стороне скола намеренно удалена от резцовой грани и оставлена на остальной, нефункциональной части изделия (рис. 1, 3; 2).

Других находок на вскрытой площади не обнаружено. Проведенная горизонтальная зачистка после фиксации находок на плане не способствовала выявлению каких-либо конструктивных особенностей в данном месте. Ниже располагался слой темно-коричневого суглинка. В строгой последовательности и в соответствии с квадратной сеткой этот слой был снят на 0,20 м по всей площади раскопа. Эта контрольная операция доказала его полную стерильность и отсутствие каких-либо нарушений из верхнего слоя. Отсутствие нижележащих культурных горизонтов подтвердилось и при углублении шурфа до 1 м от современной поверхности.

Шурф III. Этот шурф заложен в 20—25 м к западу от раскопа. Местность, как и в районе соседних шурфов, была завалена упавшими стволами горелых лиственниц и заросла молодыми деревьями. Внешние признаки поселения в виде западин не фиксировались. На глубине 0,35—0,40 м от поверхности обнаружен очажный слой, состоящий из темной супеси с большим количеством угля и золы. Стратиграфия шурфа: дерн до 0,1 м, коричневая плотная супесь 0,18—0,21 м, темная прослойка углистой супеси 0,15—0,12 м, видимо, очажное заполнение и материковая супесь с галечником.

При расчистке культурного слоя в шурфе обнаружены осколки мелких трубчатых костей, небольшие фрагменты керамики от стенки сосуда без орнамента. Керамика ручной выделки, цвет коричневато-оранжевый, в тесте примесь мелких камней, толщина стенок 0,5 см. Здесь же найден маленький скол со шлифованного орудия. Орудие было изготовлено из алевролита и, видимо, имело прямоугольное очертание (на сколе сохранились участки двух плоскостей, сходящихся под прямым углом). Керамика позволяет отнести стоянку Самарга I к числу памятников ливонской культуры и датировать ее в пределах первой половины I тысячелетия до н. э.³

Самарга II. Река Бе — правый приток Самарги, впадает в последнюю в 20—25 км ниже устья Дагды. В 3 км от устья Бе и в 1 км от р. Самарги на мысовой террасе высотой до 6—7 м, покрытой лесом, геологом А. В. Олейниковым собраны и переданы нам фрагменты керамики. Керамика хорошо профилирована. Под венчиком расположены сквозные отверстия (расстояние между их центрами 2 см). Керамика очень своеобразна и имеет полную аналогию только на пункте Самарга III. В тесте большая примесь мелких камешков. Толщина черепков 0,6—0,7 см. Отверстия сделаны по сырой глине с наружной стороны (на пункте Самарга III отверстия на всех фрагментах сделаны изнутри).

Самарга III, Кукси. Памятник расположен в 30 км выше впадения р. Акзу. Культурный слой обнаружен на высокой (около 10—12 м над уровнем реки) террасе, в 100 м к югу от устья р. Кукси — крупного правого притока р. Самарги. Местность горнотаежная, характерная для большей части долины. Памятник занимает мысовидную оконечность террасы, обрывающейся с северо-западной стороны в долину р. Кукси, с северо-восточной — к руслу р. Самарги. Внешних признаков памятника — западин, обнажений, отдельных находок — на поверхности нет. Вероятно, с существованием культурного слоя связано мощное развитие травы тростникового типа, несколько необычной для таежной местности. Стратиграфия, полученная в разрезе шурфа, следующая: 1) дерн — темная, пронизанная корнями почва мощностью до 0,15 м; 2) прослойка светло-коричневого суглинка до 0,10—0,12 м; 3) темная углистая прослойка 0,5—0,10 м; 4) светло-коричневый суглинок, аналогичный прослойке 2; 5) культурный слой, имеющий в разрезе толщину 0,28—0,45 м, представ-

ляющий собой темную гумусированную супесь, в которой встречена керамика, каменные изделия и большое количество остатков угля и золы; 6) ниже располагался слой коричневой глины или суглинка от 0,10 до 0,18 м; 7) слой плотного мелкого галечника.

Находок для небольшой вскрытой площади довольно много. Преобладают отщепы, сколы, не имеющие специальной подправки ретушью, но со следами работы. Обнаруженные изделия изготавливались из алевролита, псаммитового туфа, песчаника, халцедона. Наблюдается сочетание частично шлифованных орудий с предметами, полностью изготовленными техникой скола. К числу последних относятся пластинчатый скол подтреугольных очертаний, на широком конце которого находится короткое шиповидное острие, оформленное техникой резцового скола. Шлифованные изделия представлены двумя предметами: заготовкой ножа из сланца, с отшлифованной спинкой, и ножом с односторонне шлифованным широким лезвием. с противоположной стороны подправленным сколом. Встречен обломок терочной или шлифовальной плиты из песчаника. Обе ее плоскости использовались и имеют равномерно сточенную поверхность. Найдено массивное рубящее орудие, оформленное очень примитивно. Использована естественная скошенность одной из сторон крупной речной гальки, а с другой стороны сделаны два-три сильных скола, оформляющих слегка волнистое лезвие. Угол заточки лезвия около 40°. Совершенно неожиданными оказались находки трех речных плоских галек, различающихся размерами, но с одинаковой двусторонней глубокой выемкой на конце. Длина наибольшего камня превышает 20 см, ширина 14 см. Длина двух других камней 15—16 см, ширина — 9 см. Форма двух камней строго миндалевидная, третьего — миндалевидно-овальная⁴.

Керамика представлена фрагментами от двух-трех сосудов. Для всех венчиков характерна скругленность края. Сосуды хорошо профилированы. В отдельных случаях венчик отогнут под углом 90°, к краю утончен. Орнамент представлен сквозными цилиндрическими отверстиями диаметром 0,2—0,3 см. Отверстия повторяются через 1—1,5 см по всей окружности горловины. От верхнего края венчика они расположены на 1—1,2 см. Отверстия сделаны только с внутренней стороны сосудов. Керамика коричневого цвета, в тесте примесь песка, обжиг ровный, толщина 0,5—0,7 см (рис. 3).

Определяющей находкой на этом памятнике является железный сильно корродированный рыболовный крючок. Жальце крючка — тонкая изогнутая проволока, впаянная в пирамидальное бронзовое грузило. В верхней части сохранились остатки узла шнура или веревки, пропитанные продуктами коррозии металла. Длина крючка 5,5 см (рис. 3).

Находки располагались в определенном культурном слое. Причем каких-либо поздних нарушений в стратиграфии шурфа замечено не было. Вероятно, в данном месте находилось жилище полуземляночного типа. Верхняя углистая прослойка, видимо, являлась остатками перекрытий.

Предварительно датировать этот комплекс можно концом I тысячелетия до н. э. Своеобразие керамики и комплексов в целом, обнаруженных на двух поселениях — Самарга II и Самарга III, свидетельствует о существовании здесь новой культуры, не имеющей пока аналогий в Приморье.

Самарга IV, Акзу. Река Акзу — левый приток р. Самарги. В 3—4 км от устья р. Акзу располагается одноименный удегейский поселок. Здесь на высоком мысу, известном как «глиняная шахта Доната», при впадении безымянного ручья был обнаружен культурный слой. Стратиграфия: 1) дерн до 0,1 м, пронизанный корнями травы; 2) слой гумусированной коричневой глины до 0,23 м. Нижняя граница этого слоя нечеткая; 3) мощный слой материковой коричневой глины. При зачистке культурного слоя было обнаружено несколько фрагментов керамики ручной лепки с примесью в тесте песка. Цвет — красновато-коричневый. Кроме керамики, обнаружено две кости. По типу керамики это поселение относится к лидовской культуре.

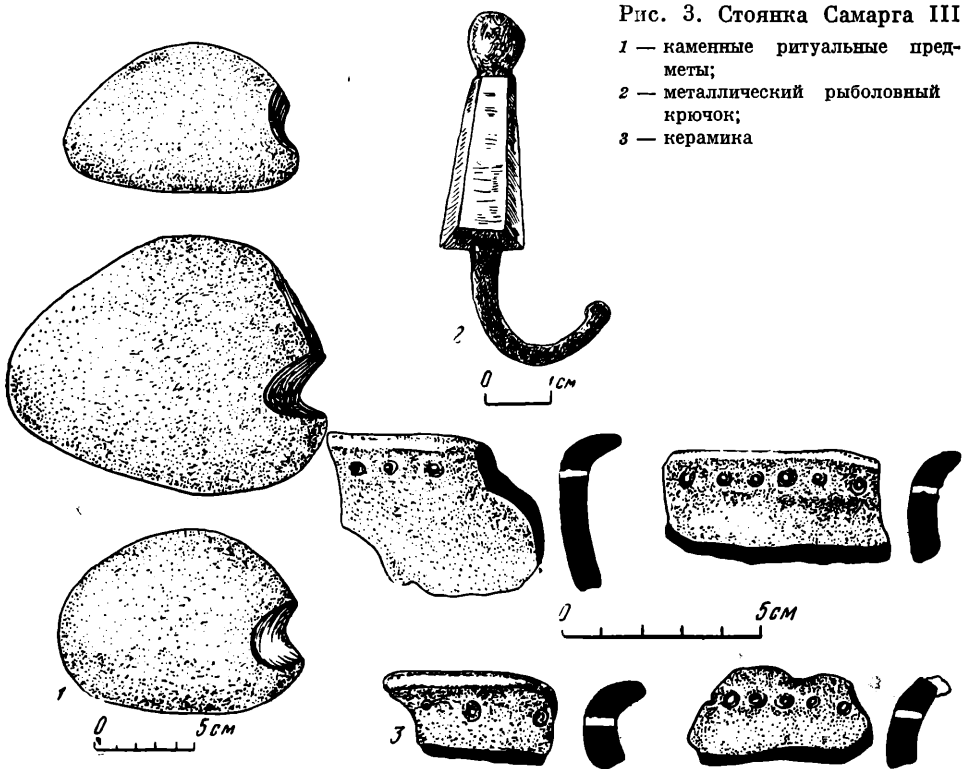

Рис. 3. Стоянка Самарга III

1 — каменные ритуальные предметы;

2 — металлический рыболовный крючок;

3 — керамика

Самарга V. На обрывистой террасе 6—8 м левого берега р. Самарги, в 7—9 км от устья, в выбросе из волчьей норы обнаружены фрагменты верхней части сосуда. Керамика собрана в желтовато-коричневой супеси или легком суглинке. Керамика хорошо профилирована, тонкостенная — 0,4—0,5 см. Горловина узкая, диаметр около 8 см, тулово сферической формы, с внешней стороны заметны следы слабого лощения, внутренняя сторона не обработана. Лепка ручная, хорошо заметны места спаев лент. В тесте примесь мелких камней. Орнамент в виде трех параллельных узких желобков горизонтально опоясывает сосуд по плечикам. Эту стоянку мы также относим к лидовской культуре и датируем соответственно первой половиной I тысячелетия до н. э.

Таким образом, на северо-востоке Приморья, где существование древних археологических объектов долгое время было проблематичным, обнаружены первые следы стоянок, датируемых в пределах I тысячелетия до н. э. Если памятники Самарга I, IV, V уверенно связываются с комплексами северо-восточного и восточного Приморья⁵, относимыми к лидовской культуре эпохи бронзы, то два других — Самарга II, III — представляют новую, более позднюю культуру, которую можно назвать самаргинской (конец I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.).

Долина р. Самарги в связи с новыми находками представляется перспективным районом для археологических исследований, в том числе и в плане поиска связующей территории между Приморьем и нижним Амуром.

¹ В. К. Арсеньев писал: «...древности, сначала многочисленные в южной части страны, по мере движения на север становятся реже и приближаются к берегу моря и окончательно прерываются возле мыса Сосунова» (Арсеньев В. К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока. — В кн.: Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск, Владивосток, 1927, вып. V, с. 36). Мыс Сосунова

расположен в Тернейском районе Приморского края значительно южнее р. Самарги.

- ² Дьяков В. И., Дьякова О. В. Разведка в Северном Приморье и на нижнем Амуре. — АО 1974 г. М., 1975, с. 204.
- ³ Данная стоянка весьма перспективна и интересна для будущих стационарных исследований. Она же является самой северной в Приморье точкой распространения памятников лидовской культуры.
- ⁴ Аналогичные каменные изделия известны в памятниках эпохи бронзы Кореи (Одон), на юге Приморья, на стоянке того же времени (падь Харина), они изготовлены из глины, как и в более позднем поселении Польце на среднем Амуре (см., Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, с. 197; Он же. Приамурье в I тысячелетии до н. э. Новосибирск, 1976, с. 127—128). В Корею эти предметы за свою специфическую форму получили название «клюв сокола». А. П. Деревянко достаточно убедительно связывает их с культом свиньи, считая ритуальными. Находка трех таких вещей вместе сделана на Дальнем Востоке впервые. Одновременно эта находка значительно увеличивает ареал распространения подобных изделий к северу.
- ⁵ Дьяков В. И., Дьякова О. В. Раскопки в Северном Приморье. — В кн.: АО 1975 г. М., 1976, с. 237—238.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. МИРСААТОВ, Т. ШИРИНОВ

РЕЦ. НА СТАТЬЮ Л. КИЛЛИ
«ТЕХНИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
МИКРОИЗНОСА: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР»
(ВСЕМИРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 1974, т. 5, № 3)*

Статья Лоуренса Килли посвящается критическому обзору изучения микроизнашивания и его методологии. Он пытается проанализировать работы, опубликованные в главных журналах Запада за 10 лет (1964—1974).

Интерес к микроисследованию в странах «английского языка» и во Франции возрос с появлением книги С. А. Семенова «Первобытная техника» на английском языке, изданной в Лондоне в 1964 г.¹

Л. Килли посвящает свою статью десятилетию этой даты и считает началом изучения древних орудий методом трасологии и эксперимента в Западной Европе и в Америке. Благодаря этим методам, разработанным С. А. Семеновым², открылась возможность прямого определения функции предмета, ставшего популярным во многих странах мира, о чем свидетельствуют неоднократные переиздания этой основополагающей книги³.

Л. Килли в основном пытается осветить два вопроса: технику и методику.

Автор считает важной в изучении микроизноса технику исследования, т. е. подготовку орудия для наблюдений (окрашивание, металлизация, опыление), умение пользования оптическими приборами и микрофотографирование. Успех в развитии исследований микроизноса сильно зависит от вышеуказанных компонентов.

«К несчастью, — пишет Л. Килли, — общие впечатления, получаемые от большинства современных отчетов по изучению микроизноса на Западе, — это как бы спад, деградация от высоких стандартов Семенова» (с. 323—324). Многие, специалисты, занимающиеся микроисследованием, не упоминают о технике (Witthtt, 1967; Massaud, 1972)⁴ или же упоминают очень поверхностно (Bordes, 1970; Frisin, 1968; Hammatt, 1970; Gorman, 1971; Pradel, 1973).

Многие современные исследователи не добиваются погашения прозрачности изучаемого материала. Для того чтобы усилить отражение света от предметов, подвергавшихся наблюдениям, С. А. Семенов применял окрашивание, металлизацию и поставил на очередь вакуумное опыление⁵. Ибо после этого признаки микроизноса — царапинки, желобки,

* Keely L. H. Technique and methodology in microwear studies: a critical review. — World Archaeology, London, 1974, v. 5, N 3, p. 323—336.

линейные, пунктирные и другие следы — под определенным углом светопадения вырисовываются более четко, а нередко раскрываются заново.

Неудачное окрашивание или же излишняя металлизация значительно осложняют микроисследования и приводят к выводу о малой эффективности этого метода, кроме того, затрудняется микрофотографирование. Автор приходит к убеждению, что у исследователей Запада, занимающихся микроизучением, «отсутствует поддержание высоких технических норм, достигнутых советской археологией» (с. 324).

Можно сопоставить исследования Мак Бёрни, Мак Дональда и Санжера, которые выполнены на разных технических уровнях.

Мак Бёрни при сильном увеличении, применяя металлизацию, исследовал концевые скребки из эпипалеолитического уровня пещеры Али Таппе (Иран). Он обнаружил на 70% орудий линейные следы. Мак Дональд и Санжер, изучая 300 концевых скребков из Ново-Скотия, линейные следы обнаружили только на 1% экземпляров, а на 38% фиксировали заполировку (Mac Donald, Sanger, 1968). Можно лишь добавить, что эти авторы не применяли ни окрашивания, ни металлизации, ни достаточного увеличения и пришли к ошибочным заключениям, что твердые горные породы и минералы (по Моосу, 6—7) плохо переносят следы износа. Твердость орудий и обрабатываемого материала отражается в размере образуемого следа, но характер износа в кинематическом отношении будет одинаковым.

В лаборатории С. А. Семенова продолжают разрабатываться новые методы изучения микроизноса — рефлексные и микрометрические⁶. Прав Бросвелл (Brothwell, 1969), который сообщает о применении электро-стрескана⁷. «На Западе больше внимания должны уделять усовершенствованию техники микроанализа, — указывает Л. Килли, — так как игнорирование техники в интересах экономии времени приводит к плачевным результатам» (с. 326).

Методика охватывает более широкие вопросы: интерпретация микроизноса, определение функций орудий, различия следов обработки от износа, естественного от намеренного и т. д. Автор подчеркивает, что при определении функции орудия важную роль играет контрольный эксперимент, это важно при определении обрабатываемого материала.

Когда обнаружены на орудии следы износа в виде борозд, царапин-линейные, тогда можно восстанавливать конкретную функцию и способ применения, используя «Указания Семеновской кинематики» (с. 328)⁸. Когда нет линейных следов, функция орудия остается гипотезой. Тогда, привлекая этнографические данные, проводятся эксперименты на разных материалах со статистической обработкой. Автор высоко оценивает роль эксперимента в определении функций орудий и ставит эксперимент выше, чем этнографические параллели, но в целом без этих данных определение функции предметов недостаточно убедительно.

Некоторые авторы, не ставя экспериментов и не привлекая этнографии, пытаются определить конкретную функцию орудий (Hammett, 1970; Nance, 1971, Massaud, 1972). Крайне трудно таким путем выявить, что обрабатывалось конкретным орудием.

С. Кантман в изучении мустьерских орудий опирался на эксперимент, хотя и в малом масштабе (Kantman, 1970a, b, c). Убедительны исследования Ж. Зонненфельда, посвященные специальному изучению каменных кельтов Северной Америки (Sonnenfeld, 1962). Интересны результаты микроаналитического исследования Л. Праделем мустьерских резцов (Pradel, 1973).

При эксперименте должна учитываться разница современных и древних условий. Хотя не будет принципиальной разновидности следов, но степень стертости и размеры следов (борозд, царапин, линейные) будут различаться. Моделируемое орудие должно быть морфологически идентично орудиям, найденным в памятниках, а опыты производиться разными методами и на разных материалах. Р. Гульд, Д. Коста, А. Зонтц, изучая мустьерские скребки варианта Quina, обнаружили следы, идентичные

следам на скребках аборигенов Австралии, обрабатывая дерево по методу последних (Gould, Koster and Sontz, 1971).

Автор считает, что С. А. Семенов использовал для своего исследования материалы с ярко выраженными следами. Действительно, С. А. Семенов не ограничивает себя в рамках изучения какого-то региона или же культуры, он ставил перед собой цель разрешить общетеоретические вопросы экспериментально-трассологического метода изучения, которую выполнил полностью. Его же учениками осуществляется функциональное изучение целых комплексов, происходящих из крупных памятников и даже целых культур⁹.

Л. Килли предлагает количественное изучение микроизносов, т. е. точный подсчет, сколько линейных следов с одной стороны, сколько на обеих, сколько параллельных и перпендикулярных следов к рабочему лезвию и т. д. Это прежде всего намного осложняет микроисследование и не дает, по нашему мнению, существенно новой информации. Само по себе изучение микроизноса является определением истинной функции предмета. Количественное изучение целого комплекса по функциям дает более яркую картину экономической деятельности человека, чем вышеупомянутый совет Л. Килли. Другим методическим промахом автор считает несвязанность эксперимента с местной экологической средой. Однако во всяком моделировании искусственные условия являются общепринятыми.

От внимания Л. Килли ускользнул другой очень важный аспект эксперимента — это восстановление палеоэкономики, которая так же важна, как и определение функции, но зависит от последней. Л. Килли считает, что: 1) изучение целых комплексов должно продолжаться, 2) с помощью эксперимента должен разъясниться характер следов, 3) интерпретация микроизноса должна подкрепляться экспериментом и этнографическими данными, 4) эксперимент должен быть основан на местном факторе, 5) количественное изучение микроизноса обязательно, 6) данные о технике и методике должны быть представлены во всех отчетах.

В конце статьи автор упоминает работы Е. Вильмсена, И. Фризона и Ж. Витхова (Wilmsen, 1968, Frison, 1968; Witthoft, 1967) в качестве успеха западных исследователей в области микроизучения в археологии. «Другой аспект, который становится ясным, — заканчивает свою статью Л. Килли, — то, что микротрассологический анализ не для дилетантов» (с. 334). В целом автор высоко оценивает работы советских исследователей микроизноса, прежде всего С. А. Семенова.

Статья Л. Килли, несомненно, свидетельствует об объективном и вдумчивом подходе зарубежных теоретиков к функциональному методу — новому направлению в археологии.

¹ *Seменов S. A. Prehistoric Technology. London, 1964.*

² *Семенов С. А. Первобытная техника. — МИА, 1957, № 54.*

³ *Seменов S. A. Prehistoric Technology. London, 1970; New York, 1973.*

⁴ Указанную литературу в скобке можно смотреть в конце статьи Л. Килли: *Keely L. Technique and Methodology in Microwear Studies. — In: World Archaeology, 1974, v. 5, N 3, Febr., p. 334—335.*

⁵ *Семенов С. А. Первобытная техника, с. 34—36.*

⁶ *Семенов С. А., Щелинский В. Е. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях. — СА, 1971, № 1, с. 19—30; см. также: Seменов S. A. The Form and Functions of the Oldest Stone Tools (a reply to prof. Bordes). — Quatär, 1970, 2, p. 1—20.*

⁷ Электронный микроскоп отраженного света с большой силой увеличения и глущиной резкости.

⁸ *Семенов С. А. Первобытная техника, с. 22—30.*

⁹ *Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. — МИА, 1969, № 158; Мирсагов Т. М. Изучение учтутских шахт и функциональное определение их орудий методом эксперимента: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1970; Щелинский В. Е. Производство и функции мустьерских орудий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.*

ХРОНИКА

Б. Г. ТИХОНОВ

О РАБОТЕ СЕКТОРА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В 1972—1977 гг.

Основная проблематика сектора — изучение процесса исторического развития первобытнообщинного строя, его экономических закономерностей, идеологии и материальной культуры, зарождения и сложения первых этнических общностей на территории СССР — нашла отражение в различных работах сотрудников сектора. С 1975 г. важное место в работе сектора занимает подготовка нового издания «Археология СССР».

Так, для тома «Палеолит СССР» Н. О. Бадер написал раздел «Верхний палеолит Кавказа», для тома «Мезолит СССР» Л. В. Кольцов — «Мезолит Волго-Окского междуречья», для тома «Неолит СССР» (редактор А. А. Формозов) написаны разделы: В. В. Бжания — «Неолит Кавказа», Е. К. Черныш — «Неолит Правобережной Украины и Молдавии», Д. А. Крайнов — «Неолит Верхнего Поволжья», О. Н. Бадер — «Неолит Прикамья» и В. Ф. Старков — «Неолит Зауралья и Западной Сибири».

Для тома «Раннеземледельческие культуры юга СССР» Е. К. Черныш написан раздел «Энеолит Правобережной Украины и Молдавии», для тома «Бронзовый век лесной полосы СССР» (редактор О. Н. Бадер) подготовлены разделы: М. Ф. Косаревым «Бронзовый век Западной Сибири» и С. В. Ошибкиной «Бронзовый век северо-запада лесной зоны СССР». Редактирование тома «Бронзовый век Кавказа и Средней Азии» поручено В. И. Марковину и В. И. Сарияниди.

За 1972—1977 гг. сотрудниками сектора завершено, сдано в печать и опубликовано более 20 крупных печатных работ. Так, Ю. С. Гришин опубликовал книгу «Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья» (М., 1975 г.) и окончил монографию «Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья».

М. А. Дэвлет выпустила две книги по истории искусства древнего населения Южной Сибири. В работе «Большая Боярская писаница» (М., 1976) дана характеристика хозяйства и идеологических представлений населения среднего Енисея в конце I тысячелетия до н. э. Работа «Петроглифы Улуг-Хама» (М., 1976) посвящена истории изучения и описанию петроглифов верхнего Енисея. Ею сдана в печать книга «Сибирские поясные ажурные пластины».

В. И. Мошинская завершила разработку темы «Проблема южных влияний на культуру древнего населения севера Западной Сибири», оформленной в виде нескольких очерков. В работе В. И. Мошинской «Древняя скульптура Урала и Западной Сибири» дан анализ древней скульптуры с конца III тысячелетия до первой половины I тысячелетия н. э. (М., 1975). Конкретному памятнику эпохи поздней бронзы по-

священа монография Л. П. Зяблина «Карасукский могильник Малые Копены III» (М., 1977).

М. Ф. Косарев опубликовал монографию «Древние культуры Томско-Нарымского Приобья» (М., 1974) (от II тысячелетия до н. э. до начала I тысячелетия н. э.). Другая монография М. Ф. Косарева, «Бронзовый век Западной Сибири», завершена в 1975 г. и является обобщением и систематизацией материалов по бронзовому веку предтаежной и таежной зоны. Монография защищена М. Ф. Косаревым в качестве докторской диссертации.

В 1975 г. завершены работы В. Ф. Старкова «Мезолит и неолит лесного Зауралья» и двухтомная монография «Мангазея» (совместно с М. И. Беляевым и О. В. Овсянниковым).

История населения Урала излагается и в монографии Г. Н. Матюшина «Мезолит Южного Урала» (М., 1976). Становлению производящего хозяйства в степях нашего юга посвящена книга Н. Я. Мерперта «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» (М., 1974), в которой изложена история возникновения и развития подвижного скотоводства и его роли в древнейшей истории Европы. История населения этого же района изложена в рукописи Л. Л. Галкина «Древности Саратовского Заволжья» (результаты трехлетних работ Средневожской экспедиции).

О. Н. Бадер совместно с А. Х. Халиковым издал в серии САИ «Памятники балановской культуры» (М., 1976). В своде подробно рассмотрены балановские поселения и могильники в плане определения хронологии, идеологии, хозяйства и исторических судеб балановских племен. Родственной культуре посвящен САИ, опубликованный О. С. Гадзяцкой, — «Памятники фатьяновской культуры (Ивановско-Горьковская группа)» (М., 1976), в котором содержится описание восточной группы собственно фатьяновских памятников. Данная работа защищена автором в качестве кандидатской диссертации.

Переходному времени от палеолита к мезолиту, выделению культур мезолитической эпохи и их периодизации посвятил Л. В. Кольцов монографию «Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики» (М., 1977).

В 1974 г. В. И. Марковиным издана книга «Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазов», в которой делается заключение о наибольшей близости дольменов Кавказа с дольменами Пиренеев и островов Средиземного моря. Им же для 1-го тома «Истории народов Кавказа» написаны разделы, посвященные северокавказской, дольменной и катакомбной культурам. В. И. Марковин защитил в 1975 г. докторскую диссертацию «Дольмены Западного Кавказа».

Вышли из печати монографии, посвященные общим вопросам этнокультурной истории первобытного общества. Одна — А. А. Формозова и другая — Е. Е. Кузьминой и К. Ф. Смирнова. А. А. Формозов в работе «Проблемы этнокультурной истории каменного века европейской части СССР» (М., 1977) исследует археологические памятники эпохи палеолита, мезолита и неолита, постулируя наличие двух крупных этнокультурных массивов племен в лесной и Причерноморской зонах. Рассматриваются основные этапы этнической истории данного региона, связанные с первоначальным освоением территории и расселением племен в период сложения производящего хозяйства. А. А. Формозов совместно с тремя авторами выпустил альбом «Памятники искусства в новых находках советских археологов» (М., «Искусство», 1977).

Монография «Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий» написана Е. Е. Кузьминой и К. Ф. Смирновым (М., 1977). В ней широко привлечены данные индоиранистики для решения вопросов истории андроновской культурно-исторической общности, ее происхождения и этнической принадлежности.

Ряд завершенных работ связан с экспедиционными исследованиями сотрудников сектора за рубежом. Так, В. И. Сариниди опубликовал мо-

нографию «Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа» (М., 1976), в основу которой положены материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Это первый историко-археологический обзор древностей Афганистана, в котором устанавливается культурная общность древнего населения севера страны и южных областей советской Средней Азии. Работа защищена автором в качестве докторской диссертации.

Н. Я. Мерперт совместно с болгарскими исследователями завершил работу над монографией «Поселение раннего бронзового века у с. Эзера в Южной Болгарии». В книге дана полная публикация двенадцатилетних раскопок Советско-Болгарской экспедиции. Совместно с Р. М. Мунчаевым им обобщены результаты многолетних раскопок хассунского поселения Ярым-тепе I (VI тысячелетие до н. э.) и халафского Ярым-тепе II (V тысячелетие до н. э.). В связи с ними ставятся общие вопросы развития упомянутых культур и роли их в становлении земледелия Старого Света.

В. С. Титов в содружестве с венгерскими учеными завершил работу над монографией «Археология Венгрии. Каменный век», где авторы (М. Габер, В. Титов и И. Эрдели) рассмотрели длительный период в истории Венгрии, дали характеристику целого ряда культур и культурных групп и наметили прогрессивные линии развития в каменном веке Венгрии.

Кроме перечисленных монографий, сотрудниками сектора за шесть лет опубликовано около 400 статей, заметок, тезисов и рецензий в различных изданиях Советского Союза. Около 50 статей и заметок напечатано в научно-популярных журналах и газетах СССР. Среди них научно-популярные книги: В. И. Марковин «Дорогами и тропами Дагестана» (М., 1974), А. А. Формозов «Археологические путешествия» (М., 1974), Г. Н. Матюшин «У колыбели истории» (М., 1972), «Яшмовый пояс Урала» (М., 1977). Активно пропагандируя успехи советской археологической науки, сотрудники сектора более десяти раз выступили по центральному и местному радио и телевидению и прочитали более 60 докладов для разных организаций и предприятий.

Научно-педагогическая деятельность сотрудников сектора выразилась в чтении лекций для студентов и аспирантов, в руководстве аспирантами и подготовке учебников. Г. Н. Матюшин написал главы к учебному пособию «Историческое краеведение» (М., 1975). Курс лекций «Первобытное общество» для слушателей Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ прочитан Н. О. Бадером, курс археологии для студентов Курганского пединститута — Т. М. Потемкиной, для студентов Башкирского, Владимирского и Куйбышевского пединститутов и Куйбышевского госуниверситета — О. Н. Бадером и Н. Я. Мерпертом. Курс лекций для студентов МГУ по эпохе бронзы прочитан В. С. Титовым, по каменному веку — Л. В. Кольцовым. Руководство аспирантами и соискателями осуществляли О. Н. Бадер, М. Ф. Косарев, Д. А. Крайнов, Н. Я. Мерперт и В. И. Мошинская.

Защищены кандидатские диссертации: В. Я. Серегиным на тему «Палеолитические жилища европейской части СССР», Н. Н. Тереховой — «История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении», В. С. Бейлекчи — «Ранний неолит низовьев Прута и Дуная», Н. М. Виноградовой — «Трипольские племена Пруто-Днестровского междуречья в период расцвета», Л. Г. Ивашиной — «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии», Т. М. Потемкиной — «Культура населения бронзового века Притоболья», В. Ф. Филатовой — «Опыт периодизации неолитических памятников Карелии», С. Н. Кореневским — «Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы», М. Г. Косменко — «Мезолит Среднего Поволжья» и семь кандидатских диссертаций сотрудниками других учреждений.

Как обычно, сотрудники сектора принимали участие в пленумах Института археологии, посвященных полевым исследованиям, некоторые руководили работами отдельных секций. На Всесоюзном симпозиуме «Пер-

вобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене» при Институте географии АН СССР выступили с докладами О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов и М. А. Хотинский и Л. В. Кольцов.

На совещании при Владимирско-Суздальском музее-заповеднике О. Н. Бадером прочитаны доклады «Проект музеефикации заповедной зоны Сунгирия» и «Результаты раскопок на Сунгире в 1973 г.». Им сделаны доклады на конференции ВООПИК в г. Звенигороде, в Горьковском музее и Отделении ВООПИК, в Четвертичной комиссии и в Башкирском филиале АН СССР.

В так называемых «Крупновских чтениях» участвовали В. И. Марковин, В. В. Бжания. В. И. Марковин участвовал в совещании в г. Махачкале по изданию «Истории народов Северного Кавказа».

В конференции «Атеизм и проблемы происхождения человечества» в г. Москве участвовали Ю. С. Гриппин и Г. Н. Матюшин. Г. Н. Матюшин выступил с докладами на конференции в г. Ленинграде «По проблемам таксономии и классификации археологического материала» и в г. Москве на конференции «Историзм археологии и методологические проблемы».

На секторах и сессиях ЛОИА выступали сотрудники сектора О. Н. Бадер, А. А. Формозов, В. Я. Серегин, В. Ф. Старков, Г. Н. Матюшин и С. В. Ошибкина. В Неолитическом совещании в Ленинграде участвовали Д. А. Крайнов, М. П. Зимина, В. В. Бжания и В. Ф. Старков. Кроме того, С. В. Ошибкина сделала доклад на симпозиуме по хронологии железного века, а Е. Е. Кузьмина — на совещании по кочевникам в г. Ленинграде.

В г. Куйбышеве на конференции «Проблемы археологии Поволжья и Приуралья» выступили с докладами О. Н. Бадер, Г. Н. Матюшин, Д. А. Крайнов, Б. Г. Тихонов, Л. Л. Галкин, Е. Е. Кузьмина, Н. Я. Мерперт.

В 1975 г. на Международной конференции в г. Новосибирске и на Восточносибирском региональном совещании в г. Иркутске Г. Н. Матюшин и М. А. Дэвлет прочитали доклады. М. А. Дэвлет сделал доклады на конференции в г. Душанбе по итогам полевых работ и на конференции в г. Владивостоке по проблемам истории, археологии и этнографии Дальнего Востока.

На симпозиуме по кулайской культуре в г. Новосибирске выступил М. Ф. Косарев, на совещании в г. Томске по сибирской археологии выступали М. А. Дэвлет, В. Ф. Старков, Т. М. Потемкина и М. Ф. Косарев. В VI Уральском совещании в г. Нижнем Тагиле участвовали Г. Н. Матюшин, Т. М. Потемкина, М. А. Дэвлет, В. Ф. Старков, М. Ф. Косарев и О. Н. Бадер.

Расширяются и международные связи сотрудников сектора. В 1973 г. О. Н. Бадер принял участие в VI Международном спелеологическом конгрессе в г. Оломоуце в Чехословакии, где выступил с докладами «Палеолитические пещеры Урала» и «Новые данные о палеолитической стоянке Сунгирь».

В этом году Л. В. Кольцов на симпозиуме «Мезолит в Европе» в г. Варшаве сделал доклад «Некоторые проблемы мезолита Волго-Окского междуречья», а Н. Я. Мерперт в г. Кракове участвовал в симпозиуме, посвященном переходному периоду от энеолита к бронзовому веку. В 1974 г. он, Е. Е. Кузьмина и Н. О. Бадер участвовали в англо-советском симпозиуме «Цивилизации Древнего Востока и культура евразийских степей». Н. О. Бадером в университете г. Кембриджа прочитаны доклады «Исследование палеолита европейской части СССР» и «Раскопки Телль-Сото».

На IV Международном конгрессе финно-угроведов, проходившем в 1975 г. в г. Будапеште, О. Н. Бадер председательствовал на секции первобытной археологии, а С. В. Ошибкина выступила с докладом «Мезолитические памятники севера лесной зоны Европейского Севера СССР». С. В. Ошибкина посетила Финляндию с целью ознакомления с коллек-

циями по мезолиту и неолиту, хранящимися в местных музеях и университетах. Здесь, в университетах городов Хельсинки и Турку, в «Обществе антикваров» ею прочитаны лекции «Материальная культура финно-угорского населения бассейна Вятки в раннем железном веке» и «Каменный век севера лесной зоны».

Для знакомства с коллекциями музеев Л. В. Кольцов посетил Польшу, В. В. Бжания — Алжир, где, кроме того, он участвовал в раскопках, и Е. К. Черныш посетила раскопки в Болгарии.

В 1976 г. в г. Ницце состоялся IX Международный конгресс доисторических и протоисторических наук, в организации которого активное участие принял Л. В. Кольцов как секретарь Оргкомитета. На конгрессе с докладами выступили Н. Я. Мерперт (совместно с Р. М. Мунчаевым) и Л. В. Кольцов. Кроме того, были опубликованы в сборнике «Доклады и сообщения археологов СССР на IX конгрессе...» доклады О. Н. Бадера и Г. Н. Матюшина.

За рубежом в различных изданиях опубликовано более десяти работ, из которых следует отметить книгу В. И. Мошинской и В. Н. Чернецова «Prehistory of Western Siberia», изданную в Лондоне, работу Н. О. Бадера, Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева о результатах исследований Иракской экспедиции в 1973 г. в Багдаде и ряд других.

В настоящее время в составе сектора работает 27 сотрудников. По различным причинам выбыли из состава сектора Л. П. Зяблин, П. М. Кожин и А. П. Погожева и приняты Т. М. Потемкина и В. Я. Сергин. За шесть лет сектором проведено 186 заседаний, на которых обсуждались многие актуальные вопросы археологии каменного и бронзового веков, результаты полевых исследований, научных командировок и результаты участия сотрудников сектора на различных конференциях, симпозиумах и совещаниях. Активно участвовали сотрудники сектора в рецензировании монографий, диссертаций, сборников, полевых отчетов и отдельных статей для «Советской археологии», «Кратких сообщений» и других журналов и сборников. Сектор подготовил и выпустил в свет сборники статей в честь О. Н. Бадера «Памятники древнейшей истории Евразии» (М., 1975) и в честь Д. А. Крайнова «Восточная Европа в эпоху камня и бронзы» (М., 1976). Сотрудники приняли участие в составлении и редактировании сборника ветеранов Великой Отечественной войны «Проблемы советской археологии».

На методологических семинарах Института археологии в 1976—1977 гг. с докладами выступали О. Н. Бадер, В. И. Марковин, М. Ф. Косарев, Ю. С. Гришин, В. С. Титов, Е. К. Черныш, Н. Я. Мерперт и А. А. Формозов.

Важный вид деятельности сектора — проведение полевых экспедиций. В настоящее время сотрудники сектора работают в четырех постоянно действующих экспедициях за границей. Многолетние работы в Ираке сотрудников сектора Н. Я. Мерперта и Н. О. Бадера привели к исследованию памятников Ярым-тепе I и II с хассунскими, халафскими и убейдскими слоями VI—IV тысячелетий до н. э.

Н. О. Бадер ведет раскопки поселений Тель-Сото и Джабел-Магзалия, предшествующих хассунскому времени.

Работами в Монголии руководит В. В. Волков. За шесть лет Монголо-Советской историко-культурной экспедицией обнаружено и скопировано около 500 оленных камней, обследовано пять крупных групп скоплений петроглифов на Алтае и в Хангае, раскопаны в окрестности г. Улонгом могильник скифского времени, несколько курганов афанасьевской культуры, плиточные могилы и курганы хунну.

Советско-Афганская экспедиция продолжала свои исследования в Северном Афганистане, где проводила маршрутные обследования, раскопки памятников эпохи поздней бронзы, ахеменидского и кушанского времени. Под руководством В. И. Сарияниди велись работы на памятнике Дашлы III, где исследовалась монументальная постройка второй половины II тысячелетия до н. э.

В 1975 г. начала работы Советско-Венгерская экспедиция, в которой активное участие принимает В. С. Титов. Основные раскопки экспедиции были сконцентрированы на двух памятниках — Фенекпусте на западе Венгрии и телле Херпай-халем — на юго-востоке. Важным результатом работ явилось вскрытие энеолитического баденского поселения у Фенекпусты с домами и хозяйственными ямами, нового могильника с трупосожжением, бронзовыми украшениями и керамикой культуры кишапеншаг, а на телле Херпай-халем — слоев позднего неолита, культуры раннего бронзового века Отомань и среднего бронзового века культуры дюлаваршанд.

В составе Болгаро-Советской экспедиции сотрудники сектора Н. Я. Мерперт и В. В. Бжания завершили работы на поселении раннебронзового века у с. Эзеро. Сопоставление поселения с эгейско-малоазиатскими памятниками позволило констатировать значительно большую древность северобалканских памятников эпохи ранней бронзы. В. В. Бжания принимал участие в исследовании древнейших медных рудников, которые велись под руководством Е. Н. Черных у г. Стара-Загора. Отряд обследовал 11 медных разработок и на рудниках А-бунар и Тымнянка провел раскопочные работы, позволяющие утверждать, что разработки на медь здесь начались еще в эпоху энеолита.

Широкие экспедиционные исследования проведены сотрудниками сектора на территории Советского Союза. Забайкальский отряд под руководством Ю. С. Гришина вел раскопки неолитических и раннебронзовых памятников в Читинской обл., Абаканский под руководством Л. П. Зяблина изучал неолитические, окуневские и карасукские памятники в Минусинской котловине. Тоджинская экспедиция под руководством М. А. Дэвлет в течение нескольких лет проводит копировку петроглифов в урочищах Малый Боянкол, Мугур-Саргол и «дорога Чингисхана», раскопки курганов и поселений различных периодов.

Западносибирская экспедиция в составе отрядов М. Ф. Косарева, В. Ф. Старкова и Т. М. Потемкиной исследовала памятники различных эпох в нескольких областях Западной Сибири и Зауралья. Здесь археологами выделен ряд новых археологических культур от мезолита до развитой бронзы. Южноуральская экспедиция под руководством Г. Н. Матюшина вела на оз. Банном в Зауралье и на р. Ик около пос. Мулино исследования стоянок неолитического и энеолитического времени.

Средневожжская новостроечная экспедиция под руководством Л. Л. Галкина проводила большие исследования в зоне строительства заволжских оросительных систем. Раскопан ряд курганных групп в Ульяновской и Саратовской областях, содержащих погребения от ямного времени до средневековья, а также несколько поселений эпохи бронзы.

На строительстве Пензенской плотины работала Сурская экспедиция под руководством Б. Г. Тихонова. Основные работы были сосредоточены на левом притоке р. Суры — р. Узе, где выявлены группа поселений срубной культуры и поздний мордовский могильник, а у с. Старое Захаркино — курганный комплекс. Под руководством В. Г. Тихонова работал Александровский отряд Ставропольской экспедиции в зоне строительства Большого Ставропольского канала, у хутора Веселая Роща вскрыто более 50 курганов. Основная масса погребений относится к катакомбной культуре, но исследованы могилы сарматского и аланского времени. Следует отметить исследование первых в этом районе погребений майкопского времени.

На Северном Кавказе экспедиция под руководством В. И. Марковина продолжала исследование дольменов и Сентинского храма, построенного византийцами в X—XI вв., а Причерноморская экспедиция под руководством В. В. Бжания — неолитических и энеолитических поселений Кистрик и Мачарского.

Двумя экспедициями руководил О. Н. Бадер. Северная палеолитическая экспедиция продолжала раскопки стоянки Сунгирь и наскальных палеолитических рисунков в Каповой пещере, в которой под натеками

расчищены новые рисунки мамонтов, бизонов и геометрических фигур. Важнейшим достижением Окской экспедиции являются раскопки Решенского могильника сейминско-турбинского типа в 25 км от г. Муром, где впервые зафиксировано наличие могильных ям и собран могильный инвентарь.

Верхневолжская экспедиция под руководством Д. А. Крайнова и Л. В. Кольцова исследовала мезолитические стоянки и у д. Пеньково, Иеневская II и Кошево II, неолитические стоянки на Ивановском торфянике Ярославской обл. и стоянки на оз. Сахтыш в Ивановской обл. На них и ряде других стоянок встречены культурные напластования от неолита до раннего железного века, погребения различных периодов эпохи первобытного общества. Достижением Верхневолжской экспедиции следует считать выделение верхневолжской неолитической культуры, представляющей памятникам ямочно-гребенчатого неолита.

В Кировской обл. Вятская экспедиция С. В. Ошибкиной исследовала могильник Тюм-Тюм с 66 азелинскими погребениями и 62 погребениями XVII в., мезолитические стоянки Студенец I и II, поселения эпохи бронзы Юртик и ряд других. Северная экспедиция под ее руководством в бассейне Сухоны и в западной части Вологодской обл. обнаружила и частично раскопала стоянки мезолитической и неолитической поры. Северо-западная экспедиция М. П. Зиминной вела работы на памятниках каменного века в Новгородской обл. (стоянки Репище и Кончанское 1). Исследован интересный кончанский неолитический могильник с большим количеством янтарных украшений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- ВДИ — Вестник древней истории
- ГАИМК — Гос. Академия истории материальной культуры
- ГИМ — Гос. Исторический музей
- ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
- ИАН — Известия Академии наук
- ИИ — Институт истории
- ИЯЛИ — Институт языка литературы и истории
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МАД — Материалы по археологии Дагестана
- МАК — Материалы по археологии Кавказа
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СЭ — Советская этнография
- ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казах-
АН Каз. ССР ской ССР
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии
- ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
- ААН — Acta Archaeologica Hungarica
- MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin
- FM — Finskt Museum Helsingfors

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Л. И. Хлопина.</i> Определение пола погребенных в могильнике эпохи бронзы Дашлы 3	3
<i>Е. Е. Кузьмина.</i> Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей	8
<i>П. Д. Либеров.</i> О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы	21
<i>В. А. Алексин.</i> К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы	24
<i>И. Н. Хлопин.</i> Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы	31
<i>В. И. Марковин.</i> О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа	36
<i>С. В. Ошибкина.</i> Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в восточном Прионежье	46

Полевые исследования

<i>И. В. Гаврилова.</i> Об особенностях памятников волосовского типа в костромском Поволжье	52
<i>М. П. Зимина.</i> Стоянка Старая Яксарка	57
<i>В. П. Третьяков.</i> О возникновении сетчатой керамики в восточной Прибалтике	62
<i>М. Р. Полесский.</i> Алферьевское поселение эпохи бронзы	67
<i>Е. К. Максимов.</i> Древнейшие погребения Крутоярских курганов	71
<i>В. Л. Державин, Б. Г. Тихонов.</i> Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье	76
<i>В. М. Балчаев, С. Н. Кореневский.</i> Находка оригинального топора в майкопском погребении у с. Лечинкай	79
<i>В. А. Завьялов.</i> Исследование части жилого комплекса эпохи бронзы на Алтын-депе в 1974 г.	84
<i>Г. И. Корнюшин.</i> Археологические находки в Кызылкумах	89
<i>В. Т. Ковалева, Т. М. Потемкина.</i> Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р. Тобол	91
<i>В. Ф. Старков.</i> Стоянка Малый Барашек I в Нижнем Приоболье	98
<i>Э. Б. Вадецкая.</i> Афанасьевский курган у с. Восточного на Евисее	101
<i>Ю. С. Гришин.</i> О некоторых погребальных памятниках бронзового века в Бурятской АССР	107
<i>В. И. Дьяков.</i> Первые археологические находки в долине р. Самарги	112

Критика и библиография

<i>Т. Мирсаатов, Т. Ширинов.</i> Рец. на статью Л. Килли «Техника и методология исследования микроизноса: Критический обзор» (Всемирная археология, 1974, т. 5, № 3)	118
--	-----

Хроника

<i>Тихонов Б. Г.</i> О работе сектора неолита и бронзы в 1972—1977 гг.	121
Список сокращений	127

Памятники эпохи бронзы

КСИА, вып. 161

Утверждено к печати

ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. П. Прохоров. Художественный редактор Н. Н. Власик

Технические редакторы Н. Н. Плохова, Е. Н. Евтянова. Корректор Л. И. Воронина

ИБ № 18317

Сдано в набор 15.07.80. Подписано к печати 30.09.80. Т-12774. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 12,2.

Тираж 2350 экз. Тип. зак 1622. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12